

ПРЕДИСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА

В опубликованной выше статье С. Г. Рункевича приводится перечень докладов (проектов Соборных *Деяний*), которые были подготовлены Отделами Поместного Собора 1917–1918 годов. Большая часть неутвержденных докладов осталась неопубликованной. Материалы Поместного Собора хранятся в Москве – в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Санкт-Петербурге – в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА). Издание этих материалов связано со значительными трудностями, которые объясняются в первую очередь тем, что мы имеем дело не с текстами окончательных решений, а с подготовительными материалами и проектами. Для исследования тех вопросов, по которым Собор не успел принять окончательного решения и выработать Соборное *Деяние*, особо важное значение приобретают стенограммы дискуссий, проходивших в Подотделах: они дают возможность проследить общее направление работы, выявить господствующие тенденции.

Однако полностью публиковать материалы дискуссий в Отделах едва ли целесообразно. Содержание стенограмм неравноценно, в них много повторов, и объем публикации при таком подходе оказался бы колоссальным. Поэтому при публикации материалов Отделов пришлось прибегнуть к значительным сокращениям.

Предмет настоящей публикации. Обсуждение проблем, касающихся храмового богослужения, церковного искусства, музыки и Типикона почти не отражено в опубликованных *Деяниях*. Это связано с тем, что, за небольшим исключением, эти вопросы не были вынесены на пленарные заседания. Революционные события и все усиливающиеся репрессии, направленные против Церкви, диктовали Собору регламент работы. Первоочередными становились вопросы взаимоотношения Церкви и государства. Постоянная угроза насильственного закрытия Собора вынуждала ограничиться решениями, обеспечивающими жизнедеятельность Церкви в условиях нарастающих гонений.

В основу настоящей публикации положены материалы заседаний Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*¹.

Принципы подачи материала. Публикация разделена на шесть относительно самостоятельных тематических разделов: 1) Богослужбное пение и музыка. 2) Иконописание и проблемы церковного искусства. 3) Церковно-богослужбный язык. 4) Юлианский и григорианский календари. 5) Проблемы Типикона. 6) Проблемы канонизации. Каждый раздел включает:

1. Предысторию обсуждения данной проблемы.
2. Все доклады экспертов или членов Собора, профессионально работавших в данной области.
3. Фрагменты стенограмм дискуссии.
4. Принятый Отделом доклад (проект Соборного *Деяния*).
5. Сведения о дальнейшей судьбе докладов (обсуждение их на пленарных заседаниях Собора и Епископском Совещании).

Осенью 1918 года стало совершенно очевидно, что в ближайшее время работа Собора будет насильственно прекращена. Поэтому на пленарном заседании Собора, которое состоялось 7/20 сентября 1918 года, было принято решение «о передаче на рассмотрение Высшего Церковного Управления оставшихся нерассмотренными докладов Соборных Отделов, с представлением названному Церковному Управлению права вводить выработанные Отделом предначертания в жизнь по мере надобности, полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях»². Таким образом, подготовленные Отделами материалы могли использоваться как документы, регламентирующие жизнь Церкви. *Публикуемые материалы фиксируют состояние разработки вопросов на момент закрытия Собора.*

Источники. Публикация осуществляется на основе материалов Поместного Собора, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонд 3431, опись 1. В ссылках на это собрание мы ограничиваемся лишь указанием номера архивного дела и листа, опуская номер фонда и номер описи.

Организация материала. При изложении мы безусловно предпочитали цитирование собственному пересказу. Тексты приводятся в том виде, как они сохранились в архиве. Исправления и пропуски обозначены при помощи угловых скобок < >. Без специальных оговорок вносятся лишь инициалы при фамилиях и фамилии при монашеских именах. Не оговаривается также раскрытие встречающихся сокращений. Орфография текста и употребление прописных букв приведены в соответствие с нормами, принятыми в «Богословских трудах».

Аппарат. Публикация сопровождается Именным указателем. Указатель включает также краткие биографические справки о членах Собора и людях, участвовавших в работе Собора. К сожалению, биографии далеко не всегда удастся восстановить.

Публикатор весьма признателен сотрудникам Издательского отдела Московской Патриархии, много сделавшим для улучшения публикуемого текста. Неоценимую помощь оказали нам советы К. К. Тарасова. Публикатором были приняты далеко не все рекомендации и пожелания, поэтому ответственность за ошибки и неточности лежит исключительно на публикаторе.

СВЯЩЕННЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛА О БОГОСЛУЖЕНИИ, ПРОПОВЕДНИЧЕСТВЕ И ХРАМЕ

ГЛАВА I. БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ И МУЗЫКА

1. Предыстория вопроса об упорядочении церковного пения

Во второй половине XIX – начале XX века вопрос об упорядочении церковного пения вставал периодически. Связано это с тем, что к этому времени возникает оппозиция партесному пению, которое широко распространилось в XVIII–XIX веках. Основным недостатком партесного пения его противники считали внимание к музыкальной форме в ущерб слову. «Иностранцы композиторы, – писал сторонник возвращения к славяно-византийской музыке, – по большей части не знали не только славянского, но и русского языка, а поэтому игнорировали текст и заботились только о музыкальной форме»³.

Определенные шаги в этом направлении предпринимал К. П. Победоносцев. «Обер-прокурор усердно заботился об улучшении церковного пения – предписывал архиереям наблюдать за правильностью пения в церквах, усиливал его преподавание в Духовно-учебных заведениях и церковноприходских школах, предписывал обязательно устраивать при школах хоры. При Победоносцеве был реорганизован Московский Синодальный хор и училище церковного пения; братство же Пресвятой Богородицы, в котором обер-прокурор активно участвовал, издавало переложения древних церковных напевов, работало над очищением пения от европейских заимствований»⁴.

В конце XIX века усиливается интерес светских композиторов к церковной музыке и древнерусскому музыкальному строю. Этот интерес мы видим у М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского. Последнему К. П. Победоносцев выхлопотал денежное пособие⁵.

В начале XX века в печати возникает дискуссия о направлении развития церковной музыки. Полемические статьи появляются в журналах «Музыкальный труженик», «Музыка и пение» и т. д. Эта дискуссия явилась фоном для обсуждения этих вопросов на Соборе.

Уже на третьем заседании Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*, которое состоялось 12 сентября 1917 года, принимается решение о создании Подотдела, занимающегося проблемами церковной музыки. Председателем этого Подотдела становится Е. М. Витошинский. В связи с тем, что далеко не все члены Подотдела обладают профессиональными знаниями, необходимыми для подготовки соответствующего Соборного *Деяния*, принимается решение о привлечении специалистов – музыковедов и церковных композиторов, не являющихся членами Собора. В результате в подготовке документов Подотдела принимали участие А. Д. Кастальский, Д. В. Аллеманов, М. М. Ипполитов-Иванов, регент Синодального хора Н. М. Данилин.

2. Дискуссия об употреблении инструментальной музыки во время богослужения

Мы не будем излагать ход обсуждения доклада «Об упорядочении церковного пения», хотя в архиве сохранились достаточно подробные протоколы, фиксирующие ход работы над этим текстом⁶. Это могло бы стать предметом специального исследования и в наши задачи не входит. Мы ограничимся лишь воспроизведением протокола заседания Подотдела, которое состоялось 8 декабря 1917 года и было посвящено вопросу о возможности использования во время богослужения органа. Согласно решению Отдела, этот протокол был напечатан в «Церковных ведомостях»⁷. Ниже мы воспроизводим эту публикацию.

Протокол соединенного заседания членов Подотдела по церковному пению Поместного Собора Православной Русской Церкви и Наблюдательного Совета Московского Синодального училища церковного пения от 8 декабря 1917 года
(Об употреблении органа за православным богослужением)

На заседании присутствовали – члены Собора: 1) священник-профессор В. Д. Прилуцкий, 2) священник Л. Е. Иваницкий, 3) Г. А. Ольховский, 4) П. Т. Кладников, 5) Е. М. Витошинский, 6) Н. Г. Безкровный; члены Наблюдательного Совета: 1) директор Синодального училища А. Д. Кастальский, 2) священник Д. В. Аллеманов, 3) А. В. Никольский, 4) регент Синодального хора Н. М. Данилин.

Кроме того, по приглашению Соборного Подотдела в заседании принял участие композитор А. Т. Гречанинов.

Председателем был избран Е. М. Витошинский, секретарем – священник Л. Е. Иваницкий.

А. Т. Гречанинов вносит на обсуждение вопрос о необходимости ввести за богослужением в православном храме орган для придания церковной службе большей музыкальной красоты, возвышенности и силы воздействия на молитвенное настроение молящихся.

По его мнению, наше богослужение как при пении существующих хоров, даже хорошо обученных, так в особенности при пении псаломщиков производит на молящихся удручающее впечатление. Всякий раз, когда он лично захочет молиться в храме, он должен посещать католический костел, так как только там он находит ту религиозно-музыкальную атмосферу, которая позволяет наслаждаться художественностью исполнения религиозной музыки.

Те музыкальные впечатления, которые в настоящее время может дать православное богослужение, по его мнению, слишком примитивны и некультурны, почему и не могут поднимать на должную высоту настроение молящихся. Создать хорошие хоры в приходских церквях при нашей бедности мы не только не сможем в ближайшем будущем, но, вероятно, не сможем никогда. Дело примет совсем другой оборот с введением органа в церковь.

Два-три опытных певца при умелом органисте сразу поставят на должную высоту исполнение духовномызыкальных песнопений за церковной службой.

Ввиду принципиальной важности предложения А. Т. Гречанинова в его обсуждении приняли участие все члены совещания.

Священник-профессор В. Д. Прилуцкий: На предложение А<лександра> Т<ихоновича> я должен заметить, что богослужение Православной Церкви совершенно не приспособлено к сопровождению пения органом. Вся красота нашей церковной службы заключается в тексте священных песнопений, а текст только тогда может стать достоянием молящихся, когда его внятно произносит человеческий голос. Звуки органа его, безусловно, затемняют и скрывают от молящихся всю красоту и возвышенность вложенных в него песнотворцами мыслей. С этой точки зрения кроме вреда введение органа за церковной службой православному богослужению ничего принести не может. Католическая Церковь прибегла к содействию органа как к средству поднять в народных массах сильно упавший интерес к церковной службе в сравнительно поздний период своей истории. Но это нововведение и в ней вызвало довольно большую ломку Церковного Устава, так как и на Западе все церковные службы до IX века были рассчитаны на исполнение их только средствами музыки вокальной. При введении органа нам пришлось бы изменить и переработать все изменяемые части богослужения, так как к исполнению стихир и кондаков ни в каком случае нельзя приспособить сопровождение органа. Наше кондакарное пение сложилось и выросло в условиях только вокального исполнения и потому, в случае введения органа, мы должны были бы от него совершенно отказаться. А отказаться от кондакарного пения – это значило бы для нас отказаться от половины церковномызыкальных сокровищ русского песнотворчества.

А. Д. Кастальский: Введение органа в сельские церкви будет недоступно ни по цене этого инструмента, ни в силу отсутствия опытных исполнителей. Для подготовки хороших органистов потребуются специальные школы и очень продолжительное время. При наших условиях можно ограничиться недорогой фисгармонией, которую следует поставить на клиросе. Назначение этой фисгармонии – поддерживать певцов во время исполнения песнопений за службой. Так как сельские хоры не будут петь технически трудных музыкальных произведений, то для игры на фисгармонии не потребуются большой техники. Любой регент, народный учитель или псаломщик будут в состоянии справиться с этой задачей. При сопровождении пения аккомпаниментом фисгармонии значительно выиграет пение хора, а произношение слов для слушателей станет более отчетливым.

Г. А. Ольховский: Я должен обратить внимание присутствующих на то, что Римская Церковь ввела орган очень поздно – в начале IX века, а до этого времени она, как и Церковь Восточная, органа не знала и довольствовалась для целей богослужения только музыкой вокальной. История введения органа в Римской Церкви вкратце такова. Византийский император Константин Копроним прислал Пипину Короткому в подарок небольшой орган для домашней церкви. Отсюда обычай употреблять за церковной службой орган перешел сначала в домашние церкви придворных, потом стал употребляться высшим дворянством и только через сравнительно большой промежуток времени стал употребляться в приходских храмах. Введение органа в Католической Церкви

обуславливалось главным образом употреблением латинского языка за богослужением. Народ не понимал церковной службы и потому скучал в храме. Ввиду этого католическое духовенство было вынуждено оживить богослужение введением инструментальной музыки.

У нас нет в наличности тех условий, которые вызвали необходимость введения органа в Церкви Западной. Богослужение совершается на понятном народу языке и сопровождается национальным, то есть созданным самим народом, пением. При таких условиях орган не только не прояснит в народном сознании как смысла текста церковных песнопений, так и всей службы в целом, но только затемнит то и другое в сознании еще не окрепшего в грамотности нашего простонародья. Нам нужно вводить не орган, а приложить все старания к подъему общенародного пения в церкви, так как только этот путь приведет наш народ к сознательному участию в церковной службе.

П. Т. Кладинов: Я совершенно не согласен ни с тем, что предлагает А. Т. Гречанинов, ни с мнением А. Д. Кастальского. Введение в наше богослужение инструмента убьет дальнейшее развитие нашего хорового искусства и не только в его элементарной форме общенародного пения, но и в форме более высокой – организованного хорового исполнения. Западная Церковь введением органа нанесла огромный вред делу развития хорового пения в среде простонародья. Благодаря органу католическое общенародное пение до сих пор не вышло из стадии унисона. По-видимому, оно дальше не подвинется. В то же время наш народ, благодаря отсутствию в храме инструментальной музыки, выработал в себе очень большую способность к хоровому исполнению и в этом отношении далеко оставил за собой другие народы Европы. Ввиду этого я отношусь отрицательно как к предложению А. Т. Гречанинова о введении за нашей церковной службой органа, так тем более к мысли А<лександра>Д<митриевича> об употреблении на церковном клиросе фисгармонии, инструмента с очень слабой силой звука, который никакой существенной роли в деле улучшения церковного пения в храме играть не может.

Священник Л. Е. Иваницкий: По затронутому А<лександром> Т<ихоновичем> вопросу в Собор поступил довольно обширный по объему, но наивный по мотивировке доклад В. В. Надина-Уварова о введении при православном богослужении инструментальной музыки «ради наивысшего благолепия православного храма и его богослужения», как выражается автор. Надин-Уваров имеет при этом в виду не орган, а перстобрячательные орудия библейского типа, как то – гусли, арфы, цитры и псалтырионы (плоские ящики с отдушиной). «Инструменты иных типов и новых конструкций – фисгармония, пианино, скрипка и другие – «неприемлемы», по заявлению самого автора.

К докладу приложено много вырезок из газет и журналов за разные годы со статьями, в которых специалисты-музыканты и неспециалисты обсуждают этот вопрос с разных точек зрения. Эти вырезки имеют весьма большое значение для решения затронутого вопроса, так как ярко свидетельствуют о его живучести в сознании православных. Не менее характерно и то обстоятельство, что ни один из авторов категорически не высказывается за введение инструментальной музыки за православным богослужением в храме.

Самый авторитетный из критиков – профессор М. Иванов в своей статье «Музыка в православных храмах»⁸, изложив сущность проекта доклада В. В. Надина-Уварова, замечает: «Таковы идеи Уварова. Я же со своей стороны, не высказываясь положительно за них, прибавлю, что если подобное нововведение может, хотя бы только с чисто внешней стороны, сблизить все христианские Церкви, то не следовало ли бы этому порадоваться и одобрить его». Таким образом, автор рассматривает введение инст-

рументальной музыки не как средство «ублагоепить» православное богослужение, чего добивается Уваров, а хочет видеть в этой мере «мост к соединению Церквей», другими словами, переносит вопрос с музыкальной почвы на почву церковной политики.

Я считаю своим долгом обратить ваше внимание на то, как была бы принята предлагаемая реформа нашим простонародьем, если бы Собор стал на точку зрения сторонников введения в храме инструментальной музыки. Не усмотрел ли бы народ в этой реформе посягательства на самую сущность Святой Церкви и не ответил ли бы он таким резким протестом, который неминуемо грозил бы Церкви новым расколом? Если мы этого раскола не желаем, то должны раз и навсегда отказаться от мысли и попытки вводить за богослужением в православном храме инструментальную музыку в каком бы то ни было виде.

А. Т. Гречанинов: Я соглашаюсь с мнением отца Л. Е. Иваницкого, что введение органа во всех приходских церквях пока преждевременно, и наш народ к этому еще, безусловно, неподготовлен. Но, по моему мнению, при введении этой реформы нужно было бы соблюдать необходимую осторожность: сначала в виде опыта ввести ее только в домовых церквях, которые посещаются интеллигентной публикой, музыкально развитой и уже вполне созревшей для предлагаемой мной реформы. Когда первые шаги показали бы, что население постепенно привыкает к реформе, ее можно бы развивать дальше. Я подчеркиваю, что в этом деле нужна большая осторожность.

Председатель замечает А. Т. Гречанинову, что Собор не может выносить по такому принципиальному вопросу половинчатых постановлений: допускать инструментальную музыку в одних храмах и не допускать ее в других. Собор должен прежде всего решить вопрос с принципиальной точки зрения – да или нет – и только после этого постановления можно говорить о частностях вопроса. Ввиду этого предложение А. Т. Гречанинова о частичном осуществлении проекта введения за церковной службой инструментальной музыки подлежать обсуждению не может.

Н. Г. Безкровный: У нас на Кубани делались уже опыты сопровождения нашей церковной <службы> аккомпаниментом органа и оркестра. Делалось это, правда, не в храме, а на концертной эстраде. Атаманский хор дал в Тифлисе несколько духовных концертов с сопровождением органа и оркестра. В таком виде по преимуществу исполнялись концерты Д. С. Бортнянского. Публика отнеслась к подобному начинанию отрицательно. Отрицательно отзывалась о нем и местная художественная критика. Инициаторы дела должны были признать, что их попытка окончилась неудачей.

Е. М. Витошинский: Я постараюсь рассмотреть вопрос о введении за церковной службой инструментальной музыки с исторической, психологической и музыкально-художественной точек зрения.

Русская Православная Церковь как явление историческое заканчивает уже первое тысячелетие своего существования. За это время все ее основные традиции и обычаи так глубоко и органически слились с душой народа, что всякая ломка этих традиций неминуемо должна отзываться в этой психике глубоким и болезненным расстройством. Мыслимо ли народу в начале второго тысячелетия жизни своей Церкви так радикально ломать одну из основных церковно-богослужебных традиций – за церковной службой только пение, а не инструментальная музыка? Конечно, немислимо. Предлагать такую реформу – значит совершенно не считаться с привязанностью народа к исторической традиции, готовить ему глубокие страдания и потрясения во имя совершенно для него чуждых теорий. Но такие потрясения народу не нужны, так как не вызываются никакими серьезными мотивами. Отсюда вполне понятно, что с исторической точки зрения предлагаемая реформа не должна иметь места.

Во всех случаях, когда народная психика испытывает резкое потрясение, не оправдываемое в его глазах понятными народу мотивами, она отвечает на них стихийным протестом. В истории Русской Церкви был уже такой печальный опыт, резко расколовший церковное единство. Я здесь имею в виду попытку Патриарха Никона насаждать в Москве западно-русское пение при помощи выписанных им из Киева певчих, так называемых «вспаваков». Они стали исполнять церковные песнопения и канты с такими приемами, которые шли совершенно вразрез с духом и характером употребляющегося преимущественно в Москве знаменного распева. И что же? Народ ответил резким отпором новшествам Патриарха, осудил его попытку ввести в церковное пение новую, непривычную струю и дал в руки сторонников старины одно из сильных доказательств еретичности Патриарха, и притом доказательство, понятное массам. А ведь <Патриарх> Никон не ломал так решительно церковной традиции в области пения, как готовимся сделать это мы: он не вводил инструментальной музыки, а сделал лишь скромную попытку насадить в церковном пении новую школу, ввести в него новую художественную струю. Мне возразят, что разница между временем Патриарха Никона и нашим временем огромна, что общий уровень развития народных масс в наше время гораздо выше и потому нам нечего опасаться с их стороны тех резких выступлений, которые в свое время погубили дело Патриарха Никона. На это и я отвечаю, что масса всегда остается массой, и ее протест будет резким и огромным по напряжению во всех тех случаях, когда она сталкивается с таким явлением жизни, к которому она психически не подготовлена или которое задевает «святая святых» ее мировоззрения. Я лично отношу обычай употребления за православным богослужением только вокальной музыки именно к области того народного «святаго святых», которое русская верующая масса будет защищать от всяких посягательств до последней возможности. Не ясно ли, что при наличии таких условий делать попытку введения инструментальной музыки в храм – значит создавать почву для раскола и огромных волнений в среде православной паствы.

Должен быть отрицательно решен вопрос о введении инструментальной музыки в храм и с *психологической* точки зрения. Всякий психолог знает, что религиозные навыки народа, его привязанность к известным обрядовым формам богослужения являются одной из самых устойчивых сил народной души в ее массовом целом. Колебать эту устойчивость без достаточных оснований так же опасно, как колебать устойчивость большого здания, которое грозит похоронить под своими развалинами того, кто потряс его основы, но не сумел совладать с последствиями своего неосторожного шага. В наше время потрясений, <происходящих> во всех сторонах народной жизни и психики, прибавлять ко всем тяготам и испытаниям еще одно – церковную смуту из-за введения органа в храм – это значит не только не желать залечить народные раны, но, напротив, еще сильнее их растравлять.

С *музыкальной* точки зрения пение хора является более высокой формой художественного исполнения, чем игра инструмента. Человеческий голос одухотворен и может передавать самые глубокие музыкально-художественные движения человеческой души, а инструмент неодухотворен и безжизнен. Кроме того, по общему признанию музыкального мира, русский народ наделен от природы выдающимися способностями к хоровому пению и выдающимися по качеству голосами. Таких детских сопрано и таких широких по диапазону и мощных по силе басов, какие встречаются в среде русского народа, нет ни у одного народа. Всякий раз, когда наши образцовые хоры – Синодальный или хор А. А. Архангельского – посещали музыкальные центры Европы – Вену, Берлин, Рим, Лейпциг, – иностранцы восхищались качествами и музыкальностью голосов и художественным совершенством исполнения, какого Европа до сих

пор не знала. Обладая от природы таким сокровищем, мы, естественно, должны идти по пути его наибольшего развития в будущем, а не сворачивать в начале второго тысячелетия своей истории на тот путь, который неминуемо должен привести нас к значительному понижению хорового пения, так как история со всей очевидностью доказала, что употребление в храме органа не дает народу возможности развивать до высших ступеней искусство хорового пения. Становясь на этот путь, мы должны ясно сознавать, что совершаем крупную историческую ошибку. Если посмотрим на вопрос даже с чисто технической стороны, то и тогда его отрицательное решение неизбежно. Что может дать хоровому исполнению сопровождение органа? Нового – решительно ничего, а только, несомненно, затемнить природные музыкальные красоты хора, тонкость его нюансов, нежность мелодических рисунков голосовых партий. Отрицать этого не будет ни один сознательный музыкант.

Резюмируя все сказанное, я принципиально отвергаю предложение А. Т. Гречанинова о введении за нашим богослужением в храме инструментальной музыки в каком бы то ни было виде.

Священник Д. В. Аллеманов поддерживает мысль А. Д. Кастальского о желательности допущения на церковный клирос фисгармонии для поддержки хора во время пения за церковной службой.

Е. М. Витошинский возражает А. Д. Кастальскому и священнику Д. В. Аллеманову, что введение только фисгармонии, инструмента очень слабого по силе звука, не даст решительно никаких художественных результатов, а соблазн будет так же велик, как и от введения органа. Нам нужно ставить вопрос не об органе или фисгармонии в храме, так как это технические мелочи, а нужно предварительно решить вопрос – допустима или недопустима в православном храме за богослужением инструментальная музыка? «В таком виде, – заканчивает председатель, – я ставлю этот вопрос на баллотировку».

Результаты голосования: из одиннадцати человек, присутствовавших на заседании, восемь высказались *против* введения в православном храме за богослужением инструментальной музыки, а три высказались *за*. Таким образом, большинством голосов этот вопрос решен отрицательно.

Этот протокол был зачитан на 26-м заседании Отдела, которое состоялось 2 марта 1918 года. Идея А. Т. Гречанинова шла вразрез с общим направлением работы Отдела, который стремился свести к минимуму западноевропейские элементы в богослужебной практике, поэтому решение Подотдела было поддержано: «Соглашаясь с решением Подотдела о недопустимости органа при православном богослужении, просить Соборный Совет сделать распоряжение напечатать в «Церковных ведомостях» копии вышеизложенного протокола соединенного заседания членов Подотдела о пении и Наблюдательного Совета Московского Синодального училища, в котором излагается высказанная специалистами по данному вопросу мотивировка отрицательного его решения⁹. Не следует забывать, что не всегда оказывалось возможным опубликовать даже *Деяния Собора*. Поэтому публикация этого протокола свидетельствует о том, что эту дискуссию члены Собора считали чрезвычайно важной.

К марту 1918 года Подотдел завершает работу над проектом доклада. На 27-м заседании, которое состоялось 27 марта 1918 года, Отдел приступил к обсуждению этого проекта. Перед началом обсуждения Е. М. Витошинский рассказал историю подготовки проекта, который был выработан состоявшими в Подотделе членами Собора.

«Но так <как> рассматриваемые Подотделом вопросы – специальные, то Подотдел обращался к специалистам с приглашением принять участие в работе. Это было исполнено. Но было постановлено, чтобы работы Подотдела представлялись на соединенное заседание Наблюдательного Совета Синодального училища и Подотдела. Такие заседания состоялись. Таким образом, работа Подотдела прошла через фильтр компетентного учреждения. В заседании соединенном принимали участие А. Д. Кастальский, священник Д. В. Аллеманов, Калинин, М. М. Ипполитов-Иванов, регент Синодального хора Н. М. Данилин. Работа рассматривалась около двух месяцев и плодом этого рассмотрения была выработка текста в редакции Синодального училища. <...> Наш проект, по крайней мере <...> его главы об осмогласии и о музыкальных сочинениях, требует больших теоретических познаний, и к вопросу о возможности поправок в этих главах следует относиться с большой осторожностью. Остальные главы положения носят характер организационно-административный и здесь, конечно, возможны большие поправки. Первые две главы нужно принимать в окончательной редакции. Всякие поправки здесь должны быть взвешены с точки зрения целесообразности»¹⁰.

Председательствующий на заседании епископ Пахомий (Кедров) полагал, что поскольку Отдел не в состоянии компетентно обсуждать вопросы, требующие профессиональной подготовки, то не лучше ли «проект Положений прямо направить в органы Высшего Церковного Управления – Священный Синод и Высший Церковный Совет, как уже и решено Собором, что дела, которые не успеют быть рассмотрены на Соборе, переходят именно в эти учреждения. Вообще нам не следует брать на себя ответственность в этом деле <...> раз мы не в состоянии, как утверждается здесь, критически отнестись к Положениям, к тому же нет надежды на то, чтобы Собор успел заняться рассмотрением Положений»¹¹.

Против этого предложения выступил Е. М. Витошинский, по мнению которого «для Русской Церкви важно, чтобы Положения об устройстве у нас пения были изданы Собором, а не другим каким-либо органом. Теория остается теорией, но у Церкви есть специальная задача: она должна сказать, чего желает от пения. Я предлагал бы внести Положения на пленарное заседание Собора. Митрополит Антоний (Храповицкий) сказал мне, что он и сам живо интересуется вопросом об устройстве пения и обещал принять меры к тому, чтобы Положения были заслушаны Собором»¹².

После постатейного обсуждения, которое продолжалось в течение нескольких заседаний¹³, был принят следующий текст:

3. Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*

«Об упорядочении церковного пения»¹⁴

Докладчики: священник Л. Е. Иваницкий и Е. М. Витошинский

Отдел I

1. Об осмогласии

1. Осмогласие является основой богослужбного пения Православной Русской Церкви.

2. Все богослужбные песнопения – изменяемые обязательно, а неизменяемые предпочтительно – исполняются осмогласными распевами.

3. Установившиеся общецерковные распевы, как-то: большой, малый и сокращенный знаменные, большой и сокращенный киевский и греческий признаются

ценными и потому настоятельно рекомендуются для употребления на церковном клиросе.

Те же распевы, которые обезличены различными редакциями, как, например, «придворный», считаются нежелательными для клироса и подлежащими постепенно-му упразднению.

4. Отдел считает настоятельно необходимым издание отдельными книгами рекомендуемых в 3-м пункте осмогласных распевов, а равно подобных и самогласных, в мелодически выправленной редакции всех изменяемых песнопений годового круга богослужения.

Примечание. Редактирование и издание мелодий общецерковных осмогласных распевов должно быть сделано центральным церковнопевческим органом при Высшем Церковном Управлении. Заботы же о записи, изучении и издании местных распевов во всем их объеме возлагаются на епархиальные церковнопевческие советы при правящем епископе под смотрением центрального певческого органа.

5. Осмогласные напевы могут исполняться за церковными службами как одногласно, так и хором: в двух-, трех- и более гласных изложениях.

6. Для хорового исполнения осмогласных распевов Отдел считает наиболее приличествующим такое изложение их, в котором сохраняется неизменяемой основная мелодия распева, соблюдаются все законы осмогласия и обрисовываются наличные черты национального церковнопесенного искусства.

7. Отдел допускает также обработку существующих церковных напевов и составление последних по законам осмогласия и с более свободным применением музыкально-технических средств.

8. Отдел выражает горячее желание, чтобы песнотворцы и певческие деятели прониклись усердием и отнеслись с полным вниманием к музыкальной обработке и исполнению за церковными службами изменяемых песнопений (стихир, канонов, антифонов, Блаженн, тропарей, кондаков, подобных и самогласных), до настоящего времени затеняемых песнопениями неизменяемыми и вообще весьма слабо представляемых на клиросе. Между тем они, будучи по существу нарочитыми, собственно и непосредственно относятся к данным церковным празднествам и службам.

Не только опущение их в большей части, но и исполнение в певчески необработанном виде и нетщательное ведет к обезличению празднеств и служб. Вместе с тем через изъятие из церковных служб изменяемых песнопений, составляющих главное содержание богослужбных книг, утрачивается для верующих огромная доля многовековой православной церковной поэзии, исчезают дары творческого вдохновения великого сонма святых песнотворцев.

2. О духовномызыкальных сочинениях

9. Духовномызыкальными сочинениями Отдел считает церковнохоровые произведения, в которых песнотворец кладет в основу своей работы не определенную и точную мелодию одного из существующих распевов, а создает собственную музыку на текст богослужбного песнопения.

10. Отдел разрешает употребление за церковной службой духовномызыкальных сочинений при условии: а) чтобы они были проникнуты строго молитвенным настроением, не нарушали цельности и логического смысла текста церковных песнопений, а общим характером своих мелодий и музыкальных построений отвечали бы изложенным в 6-м пункте музыкально-техническим требованиям; б) чтобы в практике клироса им предпочиталась обработка осмогласных и вообще церковных распевов.

Примечание 1. Вопрос о повторениях при церковном пении целых речений, отдельных фраз и слов будет разрешен в пределах, которые будут указаны высшим церковнопевческим органом с изложением мотивировки этого решения.

Примечание 2. Все существующие духовномызыкальные сочинения пересматриваются центральным церковнопевческим органом в целях определения их пригодности или непригодности к церковному употреблению, составляется список произведений, допускаемых для употребления при богослужении, который печатается для сведения и руководства певческих деятелей и органов наблюдения за состоянием и ведением церковного пения. Такие списки составляются и вновь выходящим произведениям и повременно объявляются во всеобщее сведение через помещение их в общецерковном печатном органе и отдельных брошюрах.

11. Отдел совершенно запрещает исполнение в храме концертов, написанных в свободном стиле западной светской музыки, в формах, неизвестных до конца XVIII века русскому народному пению. Концертные произведения могут исполняться вне храма, как наглядное пособие к лекциям по истории русского церковного пения и для других просветительных целей.

12. Отдел не запрещает исполнения за церковной службой произведений для одного голоса с сопровождением хора, если они написаны на мелодии церковных распевов и представляют или древний ипофонный (подпевательный) способ исполнения пения, или являют манеру пения протопсалтов Великой церкви (Софии Константинопольской), допускаемую также при канонаршении, запеваниях головщика и чисто русских «починах» и «захватах» в стародемественном пении.

13. Отдел совершенно запрещает для церковнопевческих произведений прямые заимствования мелодий и музыкальных оборотов мирской песни.

14. Отдел вменяет в непрерывную обязанность приходского духовенства, руководителей пения в народной начальной школе и всех церковнопевческих организаций как приходских, так и окружных, всемерно заботиться о развитии и самом широком распространении в народе произведений религиозно-народного творчества, как то: псалмы, канты, колядки, духовные стихи, песнопения Богогласника западнорусских изданий, Алтайской лепты (демественное народное пение). Вопрос об употреблении этого рода песнопений в храме и вне храма в зависимости от местных обычаев предоставляется решению церковнопевческих советов при правящем епископе.

3. Об общенародном церковном пении

15. Исполнение песнопений за церковной службой может поручаться как особым хорам, состоящим из певцов-специалистов, так и всем присутствующим в храме молящимся.

16. Признавая общенародное пение за церковной службой могущественным средством привлечения молящихся к действительному участию в совершении богослужения, Отдел настоятельно предлагает епархиальным епископам принять соответственные меры к повсеместному введению в практику общенародного пения за церковными службами.

17. Общее наблюдение и руководство постановкой и развитием общенародного церковного пения в епархии возлагается на Епархиальные церковнопевческие советы при правящем епископе.

18. Все дело организации и руководства общенародным церковным пением в приходе возлагается на приходское духовенство и церковнопевческие приходские советы.

19. Отдел считает наиболее целесообразным и отвечающим интересам дела поручать непосредственное руководство общенародным церковным пением в приходе псаломщику, но в зависимости от местных условий руководство общенародным

церковным пением в приходе может быть поручаемо и другим членам причта – священникам и диаконам, а также и лицам, специально приглашаемым для этой цели приходом.

20. Для надлежащей подготовки таких псаломщиков-руководителей во всех епархиях на местные средства должны быть открыты соответствующие школы. Организация этих школ и непосредственное руководство их работой возлагаются на епархиальные церковнопевческие советы.

21. Для создания подготовленного кадра исполнителей желательна такая постановка преподавания церковного пения в начальной школе, чтобы учащиеся в ней были подготовляемы к участию в общенародном пении за церковными службами.

Должно быть восстановлено антифонное исполнение тех богослужебных песнопений, которые по Уставу положено петь на два лика, а равно и пение с канонархом.

Отдел II

Организация управления церковнопевческим делом Православной Российской Церкви

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Для управления всем церковнопевческим делом необходимо создание административной системы, которая регулировала бы деятельность и взаимоотношение всех органов, ведающих церковнопевческим делом. Наличие постоянно действующей системы внесет планомерность в работу всех церковнопевческих учреждений как в центре, так и на местах, и сообщит ей закономерность юридических отношений.

2. Для подъема общего уровня церковного пения в стране необходимо значительное усиление музыкального образования.

I. Организация церковнопевческого управления.

Центральный церковнопевческий комитет при Высшем Церковном Управлении. Его состав. Способ избрания его членов. Их права и обязанности

1. Для научной разработки вопросов церковного пения и для общего руководства деятельностью всех церковнопевческих организаций и учреждений Православной Российской Церкви при Высшем Церковном Управлении учреждается Центральный церковнопевческий комитет в качестве особого разряда 1-го Отделения Патриаршей Палаты церковного искусства и древностей.

2. Центральный церковнопевческий комитет состоит из пяти членов. Его членами могут быть: 1) композиторы, заявившие себя работами в области церковного пения, 2) ученые теоретики и историки церковной музыки, 3) специалисты-практики по организации хоров или основатели хоровых обществ. Желательно, чтобы в составе Комитета были представители каждой из этих специальностей.

3. Центральный церковнопевческий комитет в своем внутреннем управлении является учреждением автономным. Ему принадлежат в этой области следующие права: а) выбора председателя из числа своих членов сроком на три года, б) право законодательной инициативы по всем вопросам, входящим в круг его деятельности, в) составления плана своих работ, г) самостоятельного распоряжения всеми находящимися в его ведении кредитами в пределах надлежащей утвержденной сметы.

4. Члены Комитета избираются сроком на три года с правом переизбрания.

5. Замещение должности членов Комитета производится путем конкурса. Для выработки условий первого конкурса учреждается особая Комиссия, в состав которой входят: а) один член по назначению Святейшего Патриарха, б) три члена от Священного Синода, в) три члена от Высшего Церковного Совета, г) Наблюдательный Совет при Московском Синодальном училище церковного пения в полном составе.

6. На обязанности Комиссии кроме выработки условий первого конкурса лежит ведение всего дела по избранию членов Комитета. Из числа лиц, участвовавших в конкурсе, Комиссия избирает достойнейших и представляет их на утверждение Патриарха.

7. Заботы о замещении должности членов Комитета после образования его первого состава возлагаются на Комитет. В случае освобождения должности в Комитете его председатель входит к Святейшему Патриарху с представлением о назначении конкурса для замещения открывшейся вакансии. Для оценки кандидатов образуется особая Комиссия в составе: а) одного члена по назначению Святейшего Патриарха, б) двух – от Священного Синода, в) двух – от Высшего Церковного Совета, г) всех наличных членов Центрального церковнопевческого комитета. Избранный Комиссией кандидат утверждается в должности Святейшим Патриархом.

8. Вопрос о лишении должности члена Комитета может быть возбужден: а) Святейшим Патриархом, б) Священным Синодом, в) Высшим Церковным Советом, г) самим Комитетом и решается особой Комиссией в составе: а) одного лица по назначению Святейшего Патриарха, б) двух – от Священного Синода, в) двух – от Высшего Церковного Совета, г) всех наличных членов Комитета. Постановления Комиссии утверждаются Святейшим Патриархом. В случае несогласия Патриарха с постановлениями Комиссии дело передается на рассмотрение соединенного заседания Священного Синода и Высшего Церковного Совета для окончательного решения в общем порядке Высшего Церковного Управления.

Примечание. Мотивами удаления членов Комитета с должности могут послужить: а) ясно выраженная нецерковность направления, б) обнаружившаяся неспособность к исполнению своих обязанностей, в) небрежное отношение к делу, г) продолжительная или неизлечимая болезнь.

1. Круг обязанностей Центрального церковнопевческого комитета

В круг обязанностей Комитета входит: 1) руководство и высшее наблюдение за деятельностью церковнопевческих епархиальных советов при правящем епископе и разрешение всех спорных вопросов по церковному пению, возникающих в епархиях, 2) высшее заведование и руководство работой всех состоящих в его ведении певческих и музыкальных училищ, 3) выработка плана общей организации предметов преподавания во вновь открываемых училищах церковного пения, 4) разработка всех теоретических и практических вопросов, входящих в круг церковного пения, как-то: а) установление единства гласовой мелодии в общецерковных осмогласных распевах согласно пункту 4-му Постановления об осмогласии, б) выработка программ преподавания церковного пения в народной начальной школе всех ведомств, в духовных училищах, духовных семинариях и пастырских школах, в) организация нотоиздательства и книгоиздательства по вопросам церковного пения, г) научное и популярное издательство по церковному пению и истории церковной музыки, д) собирание всех имеющих отношение к пению рукописей и других памятников письменности, образование из них музеев и библиотек, е) научное описание и печатание нотных рукописей, хранящихся в существующих книгохранилищах.

10. Все постановления Комитета, имеющие обязательное значение для всей Русской Церкви, должны получить утверждение Патриарха и только после этого получают

законную силу. В случае отказа Патриарха утвердить постановления Комитета дело передается в Священный Синод, или в Высший Церковный Совет, или же в соединенное заседание того и другого по принадлежности.

II. Организация церковнопевческого дела в епархии

1. Епархиальные церковнопевческие собрания и съезды

1. На епархиальных собраниях образуется особый церковнопевческий отдел, в круг обязанностей которого входит рассмотрение всех вопросов, касающихся организации церковного пения в епархии для представления соответствующих докладов общему заседанию Епархиального собрания.

2. В случае нужды для решения специальных вопросов из области церковного пения с благословения епископа Епархиальным церковнопевческим советом могут быть созываемы особые Епархиальные церковнопевческие съезды, в которых имеют право участвовать все работники в области церковнопевческого дела в епархии.

3. Постановления Епархиального церковнопевческого съезда представляются на утверждение епархиального епископа.

2. Епархиальный церковнопевческий совет при правящем архиерее

4. Для руководства всем церковнопевческим делом в епархии и создания в ней соответствующих органов учреждается Епархиальный церковнопевческий совет при правящем епископе, действующий под его непосредственным руководством.

5. В состав Совета входят: по должности – регент архиерейского хора; по выборам – а) один представитель от преподавателей пения в местных Духовно-учебных заведениях, б) избираемые сроком на три года Епархиальным собранием три представителя – два клирика (один из которых в пресвитерском сане) и один мирянин.

Примечание 1. Избираемыми могут быть и лица, состоящие членами Епархиального собрания.

Примечание 2. Кроме указанных в 5-м пункте членов в работах Епархиального церковнопевческого совета по желанию с правом решающего голоса могут принимать участие: а) один представитель от преподавателей пения в местных светских учебных заведениях, б) один представитель от хоровых обществ, имеющих правление в данном городе.

6. Епархиальному церковнопевческому совету принадлежит: 1) право выбора председателя из числа своих членов сроком на три года, 2) право инициативы по всем вопросам, входящим в круг его деятельности, для проведения в жизнь епархии соответствующих мероприятий в установленном законом порядке, 3) составление плана своих работ и распоряжение всеми ассигнуемыми на нужды певческого дела в епархии кредитами в пределах надлежащей утвержденной сметы, 4) наблюдение за общей постановкой преподавания церковного пения в начальной школе, 5) установление типа общецерковного осмогласного распева как общеобязательного для всех приходских храмов епархии, согласно 3-му пункту Постановления об осмогласии, 6) запись, изучение и распространение местных церковных распевов, 7) заботы о самом широком распространении в народе произведений религиозно-народного творчества (народное местное пение) и установление, согласно местным обычаям, какие из них могут исполняться в храме и за церковными службами, а какие – вне храма (см. 14-й пункт определений «О духовномызыкальных сочинениях»), 8) собиране всех имеющих отношение к пению письменных памятников, образование из них местных музеев и библиотек, описание и издание рукописей и других музыкальных памятников по истории

пения в епархии, 9) устройство временных и постоянных регентских и певческих курсов, 10) организация нотных епархиальных библиотек, 11) устройство отдела духовно-музыкальных произведений и склада музыкальных инструментов при епархиальной книжной лавке, 12) помощь местным кустарям, производящим музыкальные инструменты, 13) устройство певческих праздников и съездов народных хоров в губернском и уездных городах, селах и деревнях, 14) руководство певческим делом в приходах.

7. Все постановления Епархиального церковнопевческого совета получают законную силу после их утверждения правящим епископом.

Источники для покрытия расходов по содержанию членов Епархиального церковнопевческого совета при правящем епископе, его канцелярии и служащих в ней определяются Епархиальным собранием духовенства и мирян.

3. Организация церковнопевческого дела в приходах

9. В приходах, где в силу условий не может быть образован особый певческий совет, заботы о проведении в жизнь постановлений Центрального церковнопевческого комитета и Епархиального церковнопевческого совета возлагаются на приходские советы. В круг их обязанностей входит: 1) организация в приходском храме хорового пения за церковными службами, 2) наблюдение за надлежащей постановкой преподавания церковного пения в начальных школах прихода.

10. В тех приходах, где местные условия представляют возможность, образуются особые приходские певческие советы, действующие в согласии с церковноприходскими собраниями.

11. В состав приходского певческого совета входят: а) по должности – все члены приходского причта, церковный староста и регент приходского хора, б) по выборам – три представителя от мирян (в том числе один представитель от земства). Члены по выборам избираются приходским собранием сроком на три года.

12. Кроме обязанностей, указанных в 9-м пункте настоящих Правил, на особые приходские певческие советы возлагаются: 1) заботы о широком распространении в народе произведений религиозно-народного творчества, 2) оживление и восстановление в народном быту национально-певческого искусства, 3) запись всех существующих в приходе произведений музыкального творчества, 4) устройство певческих приходских праздников и съездов народных хоров прихода, 5) содействие всем мероприятиям Епархиального церковнопевческого совета.

13. Приходскому певческому совету принадлежит право: 1) выбора председателя из числа своих членов сроком на три года, 2) самостоятельного распоряжения всеми ассигнуемыми на церковнопевческое дело прихода суммами в пределах надлежащей утвержденной сметы, 3) составление плана своей работы, 4) приглашения лиц для руководства певческим делом в приходе и увольнения их.

14. Во внутреннем своем управлении приходской певческий совет руководствуется теми постановлениями, которые будут выработаны Епархиальным церковнопевческим советом. В отношении административном он подчиняется общим нормам епархиального управления.

15. Все руководители церковнопевческого дела при совершении богослужения должны безусловно подчиняться Церковному Уставу. Наблюдение за исполнением Церковного Устава принадлежит настоятелю или, в случае его отсутствия, совершающему службу священнику, все распоряжения которого, основанные на требованиях Устава, должны быть безусловно исполняемы как псаломщиками, так и регентами и вообще всеми руководителями церковнопевческого дела.

III. Меры к подъему общего уровня музыкально-певческого образования страны

1. Для подъема общего уровня музыкально-певческого образования в стране, без чего невозможна и лучшая постановка церковнопевческого дела, желательное создание целой сети музыкально-певческих училищ, средних и низших, в разных епархиях и, в первую очередь, церковнопевческих училищ для надлежащей подготовки к своему делу псаломщиков.

2. В Духовных академиях должна быть введена кафедра церковного пения для изучения истории и археологии пения христианской Церкви.

3. В Духовных семинариях, пастырских школах и Духовных училищах должно быть увеличено количество уроков как для классного преподавания пения, так и для общеуходовых спевков, а само преподавание этого предмета должно вестись в том направлении, чтобы учащиеся твердо усваивали мелодии общецерковных осмогласных распевов на круг песнопений всего года и изучали бы напевы местные. Кроме того, учащимися должны быть приобретены практические навыки как по преподаванию пения, так и по организации хора и управлению им.

4. Кроме теоретических познаний учащиеся должны приобрести в этих школах следующие практические навыки: а) общее знакомство с методикой преподавания пения в начальной школе, б) умение организовать однородный и смешанный хор, в) управление хором.

В Духовных училищах должно быть обращено главное внимание на изучение квадратной и круглой нотации, на обучение пению по нотам, на твердое усвоение общецерковных осмогласных распевов в одноголосном и гармоническом изложении на круг песнопений всего года. Практические навыки: а) участие в общем пении, б) элементарные понятия об управлении хором.

4. Резолюция Соборного Совета по докладу «Об упорядочении церковного пения»

Этот доклад не был рассмотрен Собором. На первом листе этого доклада имеется приписка: «Передано <...> Совещанию Епископов. 3-я сессия»¹⁵.

На 163-м заседании Собора, которое состоялось 30 августа (12 сентября) 1918 года, проект этого доклада был в числе других докладов Отдела передан на разрешение Патриарха и Синода. Приводим выписку из протокола этого заседания.¹⁶

Выписка из протокола 163-го заседания Священного Собора от 30 августа (12 сентября) 1918 года

Секретарь оглашает: а) заявление 34 членов Собора (В. К. Недельский и др.) с просьбой вменить в обязанность органам Высшего Церковного Управления безотлагательно принять все возможные меры к усовершенствованию русской церковно-богослужебной практики, руководствуясь в этом святом деле выработанными Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме*, но не рассмотренными в общих заседаниях Собора докладами «Об упорядочении богослужения» и «О церковном пении», б) постановление Соборного Совета предложить Собору, ввиду краткости оставшегося времени до окончания занятий Собора, препроводить заявление 34 членов Собора и доклады Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* – 1) «Об упорядочении богослужения», 2) «Об упорядочении церковного пения», 3) «Об изменении евангельского чтения на вечерне Великого Пятка» – на разрешение Святейшего Патриарха и Священного Синода.

ПОСТАНОВЛЕНО: постановление Соборного Совета утвердить.

ГЛАВА II. ИКОНОПИСАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА

1. Комитет попечительства о русской иконописи. Создание. Задачи

На заседаниях Собора вопрос о русском иконописании и охране памятников церковного искусства¹⁷ возник в связи с запросом о судьбе Комитета попечительства о русской иконописи, поэтому публикацию следует предварить кратким очерком истории этого Комитета.

Комитет попечительства о русской иконописи был создан в 1901 году. Председателем Комитета стал граф С. Д. Шереметев. В его состав входили: академик Н. П. Кондаков, вице-президент Академии художеств И. И. Толстой, В. П. Безобразов, А. Н. Бенуа, Л. Н. Майков и другие, а также великие князья Константин Александрович и Сергей Александрович <Романовы>. Вдохновителем работы Комитета был Н. П. Кондаков. Комитет ставил перед собой задачу поддержки и воссоздания традиционных центров иконописания.

Поддержание русских иконописных центров означало реабилитацию старообрядческого иконописания. Для членов Комитета попечительства о русской иконописи старообрядческая икона становится идеалом, которому следует подражать. По словам Н. П. Кондакова, «только старообрядчество удержало древние стили, иначе они давно исчезли бы в иконописи»¹⁸.

В задачи Комитета входило: 1. Составление нового иконописного подлинника. 2. Открытие учебно-иконописных мастерских. 3. Запрещение или сокращение выпуска икон, напечатанных на бумаге или металле.

Уже на первом заседании Комитета, которое состоялось 17 мая 1901 года, было решено ходатайствовать перед Синодом о запрещении «машинного производства икон и об объявлении монастырям и духовным властям, что, согласно православному обычаю, иконами храмовыми должны быть признаны только писанные рукою»¹⁹. В результате этого ходатайства Синодом было принято определение от 6 февраля/3 мая 1902 года, согласно которому «в церквах, а равно и в лавках при церквах и монастырях с 1 января 1903 года не были продаваемы иконы, печатаемые на жести». Воспрещение же машинного производства икон Святейший Синод признал мерою рановременною²⁰. Однако члены Комитета отмечали, что продажа икон, отпечатанных на жести на фабриках Жако и Бонакер, не сокращается. На заседании 10 марта 1903 года были предложены следующие меры для поддержания русского иконописания.

1. Воспретить пропуск из-за границы в Россию всякого рода православных икон и религиозных листов.

2. Предоставить право печатного производства православных икон и священных изображений исключительно лаврам, монастырям и некоторым учреждениям Ведомства православного исповедания.

3. Допускать в церквах употребление исключительно рукописных икон, с тем, чтобы имеющиеся ныне в церквах печатные изделия постепенно заменяться рукописными.

4. Установить при мастерских печатных икон в монастырях и некоторых учреждениях Ведомства православного исповедания строгую, технически,

художественно и догматически осведомленную цензуру при участии Комитета попечительства о русской иконописи.

22 марта 1903 года эти предложения были одобрены Николаем II²¹.

После Февральской революции Комитет, желая войти в состав Министерства народного просвещения, передает в это министерство свой Устав. Однако Министерство народного просвещения передало дело о Комитете Поместному Собору. В Собор поступает проект Устава Комитета русской иконописи, текст которого публикуется ниже.

2. Проект Устава Комитета русской иконописи²²

1. Комитет русской иконописи представляет собою особое учреждение при Министерстве народного просвещения и имеет целью систематическое исследование, научное описание и издание памятников древнерусской иконописи и церковных древностей, а также изыскание и осуществление мер к дальнейшему развитию русской иконописи на основах художественных образцов русской старины и византийской древности.

2. Для исполнения своих задач Комитет имеет право: а) издавать ученые труды, а также руководства и пособия по иконописанию и церковным древностям, б) для обозрения и разыскания необходимых ему материалов командировать лиц, принадлежащих к составу Комитета, а также и других сведущих лиц, в) входить в непосредственные сношения со всеми учреждениями и лицами как в пределах государства, так и за границей, г) открывать иконописные школы и мастерские и заведовать ими, д) иметь иконные лавки, е) устраивать выставки иконописи и церковных древностей.

3. Комитет составляют председатель, товарищ председателя и действительные члены. Комитет имеет почетных членов и членов-сотрудников.

4. Председатель и товарищ председателя избираются Комитетом из числа действительных членов.

5. Председатель руководит ученой, издательской и хозяйственной деятельностью Комитета. Он созывает собрания Комитета и сносится непосредственно по делам Комитета со всеми правительственными учреждениями и лицами.

6. В почетные члены Комитета избираются лица, имеющие крупные заслуги в сфере деятельности Комитета.

7. В действительные члены Комитета избираются лица, известные своею деятельностью на ученом поприще и могущие быть полезными для Комитета своими познаниями в области древнерусской иконописи и церковных древностей и искусств. Кроме того, действительными членами Комитета состоят представители Академии наук, Академии художеств, Русского музея в Петрограде, Археологической комиссии, Археографической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества и Общества любителей древней письменности в Петрограде по одному от каждого учреждения.

8. В члены-сотрудники Комитета избираются лица, которые могут быть ему полезны своими сведениями по русским древностям и искусству или исполнением его поручений.

9. Кандидаты в действительные и почетные члены и сотрудники предлагаются не менее, чем тремя членами Комитета. Предложение должно быть письменное с указанием в нем пользы, которую может принести Комитету лицо, предлагаемое к избранию. Предложение это представляется председателю и заявляется им в ближайшем

заседании Комитета. В следующем затем заседании производятся выборы посредством закрытой баллотировки. Избранным признается получивший большинство 2/3 голосов, участвовавших в баллотировке. Отсутствующие в заседании, на котором происходят выборы членов, могут для избрания передоверить свое право голоса другим членам Комитета посредством письменных о сем заявлений, причем каждому члену может быть передано не более одного голоса.

10. В заседании Комитета правом решающего голоса пользуются действительные члены. Заседания действительны при участии не менее половины общего числа членов.

11. Делами Комитета заведует управляющий делами, избираемый Комитетом из числа действительных членов. В его ведении состоит канцелярия в составе, определяемом по мере действительной надобности.

12. Комитет имеет право владеть движимым и недвижимым имуществом, а равно с надлежащего в каждом отдельном случае разрешения министра народного просвещения, приобретать, отчуждать, закладывать таковое, заключать договоры и т. п.

13. Средства Комитета составляют: а) суммы, ассигнуемые из Государственного казначейства, б) доходы от продажи изданий Комитета и от иконописных лавок и выставок, в) пожертвования. Суммы, означенные в <пунктах> б) и в), а также остатки от штатных ассигнований составляют специальные средства Комитета.

14. Отчетность Комитета как по штатным, так и специальным средствам его подлежит ревизии государственного контроля на общем основании.

15. Принадлежащие Комитету суммы расходуются в пределах штатных ассигнований и ежегодных смет специальных средств, утверждаемых Комитетом.

16. По истечении каждого года Комитет составляет отчет о своей деятельности, который представляется министру народного просвещения.

17. Комитет имеет печать установленного для государственных учреждений образца.

18. Подробные правила о деятельности Комитета, о порядке и распределении занятий, об управлении и заведовании имуществом его устанавливаются самим Комитетом.

3. Доклад епископа Прокопия (Титова) «О Комитете попечительства о русской иконописи»

В связи с передачей дела о Комитете Поместному Собору Подотделом был подготовлен доклад «О Комитете попечительства о русской иконописи». Подотдел считал это дело спешным, поэтому уже 25 ноября доклад был рассмотрен на пленарном заседании Собора и утвержден²³.

ДОКЛАД

«О Комитете попечительства о русской иконописи»²⁴

Докладчик: епископ Прокопий (Титов)

Министр народного просвещения отнесся в Святейший Синод с ходатайством дать заключение по поводу обращения к нему Комитета попечительства о русской иконописи, в каковом обращении он изъявляет желание перейти в ведение Министерства народного просвещения и представляет вновь выработанное Положение, или Устав. Указанное ходатайство министра народного просвещения из Святейшего Синода было направлено в Собор и передано на рассмотрение VII Отдела *О богослужении*,

проповедничестве и храме. Из обмена мнениями сначала в особом Подотделе, затем в Отделе выяснилось следующее.

Комитет попечительства о русской иконописи был основан вследствие Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 19 марта 1901 года и ближайшей целью своей деятельности имеет заботу «о процветании русской иконописи и об охранении в ней плодотворного влияния художественных образцов нашей старины». Положением об этом Комитете предписывалось: «1) изыскивать меры к обеспечению благосостояния и дальнейшего развития русской иконописи, сохранение в ней плодотворного влияния художественных образцов русской старины и византийской древности, 2) содействовать устройству артелей иконописцев, 3) издавать для них руководства, пособия и лицевой иконописный подлинник, 4) открывать иконописные лавки, 5) устраивать иконописные и художественные выставки, музеи и собрания». Средства на это в размере 35–42 тысяч ежегодно выдавались из Государственного казначейства. Комитет был вневедомственный. В состав его, кроме председателя графа С. Д. Шереметева и управляющего делами академика Н. П. Кондакова, вошли представители от всех министерств, в том числе и от Святейшего Синода (профессор В. В. Покровский).

Открыв на первых же порах четыре иконописных школы в местах сосредоточения иконописного мастерства в иконописных селах Владимирской губернии в слободах Мстере, Палехе и Холуе и в Борисовке Курской губернии, и иконную лавку в самом Петрограде, иконописный Комитет приступил к изданию иконописного подлинника, первый том коего, посвященный иконографии Господа нашего Иисуса Христа, вышел в свет в 1905 году под редакцией академика Н. П. Кондакова.

Но деятельность Комитета на первых же порах обнаружила и те дефекты, которые были допущены в его организации.

Не имея связи с Церковью и церковными учреждениями, Комитет не мог улучшить иконописное дело. Иконописные артели, учрежденные Комитетом, не нашли себе работы и скоро распались, потому что Комитет не мог предоставить им выгодных работ без рекомендации церковных властей.

Не дав жизни артелям иконописцев, Комитет, конечно, не мог привлечь и достаточного числа учеников в свои школы, так как родители детей, видя, что по окончании курса в школах Комитета их дети не находят работы и вынуждены поступать в те же иконописные мастерские иконописцев-подрядчиков, находили для себя более выгодным отдавать детей для учения в те же промышленные мастерские. Благодаря этому не достигалась и главная цель Комитета – улучшение и правильная постановка преподавания иконописи.

Все другие мероприятия Комитета, намеченные на первых порах и требуемые Положением о Комитете, в виде устройства иконописных выставок, собраний образцовых икон и т. п., не получили осуществления.

Скоро прекратилась и замерла и издательская ученая деятельность Комитета, ограничившись изданием лишь одного тома иконописного подлинника Христа Спасителя и фресок Ферапонтова монастыря.

После государственного переворота Комитет решил перейти в Министерство народного просвещения и составил новый проект Положения, или Устава, который был представлен министру народного просвещения.

Такова история Комитета.

В новом проекте Устава Комитет оставляет за собой те же чисто церковные задачи,

то есть «заботы по изысканию мер к дальнейшему развитию русской иконописи на основе художественных образцов русской старины и византийской древности» (§ 1), «посредством открываемых и заведываемых им иконописных школ, иконных лавок и выставок иконописи и церковной древности» (§ 2).

Но в новом Уставе Комитет получает совершенно иную конструкцию чисто учебного учреждения. На первом плане параграфа 1-го Комитет ставит себе задачей «систематическое исследование, научное описание и издание памятников древнерусской иконописи и церковных древностей». Члены Комитета разделяются на почетных, действительных и сотрудников. Почетными членами избираются лица, имеющие крупные научные заслуги в сфере деятельности Комитета (§ 6); кроме того, действительными членами Комитета состоят представители от Академии наук, Академии художеств, Русского музея в Петрограде, Археологической комиссии, Археографической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества и Общества любителей древней письменности, по одному от каждого учреждения. В перечисленных выборных представителях от разных обществ и учреждений новым Уставом Комитета даже единственный представитель от Святейшего Синода, бывший в Комитете, исключается из состава Комитета. Не приглашен также представитель от Духовных академий, где в последнее время открыта специальная кафедра церковной археологии и искусства. Таким образом, согласно новому проекту Устава, бывшая слабая связь с Церковью с уничтожением в составе Комитета представителя церковного управления совершенно порывается.

Забота об улучшении иконописи – дело чисто церковное, обслуживающее религиозные нужды православного русского народа, – теперь вверяется Министерству народного просвещения, для которого иконопись – дело совершенно постороннее, чужое.

Церковь не только не имеет там руководящего и управляющего голоса, но даже совершенно лишена своего представительства. Все это дает повод опасаться, что русское иконописание в этом Комитете может принять совершенно неправильное направление и пойти по ложному пути, и Святой Церкви может быть нанесен существенный вред. Если равнодушие прежней церковной власти способствовало упадку иконописи и унизило в глазах простого народа высокое значение свято чтимых икон и тем косвенно способствовало развитию иконоборческих сект – штундизма, молоканства и других, то едва ли можно сомневаться в том, что иконописание, переданное в ведение светской власти, в частности Министерства народного просвещения, при современных условиях грозит нанести этому святому делу еще больший удар. По этим соображениям Отдел полагает, что иконописный Комитет, ведущий чисто церковное дело, должен быть передан церковному управлению, которому ближе всего забота о святых иконах как предметах благоговейного религиозного почитания православного русского народа и которое одно в состоянии обеспечить этому делу как широкое развитие, так и истинное церковное православное направление.

Поэтому Отдел предлагает Священному Собору принять постановление о том, чтобы Священный Синод уведомил министра народного просвещения, что Комитет попечительства о русской иконописи, имеющий своей задачей важное и чисто церковное дело – развитие русского иконописания, должен быть передан в ведение Высшего Церковного Управления, ибо только церковная власть может обеспечить этому делу и надлежащее православное направление, и широкое развитие.

Просим признать это дело спешным.

Вскоре²⁵ этот доклад был рассмотрен на пленарном заседании Собора и утвержден²⁶.

4. Доклад епископа Прокопия (Титова) «Об общих проблемах иконописания в России»

На этом же заседании епископом Прокопием (Титовым) был также зачитан доклад «Об общих проблемах иконописания в России», который мы также публикуем полностью²⁷.

ДОКЛАД

«Об общих проблемах иконописания в России»

Докладчик: епископ Прокопий (Титов)

Вопросы о благолепии Божиих храмов и украшающих оные святых икон, об улучшении иконописания и вообще о преуспянии церковного искусства на всех почти русских церковных Соборах XV, XVI, XVII веков (на Стоглавом Соборе, на Соборе 1554 года, 1666–1667 годов) пользовались особливим вниманием всех членов Соборов. И Царь, и Патриарх соревновали между собой в заботах о процветании церковного искусства. При государевом дворе была учреждена Оружейная палата, при которой была Царская иконописная палата, где жили собранные со всего Русского государства искуснейшие иконописцы и художники, рисовальщики, знаменщики, словописцы и мастера, которые выполняли царские работы и заказы <на иконы для> разных церквей и монастырей. Такая же иконописная палата была у митрополитов Московских и всея Руси, а затем и у Патриархов Русских. Святитель Петр, митрополит Московский, был искуснейшим иконописцем, и памятником его художества до сих пор хранятся в Успенском соборе Кремля иконы Успения Божией Матери и Петровская. Митрополиты Симон и Макарий также были любителями и знатоками иконописи, и митрополичьи и патриаршие писцы соревновали в своих работах с царскими жалованными иконописцами.

Начиная с петровской эпохи, с учреждением Академии художеств с профессорами иностранцами и иноверцами, русское религиозное искусство стало быстро падать. В особенности пострадала русская иконопись. Оставленная и Церковью и правительством на произвол судьбы, русская иконопись обратилась в кустарный промысел, сохранившийся в немногих селах Владимирской губернии и Курской губернии и уцелевший кое-где в монастырях, мужских и женских. Кустари-иконописцы скоро подпали под гнет капитала, и иконописание стало быстро падать. Торговцы иконами стали предъявлять свои требования к мастерам-иконописцам, заключающиеся в том, чтобы иконы были дешевы, а это повело к быстроте работы и небрежности в исполнении. Мастеру нужно было написать как можно более икон, чтобы не умереть с голоду. Отсюда и обучение иконописанию приняло характер исключительно ремесленный – нужно было выучить ученика писать как можно быстрее. В иконописных мастерских процесс иконописания стал приближаться к механическому, явилось дробное распределение работы по написанию одной иконы между многими мастерами, которые только и набивали руку в одной какой-либо специфической части этой работы. С появлением же в продаже печатных подделок под иконы кустарю-иконописцу приходилось уже конкурировать с машиной, и понятно, что недалеко то время, когда русское иконописание со всеми его древними техническими приемами, со всеми его достоинствами, окончательно погибнет.

В 1900 году иконописцы-кустари, не находя внимания к своим нуждам со стороны Святейшего Синода, обратились с прошением на Высочайшее имя, в котором, изложив бедственное положение русской иконописи, попросили помочь этой важной отрасли религиозного искусства. И результатом этой просьбы было учреждение в 1901 году особого вневедомственного Комитета попечительства о русской иконописи

под покровительством государя. К сожалению, Комитет был организован вне Церкви и без тесного единения с Высшей Церковной Властью, не встретил со стороны духовенства должного внимания, и многие мероприятия его не увенчались успехом.

В настоящее время нужды русского иконописания велики и многообразны. Но едва ли не самой настоятельной нуждой является ныне устройство хотя бы в некоторых епархиях при монастырях, мужских и женских, правильно организованных учебно-иконописных мастерских, которые бы состояли в ведении епархиального начальства и давали бы надлежащее художественное образование будущим иконописцам в духе Православной Церкви и изготовляли бы нужное количество икон для церковных потребностей и для потребностей отдельных лиц.

Но прежде всего в Москве как главном религиозном и промышленном центре необходимо открыть Высшую школу иконописания, которая должна готовить опытных учителей и инструкторов для учебных и промышленных епархиальных иконописных мастерских, в особенности при монастырях, мужских и женских. Подобная школа была недавно открыта в Москве художником Клавдием Степановым по образцу Синодальной школы церковного пения на проценты с капитала в сто двенадцать тысяч имени Селезневых в Донском монастыре, но, к сожалению, по смерти Клавдия Степанова эта школа временно закрылась. Ее необходимо восстановить и преобразовать по типу Высшей школы иконописания. При учебных мастерских должны быть организованы из окончивших курс учения артели иконописцев, которые будут принимать и исполнять епархиальные заказы. В настоящее время снабжение церковной иконописью и украшение стенописями церковей всецело находится в руках подрядчиков-иконописцев или подрядчиков-столяров иконоставщиков и даже каменщиков, строящих церкви, которые руководятся лишь своими выгодами и своим вкусом. При организации же епархиальной учебно-промышленной мастерской епархиальное начальство при одобрении планов на украшение церковей стенописями может рекомендовать ктитора и настоятелям церковей своих мастеров-иконописцев и направлять церковные заказы в епархиальные иконописные мастерские. При этом только может быть правильный надзор за доброкачеством иконописных заказов и делом улучшения иконописания. И этим самым будет естественно поддерживаться на высоте и епархиальная учебно-иконописная мастерская, имея постоянно достаточно заказов для своих мастеров, а также доставляя возможность и бедным церквам за недорогую цену иметь приличные храмам иконы и стенописи, за которыми бедные церкви не знают часто куда обратиться. Иконы, написанные в епархиальных мастерских, могут продаваться при свечных складах и епархиальных лавках, где уже продается и другая богослужебная утварь. Такое положение вещей даст возможность духовенству предъявлять иконописцам известные требования и, в свою очередь, будет также мощным средством для улучшения самой иконописи.

Повсеместный упадок художественного вкуса и в церковной архитектуре, и в религиозной живописи, и в иконописи, и в особенности в убранстве храмов, и в церковной утвари, широкое распространение произведений грубо ремесленных в значительной мере зависело и от небрежного отношения со стороны Церкви и ее служителей к церковным памятникам древнерусского искусства, сохранившимся во многих епархиях. Древние храмы самобытной и высокохудожественной архитектуры ломались и заменялись произведениями новейших архитекторов, вдохновлявшихся зданиями вокзалов и другими светского характера зданиями. Древние иконостасы с художественной резьбой и с высокохудожественными иконами выламывались, сваливались на чердаки и уступали место многоярусным столярным иконостасам, грубо вызолоченным

и лишенным всякого вкуса, а древние иконы заменялись ремесленными живописными копиями с немецких гравюр католических художников, часто лишенных также всякого художественного достоинства и противоречивших основным требованиям Православной Церкви.

Это варварское отношение к художественным памятникам церковного искусства, эта потребность в хранении культурных сокровищ Древней Руси, питающих вдохновение художников и являющихся главным залогом дальнейшего развития и успеха всякого рода искусства, эта гибель художественного национального достояния, хранящегося в церквах и монастырях, всегда вызвала негодование в культурном обществе и самые строгие, в большинстве случаев справедливые укоры. И в печати, и в обществе, и в ученых кругах, и в учреждениях изыскивали меры против этого варварства и наконец пришли к таким решительным мерам, как законодательные положения об изъятии всех культурных памятников церковного искусства и древностей из ведения Церкви, и отчуждение их, и объявление национальною собственностью.

В настоящее время к Церковному Собору обращены воззвания от художественных обществ и ученых учреждений с просьбой обратить внимание на действительную охрану памятников церковного искусства, находящихся в ведении Церкви, и выработать ряд мероприятий, обеспечивающих их сохранность и целостность.

Вот что пишет Собору Союз деятелей искусств от лица соединенных художественных организаций.

«Наибольшее количество памятников искусства и старины в России падает на памятники церковные и находящиеся в церквах, монастырях, часовнях, ризницах и в церковных, монастырских и епархиальных помещениях и хранилищах. До сего времени право владения церковным имуществом не было вполне определено. С одной стороны, существовало юридическое лицо отдельной церкви и монастыря (права пользования), с другой – наблюдались права, принадлежащие епархиальной власти (исключение подвижного имущества из описей Ведомства православного исповедания), иных ведомств (по охране искусства и старины) и, наконец, высшей государственной власти (например, отчуждение недвижимой собственности). Как ни старалось Ведомство православного исповедания противоположить право ведомственного владения праву владения государства, тем не менее в жизнь это мнение проведено не было и нигде в законе <об этом> прямо не было сказано.

В настоящее время в современной печати указывалось, что в кругах православного духовенства и в его высших установлениях в связи с вопросом об отделении Церкви от государства поднят вопрос о признании всех церковных имуществ принадлежащими нераздельно приходам и церковным установлениям.

Союз деятелей искусств, озабоченный охраной памятников искусства и старины, великого наследия наших предков, обсудив возможное положение дела охраны в будущем, признал, что:

1) передача прав владения нераздельно приходам и монастырям была бы отказом государства, хотя бы даже <от> части прав, принадлежащих ему, притом не вызванным необходимостью;

2) неудовлетворительная и до настоящего времени охрана церковных памятников была бы еще ухудшена при означенном переходе прав владения, так как поставила бы положение охраны церковных памятников в условия охраны памятников частновладельческих, охрана которых нигде в законе не предусмотрена. При этом нелишне отметить, что до сего времени главные усилия при охране церковных памятников были по необходимости направлены против покушения на них со стороны приходов, причтов, монастырей и епархиальных властей.

На основании изложенного Союз <деятелей> искусств признает настоятельно необходимым сохранить и по отделении Церкви от государства все права владения за государством, причем считает наилучшим решением признание всех сооружений и движимых имуществ, принадлежащих церквам, монастырям, часовням, епархиям, ризницам и хранилищам при них, общегосударственной собственностью, причем это правило должно быть распространено на все предметы – как внесенные в опись, так и не внесенные или из описей исключенные. Какое бы то ни было ограничение этого правила поведет к гибели целого ряда памятников часто первоклассного значения, так как не все памятники до сих пор известны и часто их приходится находить в местах свалки имущества, исключенного из описей.

Для того чтобы оградить права приходов, церквей и монастырей на пользование находящимся в них церковным имуществом после признания его государственной собственностью, эти права пользования должны быть оставлены, но при условии должного содержания, нерасхищения имущества и под соответствующим наблюдением».

В то же время Союз уполномочил одного из своих сочленов, академика архитектуры А. В. Щусева, внести это ходатайство лично в Собор и в интересах искусства защитить пред Всероссийским Собором предложение Союза об организации охраны художественного археологического имущества и предметов собственности церквей и монастырей путем передачи их в собственность государства.

Таким образом, Церкви грозит опасность лишиться своего достояния, ценность коего не поддается учету, достояния, вверенного ей поколениями верующих многих веков.

Среди культурных памятников, хранящихся в Церкви, должно отметить особо также и памятники древней письменности, старопечатные книги и церковно-гражданские архивы, сохранность коих всего менее обеспечена. Среди них есть такие сокровища, как Мстиславово Евангелие и множество других художественно-рукописных книг, украшенных миниатюрами, золотом и орнаментикой, доселе хранящихся в ризницах церквей и монастырей. Две самые древнейшие грамоты, дошедшие до нас в подлинниках двенадцатого века, – вкладная грамота великого князя Киевского Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю и древнейшая грамота преподобного Варлаама Хутынского Хутынскому монастырю – хранятся в означенных монастырях. Но множество рукописей подобного рода не ценятся некультурными владельцами их и выброшены в темные чуланы и на чердаки, гибнут от сырости, плесени и гнили. Такова участь больших церковных и монастырских архивов.

Забота об охране и этих письменных культурных памятников церковной старины побудила группу членов Собора во главе с В. Н. Бенешевичем и В. П. Шенным подать особую записку за подписью 32 <членов Собора>, в которой они, наряду с заботой об охране памятников церковного искусства и древностей вещественных, просят обратить особое внимание и на памятники древней письменности и архивы.

«В числе вопросов, – пишут авторы записки, – входящих в программу Собора и разрабатываемых в настоящее время Соборными Отделами, нет вопроса об охране и разработке находящихся в ведении Ведомства православного исповедания памятников древности. Между тем этот вопрос принадлежит к числу неотложных задач церковной власти.

Ведомство православного исповедания владеет не поддающимся подсчету и материальной и научной оценке археологическим и археографическим материалом. Всем прикосновенным к археологии и археографии и близким к ним отраслям знаний хорошо известны печальные последствия, проистекающие от отсутствия у нас

правильной общей организации по заведованию, охране и разработке этих материалов. До настоящего времени роль главного направляющего органа в этой области исполнял архив Святейшего Синода и состоящая при нем Архивная комиссия, которые с разрешения Святейшего Синода принимали на себя разработку тех или иных вопросов и мер, касающихся церковноархеологического дела, и на заключение которых церковная власть обращала иногда восходившие к ней дела этого рода. Но указанная роль не была закреплена за помянутыми установлениями, и вырабатывавшиеся ими меры носили случайный характер. Составленный Архивной комиссией с участием наиболее выдающихся ученых специалистов Санкт-Петербурга и одобренный в 1909 году Святейшим Синодом для вынесения на утверждение верховной власти проект Положения об Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и об епархиальных церковноархеологических комитетах, разрешавший вопрос о заведовании, охране и разработке памятников церковной старины, остается без движения. Такое положение дела вызывало и вызывает в специальной и общей печати, на археологических съездах и со стороны ученых обществ, правительственных и законодательственных учреждений самые разные суждения по адресу нашего Ведомства и даже требования об изъятии из его ведения памятников древности. Священному Собору Православной Российской Церкви надлежит разрешить этот наибольший вопрос».

Ввиду этих заявлений, а также важности и неотложности этих нужд Церкви в области церковного искусства Отдел богослужения выделил особый Подотдел о храме и поручил ему разработку всех этих вопросов. Подотдел нашел нужным пригласить к участию в обсуждении этих важных вопросов знатоков и специалистов в этой области: художников – профессоров живописи В. М. Васнецова, М. В. Нестерова, А. И. Савинова, академика архитектуры А. В. Щусева, и от археологических обществ – заслуженную деятельницу, в течение полувека доблестно ревнующую об охране памятников древнерусского искусства и церковных древностей, графиню П. С. Уварову, и директора Московского археологического института А. И. Успенского.

Предварительный обмен мнениями Подотдела по этим вопросам привел к решению о неотложной необходимости учреждения при Патриархе Всероссийском и Высшем Церковном Управлении особого органа, в ведении коего были бы все вопросы, связанные с церковным искусством: 1) как с надзором за целостью и сохранностью всех памятников церковного искусства: архитектуры, иконописи, религиозной живописи, литургического шитья, богослужебной утвари, древней письменности и архивов и других культурных ценностей, находящихся в ведении церковью и монастырями, 2) так и заботы о дальнейшем развитии церковного искусства на основах канонического древнехристианского, византийского и древнерусского искусства, наблюдение за художественной красотой церковного строительства, за украшением храмов, иконостасов стенописью и иконами, за богослужебной утварью и прочим в виде особой Патриаршей палаты церковного искусства и древностей.

5. 17-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (14 ноября 1917 года). Дискуссия о сохранении художественного наследия в связи с обстрелом Московского Кремля

На дальнейший характер дискуссии оказал решающее влияние обстрел Московского Кремля (это произошло 27 октября/3 ноября 1917 года). Еще в самом начале военных действий члены Собора ходили к большевикам и юнкерам, пытаясь предотвратить кровопролитие. Собору удалось добиться от большевиков разрешения похоронить жертвы

боев по-христиански. Уже 4 ноября, на следующий день после обстрела, делегация Собора прошла в Кремль²⁸. На заседании 8 ноября было принято решение «образовать особую Комиссию для описания и фотографирования поврежденных»²⁹. По благословению Собора вышла книга епископа Камчатского Нестора (Анисимова) о разрушениях, причиненных Кремлю³⁰.

В результате этих событий акценты дискуссии несколько смещаются. Если прежде речь в первую очередь шла о контроле за вновь создаваемыми произведениями церковного искусства и изучении церковных древностей, то теперь на первом месте оказываются проблемы сохранения наследия.

Дискуссия по проблемам церковного искусства состоялась на 17-м заседании Отдела, которое проходило 14 ноября 1917 года. Ввиду актуальности этой дискуссии и для настоящего времени приводим эту стенограмму полностью³¹.

Открывая заседание, *председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>* обратился к присутствующим со следующими словами: «Приветствую дорогих наших гостей, выразивших свое благосклонное желание оказать свое ученое сотрудничество нашему скромному делу. Дело охраны памятников церковной старины – весьма важное дело, дело это – великая святыня русского сердца. Поэтому оно требует усердного и благоговейного к себе отношения. Я еще раз благодарю дорогих членов Археологического общества, пришедших помочь нам своими указаниями в том, чтобы памятники нашей старины были надежно охраняемы. Мы ничего не можем сделать против тех варварских погромов и разрушений, которые наносятся ныне памятникам старины и о чем мы глубоко лишь скорбим. Пусть грех останется на совести тех, которые решаются на столь позорные деяния. История заклеяет эти злодеяния варваров, но мы должны приложить весь свой разум и все свое старание к сохранению от расхищения и гибели святых памятников старины, дабы они остались неприкосновенными и сияли как лучшие учителя и руководители нашей жизни в деле охраны народного благочестия». <... >

Граф П. Н. Апраксин: Я постараюсь занять ваше внимание всего несколько минут. Общий характер впечатления от произведенного в Кремле погрома потрясающий. Я два раза был в Кремле в последние дни. Там нет ни одного собора, в который бы не попал снаряд. Чудов монастырь пострадал сильно, больше всего церковь Двенадцати Апостолов; пострадал также сильно и Успенский собор, особенно от ударов бризантными снарядами. В собор стреляли 6-дюймовыми снарядами. В стене храма Николы Гостунского еще ныне лежит длинный осколок стента от тяжелого снаряда. Трещины и пробоины в стенах имеют угрожающий характер. В Успенский собор попало два снаряда: один – в купол, который пробит насквозь и его придется разбирать; другой снаряд попал в боковую часть стены, которая дала трещину по колонне и книзу. Если смотреть в профиль, то видно трещину вдоль собора. Громадные трещины также в церкви Двенадцати Апостолов. Уже с внутренней стороны видны трещины, а не только с наружной. В Патриаршую ризницу попало несколько снарядов, один из них бризантный, а другой 3-дюймовый и притом оба в одно и то же место. Можно себе представить сотрясение, которым подвергались здания под ударами этих снарядов. Бывшие <там > в это время люди передают, что вся почва дрожала. Спасавшиеся в подземелье Чудова монастыря не слышали звуков выстрела, а отмечают лишь, что дрожали стены от ударов снарядов. Я говорю это к тому, что не все было зарегистрировано, что произошло под влиянием разрушения. Очевидно, должны быть внутренние изменения в стенах: ведь их кладка старинная. Говорят, что в церкви Двенадцати Апостолов

трещина была раньше, теперь к ней присоединилась новая. Если бы этих трещин не было, то мы не заметили бы, что есть внутренняя трещина. При столь грандиозном разрушении, мне даже думается, <не> следует ли Собору бить в набат по поводу этих разрушений? Очевидно, ими должны заняться большие общества с крупными силами. Ведь трещины будут наполняться водой в дождевое осеннее время, вода будет замерзать и следует бояться разрушения здания. В обществе есть желание представить дело в более благоприятном виде, чем оно есть в действительности. Это вредная тенденция! Впоследствии все мы понесем за это справедливый упрек, ибо мы являемся нравственно ответственными за то, что сделано нами в целях сохранения зданий от дальнейшего разрушения. Через 20–30 лет в случае какой-нибудь катастрофы будут говорить, что <она> могла бы быть предупреждена, если бы своевременно были приняты меры. По-моему, все ученые должны броситься на это дело и выяснить максимум вреда, причиненного разрушением. Лучше ошибиться в этом деле; по-моему, вред гораздо больше, чем он кажется.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Хотя этот вопрос, о котором сообщил граф П. Н. Апраксин, очень больной, но мы не будем им заниматься. Учрежденная Собором Комиссия исследует и опишет все повреждения, причиненные разрушением, и затем Собор примет надлежащие меры к восстановлению разрушенного. <...>

* * *

После небольшого перерыва *В. Т. Георгиевский* зачитывает доклад, посвященный охране памятников церковной старины. Текст этого доклада пока не удалось обнаружить. В протоколе его содержание пересказано следующим образом: «После исторических справок об иконописном деле <докладчик> перешел к установлению руководящих принципов в области охранения древнецерковной самобытной художественной старины ввиду наметившихся тенденций изъять эту область из ведения Церкви и закончил сжатым проектом Патриаршей палаты церковного искусства»³².

Далее ход заседания вновь излагается по стенограмме.

По прочтении доклада *Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>* заявляет: «Подотдел и Отдел стоят на точке зрения создания прочной организации по охране памятников церковной старины, которой раньше здесь не было. Особенно это необходимо сделать теперь ввиду стремления организации художников взять это дело в свои руки. Первый вопрос, о котором Собор должен сказать свое слово, – вопрос о том, что эти памятники неотъемлемо принадлежат Церкви, или же Церковь пойдет на предложение изъятия их из своего владения и передачи их в область государственного владения. Вопрос сам по себе ясен. На памятники церковной старины нельзя смотреть как на предметы, подлежащие только научному изучению. Для нас эти памятники нередко святыня, предмет религиозного почитания, а посему они должны быть в ведении Церкви, а посему это положение ясно, но с принятием его Церковь должна отвечать как за сохранность этих памятников, так и за научную их разработку. Второй вопрос – о создании организации, которая занялась бы охраной памятников церковной старины и их разработкой.

Итак, вот два вопроса, которые предстоит нам решить. Как должно быть организовано дело охраны памятников церковной старины? Тут два предмета: памятники архитектурные и рукописные и памятники искусства. Двум ли независимым учреждениям передать охрану их или сосредоточить в одном церковном ведомстве».

Протопресвитер Н. А. Любимов вносит внеочередное заявление: «Я обращаюсь, – говорит он, – по поручению Соборного Совета с просьбою. Не только наш Успенский собор подвергся разгрому в дни междоусобной братоубийственной борьбы, потому что в среднем барабане собора снаряд сделал пробоину в аршин, из которой дует холодный воздух, тем более что в соборе побиты также и стекла. А в данный момент ввиду предстоящей интронизации Всероссийского Патриарха собор имеет особенную важность. Комиссия примет меры к тому, чтобы к предстоящему 21 ноября празднику изолировать пробоину и сделать собор теплым. Собор Двенадцати Апостолов подвергся полному разрушению. В Патриаршую ризницу попало два снаряда, которые обратили в щепы витрины с драгоценными древностями, стоявшие с правой стороны от входа. Витрины в ризнице представляют собой груды развалин. Была засыпана мусором и пылью, быть может, самая драгоценная святыня старины – Мстиславово Евангелие. По докладу мною Святейшему Синоду о происшедшем погроме была образована Комиссия для определения и описания этого погрома. В Комиссию вошли Высокопреосвященный Михаил (Ермаков), архиепископ Гродненский, я и <исполняющий> д<ела> прокурора Синодальной канторы Андреев.

Сегодня в первый раз Комиссия осматривала <Патриаршую ризницу>³³. Причем в осмотре Комиссии во главе с Высокопреосвященным Вениамином (Казанским) принимали участие верные члены Собора, православные крестьяне А. И. Иудин и П. И. Уткин. Сделано было множество отдельных снимков, причем в различных положениях снято было 8 снимков витрин Патриаршей ризницы. Из витрин, кажется, ничего не пропало. Но хранившиеся в них предметы или валяются на полу, или вынуты и переложены на другое место. Так, с митры Патриарха Никона был сбит крест, который валяется на полу. Нужно озаботиться прежде всего тем, чтобы застеклить побитые рамы ризницы, потому что здесь страшный холод и работать совершенно невозможно.

Тщательный осмотр мелочей не может быть произведен одним членом Комиссии. Тут необходимо участие других работников. Я доложил обо всем этом Соборному Совету, который и просил меня обратиться к Богослужебному отделу, с тем чтобы на помощь в работах по осмотру и разборке вещей командированы были члены Собора. Когда были сделаны снимки фотографом, то некоторые предметы были поставлены мною на свои места. По постановлению Комиссии ризница должна приводиться в порядок. Мстиславово Евангелие было вынуто из ларца, в котором оно хранилось. Оно все было засыпано толстым слоем пыли. С большой предосторожностью пыль была мною сдута. Евангелие оказалось целым и внутри оно не пострадало, но в корешке есть язва от пули. Одна из миниатюр потрескалась и рассыпалась в мелкие куски – в верхнем углу Евангелия. Затем в куче пыли мною найдена была часть заставки Евангелия. По очищении от пыли Евангелие положено было мною в футляр и ввиду предстоящей уборки ризницы оно было заперто и передано для хранения в Синодальную библиотеку под расписку библиотекаря Н. П. Попова. Это пришлось сделать по необходимости, и об этом я доложил Святейшему Синоду. Все остальное в Патриаршей ризнице требует тщательного разбора. Прошу в помощь занимающимся этим делом троим членам Комиссии избрать некоторых членов Отдела. Работа по уборке ризницы, быть может, дело нескольких месяцев. Нам предстоит осторожная и тщательная работа. Ввиду того что весь пол ризницы засыпан слоем битого стекла, я предлагаю начинать мести пол самым тщательным образом. Необходимо все осколки собрать в ящик и затем уже постепенно и тщательно разбирать всю эту собранную массу. Ящики опечатать и поставить в отдельное помещение. Эта работа нескольких, говорю, месяцев, работа кропотливая. Она должна <будет> производиться при

неблагоприятных условиях, а потому требует крепких физических сил и здоровья. Работать придется сменными очередями, потому что одному лицу более двух с половиной часов не пробыть на работе. Примерно шестеро, по очереди работая неделю, могли бы тщательно собрать все разрушенное и перебитое и поднять с полу. Я прошу непременно в число лиц, имеющих заниматься разборкой Патриаршей ризницы, непременно включить крестьян П. И. Уткина и А. И. Июдина. А затем, может быть, обнаружится потребность в специалистах – художниках и ювелирах. Пока предметы ризницы охраняются солдатами, по-видимому, людьми верующими, так как они сами скорбят по поводу всего происходящего. Мы от Собора платим им каждому по три рубля в день за охрану.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)> спрашивает докладчика, безопасно ли само здание ризницы и можно ли в нем оставить вещи.

Протопресвитер Н. А. Любимов: С внешней стороны даже трудно разобрать, что внутри здания произошло такое варварское разрушение. Даже решетки на окнах не разворочены, только в одном месте окна решетка несколько расширена. Но внутри страшные повреждения. У одного из окон отбит косяк. Удар снаряда направлен был, по-видимому, между Спасскими воротами и памятником императору Александру II. Но что любопытно, Евангелие, находившееся в киоте вблизи места прохождения удара, осталось незабытым и неповрежденным. В эту же первую ночь погрома сбежал хранитель Патриаршей ризницы архимандрит Арсений и не вернулся в свою квартиру до сих пор. Мы, таким образом, лишены возможности определить важность порчи или совершенной утраты тех или других предметов ризницы. Правда, на своем посту остался верным его помощник иеромонах Евстратий – человек ревностный и усердный, но он далеко не в курсе дела. Я доложил Святейшему Синоду о поступке архимандрита Арсения, и Синод, кажется, уже принял меры к устранению его от заведования ризницей. Окна в ризнице уже и теперь застекляют. Мы будем просить помощи ученых-археологов. Но затруднение непреодолимое относительно вставки стекол в оконные рамы. Ходить до окна по битым стеклам и грудам мусора небезопасно: как бы не раздавить какую-нибудь драгоценность, подступа к окнам нет. Я предлагаю даже, быть может, не застеклять двух окон, а просто забить их снаружи щитами. Беда также и в том, что порваны электрические провода, и залы лишены освещения. Мною, как я указывал, приняты меры к охране ризницы. Сегодня комендант Кремля вызвал надежную стражу из лиц учебной команды. Сегодня в ночь эта стража была на месте. Стража дала слово, что она будет охранять со всем усердием.

По выслушании доклада отца протопресвитера Н. А. Любимова, *председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>* предлагает перейти к главному предмету занятия настоящего заседания, именно: обсудить вопрос, в чьем ведении должны находиться памятники церковной старины и как должно быть организовано управление ими.

Граф Д. А. Олсуфьев: <Нам предстоит решить>, что охранять. Есть памятники живой церковности и предметы, ставшие объектом исторического и художественного изучения. Если бы только о вторых государство само заботилось, то это нисколько не освобождает Церковь от обязанности тщательно хранить церковную старину храмов.

И. П. Машков: Нужно присоединиться к <мнению> об устройстве Высшей иконописной школы в Москве. Что касается того, чтобы все памятники церковной старины и хранение их было передано в ведение государства, – против этого необходимо протестовать всеми мерами. До сих пор и в ведомстве государства плохо охранялись памятники старины. Правда, существует закон об их охране, но видно, что никакая гражданская власть серьезно не занималась вопросом об их охране. В настоящее

время эта охрана, как и самые памятники в городе, переданы городским властям, но и они, по-видимому, также мало интересуются этим делом. Мы знаем подтверждающие это <факты>, например, из деятельности городского управления города Тулы, постановившего, было, сломать свой кремль. Города и земства, если и охраняют сколько-нибудь, то только, так сказать, материальную старину. При таких условиях весьма желательно было бы совсем выделить из их власти охрану памятников старины церковной. Что касается до способов охранения памятников церковной старины, то я сказал бы, что одной проектируемой Подотделом Палаты церковного искусства при Патриаршем управлении недостаточно. Но я хотел бы, чтобы при Патриаршем управлении был особый департамент, который бы имел свои разветвления и ведал памятниками по всей России. Я думаю, что идти нам по этому пути возможно. Несомненно, что художественные кружки не могут хладнокровно и легко уступить право владения и охраны памятников каким-либо другим организациям, тем более что они также являются любителями старины. В конце концов следует указать и на то, что привлечение к делу хранения памятников каких-нибудь 20–30 человек – это будет мертвое дело. Нельзя в этом деле <...> обойтись без привлечения любителей церковной старины добровольцев. Ограничиться только созданием одного лишь «ведомства» недостаточно. Это едва ли удовлетворит всех. Придется взять вопрос гораздо шире. Я мог бы предложить проект охраны памятников старины, выработанный Московским археологическим обществом. Он в этом Обществе разработан детально и мог бы послужить канвой для выработки проекта об управлении памятниками искусства и охране церковных древностей, который бы вполне удовлетворил не только ведомство Святейшего Синода, но и общественные круги.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Может быть, сначала мы сделаем обмен мнениями по вопросу. <Если> мы говорим об охране памятников церковной старины, то естественно, что и учреждение, ведающее эту охрану, должно быть церковное. Но мы, однако, допускаем также в эту область и широкое привлечение сил ученых – художественных и общественных. Таким образом, это будет церковно-общественное учреждение.

А. И. Юудин: <Так как> древности наших церквей <...> представляют из себя большую ценность, то и <для охраны> их нужно принять меры серьезные. На мой взгляд, вся древность как в церквях, так и в часовнях должна находиться в описи. Ответственны за них – причт и совет церковный. Они должны хранить и отвечать по закону за их уничтожение. Если в церкви или в часовне есть древности, то необходимо привести их в порядок. Во-первых, иконы или другие вещи должны быть помещены в соответствующем помещении в чистоте и опрятности и строго охраняться от расхищения. Во-вторых, если хранить старинные иконы приходится в особом помещении, а находится желание положить эти иконы в иконостас, в часовню или в церковь, то отпустить таковые, но с тем, чтобы они были на их учете, за их строгой ответственностью и делать это с благословения епископа. В-третьих, если в церкви или в часовне древние иконы, кресты или другие какие вещи не прибраны в порядок, то таковые должны отбираться и отправляться в епархиальный музей. Ранее взгляд на древние иконы, сосуды и другие вещи церковные был поверхностный. Они хранились плохо, даже расхищались самым обычным порядком. В некоторых приходах, а в особенности на Севере, где стариной весьма богаты, к тому же чтимые иконы в часовнях и церквях иногда бывают <потемневшими>, их отправляют поправить лишь в некоторых частях живописи; между тем <...> им предлагают переправить всю икону, переписать ее снова, на что охотно соглашаются, и вот вместо переправленной им привозят новую,

но старая не вернется, и этим путем много теряют древних икон, каковую переправку надо всемерно запрещать.

А. В. Шусев: Я позволю на некоторое время остановить внимание Отдела на существе вопроса. *Кому* принадлежит церковное имущество – Церкви или государству? Хозяина, владеющего имуществом, памятниками старины церковной, у Церкви нет, и Союз художников правильно рассуждает, что ввиду этого заведование этими памятниками должно быть передано государству. Но и государство хорошо ли охраняет памятники? Ответ на это нам дает разгром Московского Кремля, произведенный в наши дни. Из-за политических бушеваний страстей гибнут памятники старины. Таким образом, вопрос о необходимости охраны памятников старины самим государством отпадает, потому что меры государства, применяемые здесь, как оказывается, недействительны. Памятниками церковной старины, итак, должна владеть Церковь – с этой стороны и я присоединяюсь к мнению Союза деятелей искусств. Церковь всегда скверно охраняла памятники старины и не умела владеть ими. Она, попросту сказать, выбрасывала их или говорила – всякий бери, кому что нравится. Не было у Церкви организовано ни охраны, ни собиране памятников, и только лишь в последнее время стали заводиться церковноархеологические комиссии. Если предполагается организовать Палату церковного искусства, то это должно приветствовать. Палата и будет именно тот орган, имеющий власть, о котором необходимо всемерно заботиться. Если церковное учреждение – Палата – будет и охранять памятники искусства, и развивать, и насаждать новые отрасли искусства, то вопрос об ее учреждении следует приветствовать. Но *кому* должны принадлежать и *кто* должен охранять ценности – Церковь или государство – вопрос не решен. По-моему, ни то, ни другое. Вот, например, церковный фонарь, как его определить, можно ли его продавать или нет. Часто будет удобнее продать, чем хранить, и это нужно в известной мере даже поощрять, и Церковь запретить этого никогда не сможет. Агенты по покупке старых вещей и предметов наводняют собой всю Россию. Ведь даже и в Италии, где существуют строгие законы охранения старины, и то умудряются вывозить за границу памятники древности. Итак, по существу едва ли удастся когда полная охрана. То положение, что Церковь должна охранять памятники, нужно принять. Государство не вправе посягать на церковное имущество, но ему также дозволено собирать памятники старины. Церковная организация по охране памятников старины, конечно, убедительный аргумент в этом деле и всегда может предложить не поступаться церковными драгоценными древностями, а теперь этого достигнуть невозможно.

Епископ Прокопий (Титов): 1. Отдел имеет попечение о памятниках церковной старины и церковных искусств. Но и церковные памятники, как создания национального гения, являются достоянием народа, национальной собственностью.

2. Вопрос далее заключается в том, *кто* должен вестить этим национальным достоянием, *какой* орган, осуществляющий народные права, – государство или !Церковь. Ввиду того что у нас речь о тех памятниках искусства и древности, <которые> фактически всегда были достоянием храмов и монастырей и предметом религиозного почитания, естественно, что эти предметы не могут быть изъяты из ведения церковной власти как выразительницы прав православного народа.

3. Для сего Церковь должна организовать особое управление – Патриаршую палату – с представительством от ученых, художественных и общественных организаций.

4. Но чтобы этот центральный орган имел необходимую власть и влияние в своей деятельности на местах, необходимо признание Патриаршей палаты со стороны государственной власти, как и ассигнование средств из Государственного казначейства на

ее организацию и работы. Может быть, окажется необходимым иметь представителя государственной власти в Патриаршей палате, а возможно, что придется признать и контроль государства. Это будет зависеть от того, каковы отношения установятся между Церковью и государством.

5. Необходимо для жизнеспособности и живой работы на местах возможно широкое привлечение местных общественных сил и частных любителей и деятелей, и, может быть, на местах <...> общественные деятели еще более необходимы, чем в центральном органе.

К. И. Самбурский: Прежде чем сказать, в чем ведении должны находиться церковные древности, я скажу несколько слов о том, в каком печальном состоянии находятся древности, хранящиеся при церквях. По поручению предварительных комитетов по устройству археологических съездов Харьковского, Екатеринославского и Черниговского во время заведования моего Черниговским епархиальным древлехранилищем, при обследовании церквей и хранящихся при них памятников церковной старины я наглядно убедился, в каком печальном положении находятся предметы церковной старины. Предметы, иногда очень ценные в археологическом или научном значении, приходилось находить в разном мусоре, в кладовых церквей, на колокольнях и в других местах. <Мною установлено>, что предметы уничтожались, сжигались, подвергались разным случайностям, продавались скупщикам и погибали. В 1904 году при церквях составлены описи церковных древностей, но эти описи далеко не соответствуют действительности по неопытности лиц, производивших эти описи. Во всех почти губернских городах учреждены церковноархеологические комиссии или общества с церковными музеями при них.

По моему мнению, все церковные древности должны составлять неотъемлемую собственность храмов. Для этих предметов должны быть устроены витрины, а в монастырях отведены особые помещения, где бы предметы церковной старины и были бы размещены. С согласия приходских советов предметы старины могут быть переданы в епархиальные древлехранилища. Церковноархеологические комиссии должны командировать на места специалистов, знатоков церковной археологии, для приведения в известность предметов старины и их описания. Высшая церковная власть в лице Собора или Синода должна избрать Всероссийское ученое церковно-историко-археологическое общество по охранению и изучению памятников церковной старины, пригласив в это Общество ученые силы специалистов археологии и церковного зодчества. Это Общество должно выработать устав для епархиальных церковно-историко-археологических обществ и комиссий по охранению церковных древностей. В ведении епархиальных церковноархеологических обществ должны быть все церковные древности в церквях епархии. Всероссийское церковно-историко-археологическое общество должно ведаť всеми церковноархеологическими обществами и музеями церковными в епархиях, следя за их деятельностью и руководя ими.

З. И. Иванов (член Московского археологического общества): Все здания и предметы церковные и вообще все находящиеся предметы, принадлежащие Церкви, должны безусловно принадлежать Церкви, которая должна следить и охранять все памятники под руководством ученых, археологических и художественных обществ и без их заключения никаких решений не постановлять. <... >

Е. В. Скородумов: На вопрос, поставленный Высокопреосвященным председателем, кто является владельцем церковными памятниками, я, как сын Православной Русской Церкви, самым категорическим образом высказываюсь против какой бы то ни было передачи в чужие руки памятников церковной старины, принадлежащих

Церкви: будут ли то храмы, часовни, школы, церковная утварь или письменные памятники (кроме находящихся в частных руках). В этом отношении я, надеюсь, остаюсь верным заветам наших предков как обществу верующих христиан, живших церковной жизнью, от которой сохранилось так много памятников. Представитель Петроградского Союза деятелей искусств заявляет, что Союз стремится к отчуждению церковных памятников от Церкви потому, что Церковь обращалась со своими памятниками скверно. Я просил бы взять это слово обратно и выразиться более мягко, потому что все же в Церкви заметно стремление сохранить свои памятники и есть немало хранилищ этих сокровищ, а особенно проявляется это стремление в последнее время, да и сам Союз деятелей искусств не может похвалиться идеальным сохранением памятников гражданской жизни (гибнут же теперь целые деревни – типичные представители русского зодчества XVI – XVII веков и однако...). Итак, памятники церковные остаются за Церковью, а из того, что организация сохранения церковных памятников была плоха, еще не вытекает, что Церковь должна быть отстранена от этой организации. Наоборот, идя навстречу порыву Церкви, заняться упорядочением хранения памятников своей старины, надо приложить все старания к тому, чтобы эта организация была идеальна.

Граф Д. А. Олсуфьев: Одни памятники церковной старины составляют предмет науки и потому им место в музеях. Но вот, например, Остромирово Евангелие и подобные памятники. Сохраняйте, сказал бы я ревнителям охраны церковного имущества, но кто вам даст денег, необходимых для организации этой охраны. Нормальное государство, конечно, будет заботиться об охране памятников литературы и искусства и оно все-таки, наверное, захватит в свои руки значительную часть церковных древностей. Если значительная часть церковного искусства доселе гибла, то это зависело всецело от невежества церковных охранителей. Имелись, например, в церквях превосходные старинные иконостасы, но они почему-либо не нравились малосведущим в церковном искусстве священникам и даже епископам, и вот на их место ставили новые иконостасы, а старые выбрасывали. Я уже упоминал в Отделе, что в Ростове Великом, где имеются великолепные фрески в Архиерейских палатах, <...> устроены были в подвалах погреба с капустой, <там> очевидно, не понимают истинную цену церковных памятников. И следует сказать, если что доселе <и> сделано в отношении охраны церковного искусства, то это сделано элементом светским, а не церковным. Есть различные способы хранения старины: можно хранить художественные произведения так, что они будут пускаться, как бы сказать, в оборот, будучи поставлены в музей и сделавшись доступными для обозрения широкой публики. А можно иметь и другой способ хранения их, так сказать, в сундуках. Как на пример можно указать на ризницу Троице-Сергиевой Лавры. Я не думаю, чтобы охрана драгоценных предметов церковной старины в ризницах вполне отвечала музейной обстановке. Ведь там и холодно, и сыро, и сокровища остаются нередко вполне мертвыми. Кому принадлежат церковные древности – это для меня в высшей степени интересный вопрос. Я бы спросил: можно ли изъять ризницу Троице-Сергиевой Лавры и перевезти ее в Москву, в музей. Я бы сказал, что церковные древности принадлежат Церкви в целом, а не отдельным церквам. Мне думается, что могло бы <быть> вынесено постановление, что церковные древности суть достояние и собственность всей Православной Церкви в целом. Этими словами я даю ответ на первый вопрос Председателя. Но есть редкости, которые никогда не выйдут из собственности церковной, например икона Иверской Божьей Матери. Организация охраны памятников церковной старины необходима. Отдел наметил проект этой организации, и его нам необходимо обсудить, это будет полезно для следующих работ по этому вопросу. Организация должна быть как

центральная, так и областная; должны быть устроены провинциальные комитеты охраны церковной старины. Но самое ядро всей этой организации должно быть выработано Собором.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Я думаю, что мы всею силою должны утвердить положение <о том>, что памятники церковной старины – неотъемлемая принадлежность собственно Церкви. Обоснованием <того>, что Церковь сама не в состоянии охранять эти памятники, служит то, что памятники эти расхищаются, но ведь и государственные памятники испытывают едва ли не то же самое. Вот хотели уничтожить Московский Кремль. Таким образом, на государстве не меньше грехов, чем на Церкви. Лишь в последнее время благодаря народившимся археологическим обществам и у государства дело это более или менее направляется на надлежащий путь. Если же и далее по отношению к охране памятников церковной старины будет допускаться прежняя небрежность, это будет одинаково преступно как для Церкви, так и для государства. Бесконтрольное отношение к памятникам искусства было раньше общим грехом. Но теперь условия меняются: памятники, где имеются и уже <находятся> в ведении Церкви, передавать в государственное ведение отнюдь не следует. Конечно, нельзя к ним относиться бесконтрольно. Должен быть высший орган, который <будет> блюсти это дело. Собор, следовательно, погрешит, если признает необходимым архивные памятники передавать музеям, он правомочен это делать, но отнимать право на собственности у Церкви никто не может. Ослаблять этого положения никак нельзя. Можно дать широкий доступ художественным и общественным управлениям в церковной организации по охране памятников церковной старины и искусства. Я имел смутное представление об Архивной комиссии при Святейшем Синоде. Все дело по охране церковной старины надо соединить в одну целую организацию с двумя при ней отделениями: одно – для памятников, другое – для рукописей, археографическое. Академик А. И. Соболевский <позже> обещает нам сообщить об этом. <...>

Г. И. Булгаков: <Необходимо> принять все зависящие от Собора меры, чтобы сохранить за Церковью принадлежащее ей по канонам право на владение церковным имуществом и в том числе памятниками церковного искусства, составляющими собственность Церкви, а также принять меры, чтобы государством было предоставлено Церкви право наблюдения за хранением тех памятников церковного искусства, какие находятся в государственных, общественных и частных музеях, так как эти памятники могут быть поставлены в такое положение, которое противоречит их религиозной ценности, свойственной предметам религиозного почитания. Для улучшения же охраны памятников церковного искусства, принадлежащих Церкви, – поддержать существующие церковные историко-археологические учреждения.

А. И. Иудин снова ставит вопрос о том, кто является хозяином церковных древностей, и кратко повторяет мысль, что хозяин этот – Церковь, а не государство.

Профессор П. Н. Жукович указал на то, что при устройстве будущего высшего учреждения для охраны памятников церковной старины нужно в равной мере иметь в виду оба основных разряда этих памятников – вещественные и письменные – и что в речах предыдущих ораторов недостаточно отмечено относительно письменных памятников. Затем он провел ту мысль, что нужно не только формулировать, но со всей тщательностью аргументировать то положение, что памятники церковной старины составляют собственность Церкви и что охрана их должна принадлежать ей. И при старом государственном строе и правительственные учреждения (министры внутренних дел, Императорская археологическая комиссия), и некоторые общества (Московское археологическое) заявляли сильные притязания на охрану памятников церковной старины. Этим и объясняется практическая неудача выработанного Археологической

комиссией при Святейшем Синоде законопроекта. Для исторических справок по вопросу об охране памятников письменных профессор П. Н. Жукович рекомендовал вышедший недавно свод узаконений и проектов об этом, изданный Русским историческим обществом в Петрограде.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Я думал закончить вопрос и войти на Собор с докладом по поставленному вопросу, но закончить не удалось. Во всяком случае нам нужно просить благословения Собора, чтобы Святейший Синод официально заявил, что: а) памятники церковной старины – неотъемлемая принадлежность Церкви, б) что должна быть организована правильная их охрана наверху с известным соотношением к епархиальным организациям. Если Собор согласится утвердить эти принципиальные предложения, тогда мы будем разрабатывать детали. В настоящее время остается в заседании мало членов, и я откладываю вопрос до следующего заседания.

6. 18-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (16 ноября 1917 года).

Доклад епископа Прокопия (Титова) «О Патриаршей палате церковного искусства и древностей»

В связи с тем, что первая сессия Собора должна была вскоре закончиться, Подотдел пытался завершить работы по тем темам, которые были близки к завершению. На 18-м заседании, давая обзор работ Отдела, архиепископ Евлогий (Георгиевский), в частности, сказал: «У нас <... > готово дело по поводу Комитета иконописи. Здесь требуется наше заключение по вопросу, в *чьем* ведении должен быть этот Комитет. Я думал первоначально <объединить> это дело с другим общим вопросом об охране памятников церковной старины. Но, как видно, последнее дело расширяется и требует руководственных указаний со стороны многих специалистов. Ввиду сего разрешение не связывать, как я указал ранее, а войти в Собор с отдельным докладом о том, что Комитет иконописи, как ведущий дело чисто церковное, отнюдь не может быть устранен из области церковного ведения. Нам настойчиво следует требовать, чтобы Комитет был передан Церкви. Священный Собор должен обратиться к Временному правительству с ходатайством о такой передаче, так как Комитет затрагивает чисто христианское дело»³⁴.

Собору был предложен следующий доклад (проект Соборного *Деяния*).

ДОКЛАД

«О Патриаршей палате церковного искусства и древностей»³⁵

Докладчик: Прокопий (Титов), епископ Елисаветградский

1. Предметы церковного искусства, а также и вещественные (произведения письменности, церковной печати, зодчества, иконописи, ваяния и прикладных искусств), находящиеся ныне в распоряжении Российской Церкви, являются неотчуждаемым достоянием всего русского православного народа и охраняются всей мощью государственной власти.

2. Право ближайшего ведения и непосредственного распоряжения этими памятниками, ввиду их церковного характера, часто непрекращающегося церковного употребления, а также и давности владения ими Церковью, принадлежит исключительно Православной Русской Церкви в лице надлежащих органов последней и не может быть ни отторгаемо от нее, ни сокращаемо в своем объеме, ни нарушаемо в отдельных случаях никакою властью.

3. Для заведования памятниками церковного искусства и церковной старины (п. 1) существующая ныне при Святейшем Синоде Архивная комиссия преобразовывается в особое установление при Высшем Церковном Управлении, которое именуется Патриаршей палатой церковного искусства и древностей.

4. Патриаршая палата церковного искусства и древностей имеет три отделения: 1) отделение современного церковного искусства, 2) отделение церковных древностей, 3) отделение письменности. Отделения могут в потребных случаях делиться на разряды.

5. Ведению первого отделения подлежат: а) наблюдение за церковным пением, б) художественное наблюдение за современным церковным строительством, иконописью и церковнобогослужебной утварью, литургическим шитьем и вообще предметами прикладного искусства, в) заведование существующими и открытие новых школ иконописания (в особенности в монастырях, мужских и женских), г) организация иконописных артелей и мастерских, устройство при них собраний образцовых икон, д) устройство выставок, е) урегулирование торговли иконами при церквях, монастырях и епархиальных складах церковно-богослужебных принадлежностей.

Примечание. Комитет попечительства о русской иконописи, находившийся в ведении Министерства народного просвещения, должен состоять в ведении Патриаршей палаты церковного искусства и древностей.

6. Ведению второго отделения подлежат: а) приведение в известность и регистрация всех памятников церковной старины, находящихся в ведении Церкви, б) принятие мер к охране их от порчи, гибели и отчуждения, а равно и поддержанию тех из них, которые подвергаются неустранимому действию времени, в) научное их исследование, разрешение вопросов о ремонте и реставрации памятников, д) заведование Патриаршей ризницей и другими центральными церковными археологическими древлехранилищами.

7. Ведению третьего отделения подлежат: а) приведение в известность и регистрация всех памятников письменности, находящихся в ведении Церкви, б) принятие мер к охране их от порчи, гибели и отчуждения, в) научное их описание, издание и разработка, г) заведование Патриаршей библиотекой, архивом и библиотекой бывшего Святейшего Синода и всеми другими центральными церковными учреждениями архивного и археологического характера.

Примечание. Архивная комиссия при архиве Священного Синода в настоящем ее составе включается в третье отделение Патриаршей палаты церковного искусства и древностей.

8. Все епархиальные учреждения: художественные, архивные, археологические, церковнопевческие и др. (общества, музеи, ризницы, древлехранилища, библиотеки, архивы) – находятся в живом общении с Патриаршей палатой церковного искусства и древностей, пользуются ее указаниями и представляют ей ежегодные отчеты о своей деятельности.

9. В состав Патриаршей палаты церковного искусства и древностей входят: а) лица, известные своими познаниями в области церковного искусства и церковных древностей – по назначению Высшего Церковного Управления, б) лица, избираемые Духовными учено-учебными учреждениями, в) представители от ученых историко-археологических и художественных обществ и учреждений, избираемые или по предложению Святейшего Патриарха.

Примечание 1. Все члены Палаты должны быть православного исповедания.

Примечание 2. Выборные члены Палаты избираются на три года с правом переизбрания.

10. Ведению общего собрания Палаты подлежат: а) выборы должностных лиц, б) заслушивание и утверждение годового отчета о деятельности Палаты, в) рассмотрение и утверждение сметы, г) решение всех дел, касающихся Палаты в ее целом.

11. Управление делами Палаты сосредоточивается в Совете Палаты, в состав которого входят председатель Палаты, каковым является один из членов Священного Синода по назначению Святейшего Патриарха, заместитель председателя, секретарь, казначей, а также председатели всех отделений и разрядов Палаты.

12. Заместитель председателя, секретарь и казначей Палаты избираются ее членами из своей среды на три года и утверждаются Святейшим Патриархом.

13. Отделения и разряды работают самостоятельно, руководствуясь особыми положениями или инструкциями. В потребных случаях они могут устраивать общие соединенные заседания.

14. Каждое отделение и разряд из своей среды выбирают председателя и других должностных лиц сроком на три года. Избранные утверждаются в своей должности в установленном порядке.

15. При Палате учреждается Канцелярия, на обязанности которой лежит ведение всего делопроизводства Палаты, ее отделений и разрядов.

16. Все постановления Патриаршей палаты, ее отделений и разрядов восходят на утверждение Святейшего Патриарха со Священным Синодом или Высшим Церковным Советом по принадлежности.

17. Служебные права членов Палаты, ее отделений и разрядов, размер жалованья, размер и условия получения пенсии, определение источников для покрытия расходов по содержанию Палаты, состав служащих в Канцелярии, их служебные обязанности и права, размер вознаграждения и пенсии, условия определения на службу и прохождения ее вырабатываются Высшим Церковным Управлением на общих основаниях.

18. Патриаршая палата как одно из учреждений Высшего Церковного Управления, служащее не только целям церковным, но и культурно-государственным, также должны получать средства из Государственного казначейства по смете Высшего Церковного Управления.

19. Патриаршая палата церковного искусства и древности состоит в сношении с соответствующими общегосударственными органами по всем вопросам, входящим в круг ее деятельности.

20. Учреждение Патриаршей палаты и открытие действий ее должны быть осуществлены по возможности без замедления.

Примечание. Подробная разработка настоящего положения о Патриаршей палате и ее отделениях составляет ближайшую задачу ее Совета, по указаниям Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Судя по рукописной пометке на машинописном экземпляре этого доклада³⁶, он соборно не рассматривался.

7. 19-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (22 ноября 1917 года).

Продолжение дискуссии о Комитете попечительства о русской иконописи, церковном искусстве, иконописании и охране памятников церковной старины

Подготовленные и представленные Собору тексты докладов не покрывали собой всего круга вопросов, связанных с охраной памятников церковной старины, поэтому эта тема продолжала обсуждаться вплоть до конца работы Собора.

На 19-м заседании, которое состоялось 22 ноября 1917 года, архиепископ Евлогий (Георгиевский) сообщает, что докладчиком по вопросу о русской иконописи должен был выступить епископ Прокопий (Титов), однако он уехал из Москвы. Докладчиком Отдела становится Н. Н. Мавровский. Затем архиепископ Евлогий сообщил, что проблемы охраны памятников церковной старины были доложены Епископскому Совету и что он «выразил единодушное согласие по поводу того, чтобы дело о церковном искусстве, иконописи и памятниках церковной старины всецело было сосредоточено в руках Церкви»³⁷. С. Г. Рункевичем была сделана историческая справка о Комитете иконописи³⁸.

С. Г. Рункевич: Я должен сказать предварительную пару слов о Комитете иконописи. Когда Министерство народного просвещения передало на отзыв Св<ятейшего> Синода поступившее к первому обращению Комитета иконописи, то у Высшей Церковной Власти не было сомнения в том, что Комитет этот должен быть в ведении Синода. Кто помнит историю этого Комитета, тот знает, что Комитет этот первоначально образовался при Синоде. Апполинарый Львов собирался преобразовать существующую при Синоде Архивную комиссию в Археологическое общество. Был избран председатель намечаемого Общества А. Ф. Бычков и товарищем его граф С. Д. Шереметев. На первом заседании Архивной комиссии по этому делу произошло соглашение по вопросу указанного преобразования. А затем А. Ф. Бычков и С. Д. Шереметев уехали домой с одним из членов этой Комиссии, где и перерешили вопрос по-другому. Они обратились с докладом о Комитете иконописи на Высочайшее имя и проект последнего, представленный при докладе, был утвержден. Но, как известно, еще при Петре Великом существовали «изографы» и особая Комиссия их, которая находилась при Синоде. Так было с самого начала: по распоряжению государя Комиссия находилась в ведении Синода. Как устроить теперь? Министерство решило передать вопрос на обсуждение Синода. Для Синода, повторяю, ясно, что это дело должно быть в руках церковной власти. Св<ятейший> Синод, признавая это дело весьма важным и необходимым, решил представить его на заключение Собора, и Собор передал в наш Богослужбный отдел. Что касается другого дела – об отношении Собора к памятникам церковной старины, то Соборный Совет обсуждал это дело и пришел к мысли о необходимости в самом спешном порядке организовать охрану памятников церковной старины. Никогда в прошлое время эти памятники не подвергались такому варварскому разграблению и расхищению, как это мы видим в настоящее время как в центрах, так равно и в провинции на местах. Необходимо ввиду этого сконцентрировать дело этой охраны на прочных основах. На основании этого Св<ятейший> Синод признал эту задачу неотложною. А так как в предыдущее время вопрос этот уже неоднократно разрабатывался Св<ятейшим> Синодом, то было постановлено собрать все необходимые по вопросу сведения. Особенно детально вопрос об охране памятников церковной старины разрабатывался Св<ятейшим> Синодом в 1906 году, когда обсуждался вопрос о преобразовании Архивной комиссии Синода в Археологическое общество и об утверждении всех правил этого Общества. В 1906 году уже был представлен проект о создании церковной организации по охране памятников старины и об утверждении правящего этой организацией высшего органа. Теперь наша задача вновь организовать это дело, привести в исполнение прежний проект, применить его к нашему времени и создать организацию для немедленной охраны памятников старины.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Перед нами, как я представляю дело, две задачи: 1-я, чтобы принять на себя заботу об охране памятников старины, и 2-я, более живая, – о церковном искусстве, об иконописи. Должно быть

центральное учреждение, совмещающее в себе обе эти задачи. Оно должно направлять и разрешать те задачи, которые преследовал иконописный Комитет. Если мы скажем, что Церковь должна наблюдать за охраной памятников старины, то очевидно, что для такого наблюдения должно быть создано учреждение. Я и ставлю перед вниманием собрания вопрос: это учреждение должно быть единым, с двумя, так сказать, разветвлениями – памятниками старины и заботы о церковном искусстве, или одного с другим не следует соединять? Если речь идет о ценных археологических памятниках, то охрана их касается одного учреждения; если вопрос касается искусства, то это уже иное дело. Но у нас не решен еще первый вопрос – именно <о том>, что все памятники церковно-исторические и церковной старины должны быть в ведении Церкви. Здесь раздавались голоса, что целый ряд памятников должен быть независим от церковного управления, что это дело чисто государственное. Различные общественные организации также заявляют притязания ведать этим делом. У нас в Отделе были подробные рассуждения по этому поводу. Может быть, их теперь закрепить уже определенным голосованием: *что* должно оставаться в ведении Церкви и *что* – быть государственным достоянием. Я лично смотрю на дело так: что осталось в ведении Церкви – многое ведь уже ушло из ее ведения, потеряно для нее, – то отнюдь не должно быть передаваемо государству, а должна владеть и охранять оставшееся сама Церковь. Она должна создать учреждение, которое бы ведало остающимся у нее богатством. Я ставлю вопрос: что, все памятники старины – непререкаемая собственность Церкви или же часть их должна быть передана в ведение других, государственных учреждений?

С. Г. Рункевич: С моей точки зрения, в данном вопросе две стороны. Первый вопрос – о средствах охраны памятников церковной старины в настоящее время, а затем второй, общий вопрос – не только об охране, но и о дальнейшем развитии и усовершенствовании церковного искусства. Это уже задача Собора, который должен учредить Палату церковного искусства. Препятствий к обсуждению этого вопроса нет.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Что касается вопроса об отдаче памятников в ведение других учреждений, то, во всяком случае, желательно оставить их в ведении Церкви. Но здесь возникает вопрос о средствах. Если могут быть ассигнованы средства на дело охраны памятников старины, то они не должны выходить из рук Церкви. Потребуется на это дело затраты, и, может быть, сама Церковь не в состоянии будет пополнять эти затраты из собственных средств.

Священник М. Ф. Марин: Необходимо различать два рода памятников церковной старины. Одни из этих памятников могут быть переданы в музеи. Охрана памятников должна принадлежать тому, кто в состоянии лучше сохранить их. Но у нас в настоящее время нет и законной государственной власти. Кому же передать богатство памятников старины в государстве? Большевикам? Но известно, как они охранили на наших глазах памятники Московского Кремля. А те памятники старины, которые существуют ныне в Церкви, их передавать нельзя ни в каком случае. Они всегда были и будут в ведении Церкви. На помощь нам здесь придут частные археологические общества. Но с такой любовью к церковным памятникам никто не может относиться, как относятся к ним служители Церкви. Раньше еще, пожалуй, можно было говорить о передаче.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Я думаю, независимо от того, какая власть государственная будет в России, мы должны говорить об охране церковной старины. Я думаю, Церковь должна устроить прочную организацию, призвав в нее ученые, общественные и художественные силы. Я именно то и мыслил, чтобы это учреждение носило характер и ученый и общественный. Но дело, во всяком

случае, должно быть церковным. Может быть, собранию угодно голосовать принципиальный вопрос: возможно ли передать государству памятники церковной старины и церковного искусства или же они на все времена должны оставаться неотъемлемою собственностью Церкви? <... >

Художник А. М. Васнецов: Меня пугает мысль о разделении памятников старины между Церковью и государством; это разделение может вносить много зла. Я предложил бы не ставить вопрос остро. Должны быть общие точки соприкосновения, чтобы не было вражды между Церковью и государством. Разделять памятники старины на государственные и церковные – по этому пути идти не следует. Раз памятник – собственность Церкви, то, несомненно, всякой в отдельности церкви, которая им владеет. <Существуют> церковные музеи памятников. Но в общем эти памятники – достояние всего государства, понимаемого в идеальном его значении. С этим государством Церкви нельзя вступать в антагонизм. Памятники – это государственная собственность, подобно тому как собственность – все, что есть в государстве. Церкви, несомненно, придется обращаться к государству за средствами на сей предмет, а для сего необходимо прежде всего зарегистрировать все богатство памятников. Я стою за то, что какое учреждение уже владеет теми или другими памятниками, собственность того и составляют эти памятники; разграничивать области здесь нельзя.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Мы только принцип утверждаем, право юридического лица. Но если широко поставить вопрос, то право участия государства остается в полной силе. Особенно при консультировании учреждения, ведающего охраной памятников старины и церковного искусства, необходимо привлечь к участию силы общественные, художественные и научные. Мне кажется, что таким путем был бы ослаблен антагонизм между Церковью и государством. Памятники старины – это общее достояние всех членов государства, но, однако, это не есть *res nullius* – вещь, никому не принадлежащая; но у нее есть определенный хозяин – это Церковь. Если обладает ими Церковь, то у нее есть какое-либо учреждение, к которому вещь, в целях сохранения ее в порядке, должна принадлежать и который должен являться определенным ее хозяином, – и мы устанавливаем, что памятники церковной старины есть достояние церковное. Теперь переходим к вопросу об организации охраны памятников старины. Интересно, что <...> есть уже готовый проект по сему предмету, с которым познакомит нас А. И. Соболевский.

А. И. Соболевский: Я позволю себе предварить чтение проекта некоторым введением. Вопрос, здесь возбужденный, разнообразен. Во-первых, вопрос об охране памятников; во-вторых – о развитии изучения и направления церковного искусства. Этот последний вопрос – вопрос новый. Было время, <когда> думали об учреждении Духовной академии наук и церковного искусства. Что бы мы ни делали в целях развития и направления искусства, во всяком случае, должен быть особый институт для изучения церковного искусства, подобно тому как для изучения церковного пения есть специальные учреждения: консерватория и специальные классы. Речь идет о Духовной академии художеств, в которой могли бы учиться священнослужители, – это с одной стороны. Другой вопрос есть вопрос об устройстве Всероссийского церковного музея. Вопрос также не новый. Под председательством великого князя Георгия Михайловича был образован Комитет по организации этого музея, в состав этого Комитета входил и я. Мы осмотрели в Москве все места для здания будущего музея, дело уже налаживалось. В музей думали поместить и Синодальную ризницу, различные предметы из других церковных древлехранилищ, например, из Новоиерусалимского монастыря. <... >³⁹ Был напечатан и самый проект его. Что касается охраны

памятников церковного искусства, то в 1908 году в комиссии под моим председательством, при участии почти всех проживающих в Санкт-Петербурге видных представителей археологии вместе с Н. П. Кондаковым, были выработаны проекты «Положения об Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и о церковноархеологических комитетах»⁴⁰. В большей части епархий такие комитеты уже существуют, за исключением епархий новых, где мало памятников церковной старины. Некоторые комитеты работают весьма усердно, они издают свои уставы или обращаются к нам в Синодальную архивную комиссию за указаниями. У нас есть план одного общего устава, так сказать, шаблон для всех комитетов, который мы и рассылаем по просьбе желающих иметь его. Всероссийскому Священному Собору представляется решить это дело и санкционировать предполагаемые проекты. <... >

8. Положение⁴¹

об Архивно-археологической Комиссии при Святейшем Синоде и епархиальных церковноархеологических комитетах

1. Архивно-археологическая Комиссия при Святейшем Синоде

1. При Святейшем Синоде состоит Архивно-археологическая комиссия с тремя отделениями – Архивным, Археологическим и Художественным.

2. В состав Комиссии входят: председатель, три товарища председателя, делопроизводитель и члены православного исповедания, известные учеными трудами по церковной археологии, церковной истории и истории искусств, представители от Академии художеств, Петроградского и Московского археологических институтов, Русского археологического общества, Союза архивных деятелей, Обществ архитекторов и художников.

3. Члены Комиссии избираются в заседаниях оной по предложению не менее двух членов, большинством голосов и утверждаются Св<ятейшим> Синодом.

4. Председатель Комиссии и его товарищи избираются членами оной большинством голосов и утверждаются Св<ятейшим> Синодом.

5. Делопроизводителем Комиссии и ее непременным членом состоит начальник Архива и Библиотеки Св<ятейшего> Синода. Он заведует также казначейскою частью и ведет денежную отчетность.

6. Члены Комиссии, равно как и председатель, его товарищи и делопроизводитель Комиссии жалованьем не пользуются, но получают вознаграждение за труды по определению Комиссии.

7. Члены Комиссии допускаются для осмотра документов, книг и предметов искусства и древности во всех архивах, библиотеках, музеях, древлехранилищах и ризницах церковных, архиерейских, монастырских и других. На описание и исследование испрашивается разрешение Св<ятейшего> Синода или епархиальных преосвященных по принадлежности.

8. Средства Комиссии образуются из ежегодно ассигнуемой от Государственного казначейства денежной суммы, из назначений по мере надобности из специальных средств Св<ятейшего> Синода и из могущих быть пожертвований.

9. Комиссия созывается на заседания или в полном своем составе, или в составе одного из своих отделений.

10. В ведение Комиссии поступают состоящие в Духовном ведомстве церковно-археологические музеи и общества разных наименований.

11. Предмет занятий Комиссии в полном ее составе – Комиссия: а) изыскивает меры и средства к распространению интереса, уважения и любви к церковному искусству

и памятникам церковной старины, б) решает общие вопросы по охранению, описанию и поддержанию архивов, рукописных и старопечатных книг и предметов искусства и древности, находящихся в Духовном ведомстве, по сооружению и украшению новых храмов и зданий Духовного ведомства и по реставрированию или перделке древних или старинных, в) вырабатывает по этим вопросам правила и инструкции, г) обсуждает архивные, археологические, архитектурные и другие вопросы, связанные с церковным искусством и предлагаемые на рассмотрение Комиссии как Св<ятейшим> Синодом, так и членами Комиссии, д) исполняет поручения ученого характера, исходящие от центрального Духовного управления и относящиеся к архивоведению, археологии и церковному искусству, е) избирает из своей среды председателя Комиссии, его товарища и членов, ж) обсуждает вопросы по открытию, деятельности и личному составу церковноархеологических комитетов, направляет и объединяет деятельность этих комитетов, снабжает их для руководства особыми правилами и инструкциями, и, по мере возможности, содействует успешности их трудов, з) составляет и публикует общий годовой отчет о деятельности Комиссии и комитетов.

12. Архивное отделение Комиссии решает вопросы по описанию Архива Св<ятейшего> Синода и наблюдает за охранением и описанием других архивов Духовного ведомства. Следит за состоянием архивных помещений и возбуждает ходатайства об улучшении оных; составляет, редактирует и печатает «Описание дел и документов Архива Св<ятейшего> Синода», «Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания», а также описание дел и документов и краткие описи с указателями к делам архивов отдельных учреждений, находящихся в Архиве Св<ятейшего> Синода, причем в работах этих руководствуется особо составленными на сей предмет специальными правилами; издает памятники истории, литературы и права, хранящиеся в Архиве Св<ятейшего> Синода и в других архивах Духовного ведомства, и посвященные этим памятникам исследования.

13. Археологическое отделение Комиссии решает частные вопросы по охранению, описанию, поддержанию и восстановлению предметов и памятников старины и искусства, находящихся в Духовном ведомстве; вступает в сношения по этим вопросам с церковноархеологическими комитетами, всякого рода учреждениями и начальствующими лицами и имеет ближайшее наблюдение за деятельностью церковноархеологических комитетов.

14. Художественное отделение Комиссии, распадаясь на два подотделения: а) архитектуры и иконописи, б) церковного пения, – наблюдает за течениями в церковном искусстве, заботится о поддержании тех из них, которые соответствуют идеалам и преданиям Православной Русской Церкви; дает соответствующие указания церковноархеологическим комитетам, епархиальным преосвященным и, в случае ходатайства, всем интересующимся лицам; издает руководства и сборники образцов; следит вместе с Археологическим отделением Комиссии за восстановлением памятников старины и искусства в церковном ведомстве.

15. Сношения Архивно-археологической комиссии и ее отделения с учреждениями и лицами ведутся от имени председателя.

16. Протоколы заседаний Комиссии и ее отделений ведутся делопроизводителем и подписываются всеми присутствовавшими в заседании членами.

17. Годовой отчет о деятельности Комиссии и комитетов составляется делопроизводителем Комиссии.

18. На переписку бумаг и т. п. ежегодно Комиссии назначается определенная сумма в распоряжение делопроизводителя Комиссии.

19. Заседания членов Комиссии и ее отделений происходят в помещении архива

и библиотеки Св<ятейшего> Синода и назначаются председателем Комиссии или одним из его товарищей по мере надобности.

2. Епархиальные церковноархеологические комитеты

1. В епархиальных городах состоят епархиальные церковноархеологические комитеты. Они находятся в ведении Архивно-археологической комиссии.

2. При каждом церковноархеологическом комитете в уездных и заштатных городах, посадах, селах и монастырях могут быть открываемы, если окажется нужным, отделы комитета на основании постановления комитета. Взаимные отношения комитетов и их отделов определяются как общими инструкциями Комиссии, так и специальными инструкциями самих комитетов.

3. Обязанность этих комитетов и их отделов заключается в наблюдении: 1) за охранением, описанием и поддержанием предметов и памятников старины и искусства, а также древних рукописных и старопечатных книг, находящихся в Духовном ведомстве, 2) за охранением и описанием архивов Духовного ведомства в пределах той губернии или уезда, где учрежден каждый из комитетов или отделов. Сверх того, на обязанности комитетов и их отделов лежит забота: а) о распространении интереса, уважения и любви к предметам церковного искусства и церковной старины, б) о поддержании тех течений в церковном искусстве, которые соответствуют идеалам и преданиям Православной Российской Церкви, а также и посильное научное исследование как этих предметов искусства и церковной старины, так и архивов Духовного ведомства.

4. Церковноархеологический комитет, а равно и его отдел, состоят из почетного председателя, председателя, товарища председателя и членов.

5. Почетным председателем комитетов и отделов состоит епархиальный Преосвященный.

6. Председатель избирается из числа членов комитета или отделов в заседании его по большинству голосов на 3 года и утверждается почетным председателем.

7. Члены комитета или отдела избираются с согласия почетного председателя из числа знатоков и любителей искусства и церковной старины православного исповедания, членов местных ученых обществ и преподавателей учебных заведений.

8. Избрание новых членов происходит по предложению не менее как двух членов в заседаниях комитета или отдела по большинству голосов.

9. Кроме членов действительных в комитете, а равно и в его отделах могут быть члены почетные из числа ревнителей церковной старины. Они избираются на общем основании и участвуют в заседаниях с совещательным голосом.

10. Об избранных вновь членах комитеты немедленно сообщают Архивно-археологической комиссии.

11. Один из членов комитета или отдела по избранию комитета или отдела несет обязанности секретаря и заведует делопроизводством.

12. Один из членов комитета или отдела, действительных или почетных, по избранию несет обязанности казначея.

13. Сверх того, могут быть избираемы из числа членов комитета или отдела хранители библиотеки, архива и музея комитета или отдела, если таковые при них будут, с соответствующими наименованиями.

14. Первый состав каждого комитета образуется местным епархиальным Преосвященным по соглашению с Комиссией при Св<ятейшем> Синоде из числа членов местных ученых обществ, преподавателей духовно-учебных заведений и известных местных знатоков искусства и старины.

15. Комитеты руководствуются инструкциями и постановлениями Комиссии при Св<ятейшем> Синоде, находятся с нею в постоянных сношениях и по истечении каждого года представляют ей отчет о своей и отделов деятельности, о личном составе, о приходе и расходе сумм за год.

16. Во всех важных случаях (об открытиях, разрушениях, злоупотреблениях, крупных пожертвованиях и т. п.) комитеты немедленно сообщают Архивно-археологической комиссии.

17. Постановления Архивно-археологической комиссии обязательны для комитетов и их отделов и немедленно приводятся в исполнение.

18. Церковноархеологические комитеты и их отделы имеют помещения для заседаний, канцелярий, библиотеки, музея, архива и проч., по назначению почетного своего председателя, в одном из зданий Духовного ведомства. Все расходы по приспособлению, ремонту, охране, отоплению, освещению и т. п. этого помещения производятся на местные епархиальные средства.

19. Заседания комитетов – закрытые. Но если окажется возможность, комитеты устраивают также публичные собрания с чтениями, беседами и представлением для осмотра предметов старины и искусства.

20. Заседания созываются по мере надобности почетным председателем или, с его благословения, председателем комитета, или в случае его отсутствия и не терпящих отлагательства обстоятельств – товарищем председателя.

21. Заседание считается законно состоявшимся, если будет созвано законным порядком и состоится в присутствии не менее 3-х действительных членов.

22. В случаях, не терпящих отлагательства, если не может состояться собрание комитета или его отдела в интересах охранения памятников искусства и старины, распоряжения делаются председателем или его товарищем с донесением об этом комитету или отделу, по возможности немедленно.

23. Члены комитетов или отделов допускаются в монастырские, архиерейские и церковные архивы, библиотеки, музеи и ризницы для осмотра, описания и исследования в них документов и предметов древности с разрешения епархиального преосвященного.

24. Епархиальные музеи или древлехранилища, архивы и библиотеки ученого характера, ныне подчиненные непосредственно местному преосвященному, поступают в ближайшее заведование комитетов по соглашению с их почетными председателями и управляются комитетами на основании особо выработанных для каждого учреждения уставов или правил.

25. Если существующее уже ныне какое-либо церковноархеологическое, или церковноисторическое, или художественное общество пожелает принять на себя возлагаемые на церковноархеологические комитеты обязанности и вступить в ведение Архивно-археологической комиссии, то такое общество заменяет собою предполагаемый к открытию в данной епархии церковноархеологический комитет, сохраняя в силе свой устав, коим оно ныне руководствуется.

26. Почетный председатель имеет заботу о доставлении из епархиальных и вообще местных средств потребных на расход комитетов и их отделов сумм, но комитеты и их отделы должны также и сами заботиться о привлечении на свои нужды, на распространение интереса к предметам искусства и церковной старины и на дело охранения и исследования памятников и предметов искусства и древности частных пожертвований.

На вопрос председателя, почему положение об Архивно-археологической комиссии не было введено в действие, *А. И. Соболевский* отвечает, что

«обер-прокурор С.М. Лукьянов не решился представить эти положения на Высочайшее утверждение по соображениям тактическим»⁴².

9. 19-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме. Окончание дискуссии по проблемам иконописания в России и охраны памятников церковной старины*

Как уже было сказано, Отделом и Собором была признана необходимость создания при Патриархе особого органа, занимающегося проблемами церковного искусства. Задачи этого Комитета удалось сформулировать весьма кратко, поэтому из-за отсутствия итоговых документов нам приходится приводить значительные фрагменты стенограмм. Приведем фрагмент дискуссии, которая произошла на 19-м заседании Отдела, состоявшемся 22 ноября 1917 года⁴³.

В. Т. Георгиевский: Мне приходилось много разъезжать по обязанностям службы по Руси. Повсюду, где я бывал, я считал своим долгом посетить церковь, осмотреть церковную ризницу – иконы, облачение и проч. Я проехал 58 епархий и посетил их, кроме Пензенской и Тамбовской. Я посетил все епархиальные монастыри как в городах, так равно и в селениях, и повсюду я замечал одно и то же плачевное явление. Я видел полную гибель памятников церковной старины, наблюдал, как не дорожат ими и расхищают их⁴⁴. Это такое общее заключение, что о нем не стоит даже и говорить. Меня и строительство церковное смущает. В угоду какому-нибудь церковному старосте выламываются древние иконостасы и заменяются иконостасами новыми, яркими, бездарной работы, которые размалевываются кустарями-позолотчиками. Часто церковь прямо обезображивается неподходящими работами. Все это меня приводило к мысли, что у нас до сего времени дело с церковным искусством и иконописью обстоит неладно. До сего времени ни в наших Духовных академиях, ни в семинариях не было особого предмета церковной археологии и церковного искусства. Священники совершенно не знакомы с этим делом. Они не знают, поступая на приход, *чему* они хозяева. Ему все одинаково дорого. Но полное отсутствие сведений по археологии и искусству губит старину.

Что нужно сделать в противовес этому? – думал я. Я обращался в Св<ятейший> Синод с предложениями обязательного преподавания археологии в семинариях, но Синод был глух и отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что уже сконструированы семинарские системы, давно составлены программы и потому пришлось бы ломать всю постановку дела, – предложение было признано запоздалым. Был создан новый Устав Духовных семинарий. Я служил уже в период его создания в Учебном комитете; ратовал за то, чтобы введена была в курс семинарских наук церковная археология, и она действительно была введена. Профессору Н. В. Покровскому поручено было выработать программу этого предмета, – но не церковного искусства, о введении которого в курс семинарии я хлопотал преимущественно, – и он составил <эту программу> применительно к своему учебнику. Я был доволен, что теперь хотя <бы> примитивные понятия о церковном искусстве будут получать будущие пастыри Церкви. Но вот при обсуждении вопроса о количестве учебных часов к тому или другому предмету наук при введении этого Устава в Учебном комитете возникли бесконечные споры: стали отвоевывать себе бывшее <прежде> количество часов, <...> каждый заботился о своих уроках, и вот на догматическое и нравственное богословие было выделено шесть недельных уроков, а на церковную археологию – один. Когда преподаватели семинарии получили выработанную программу предмета археологии и учебник Н. В. Покровского, они стали в тупик перед вопросом, как можно выполнить

обширную программу предмета и при одном часе в неделю, пользуясь притом объемистым учебником профессора Н. В. Покровского. И вот в Учебный комитет посыпались запросы – чем пожертвовать преподавателю предмета: литургикой или археологиею в ущерб выполнения программы – и в ответ получили: археологию может не преподавать. Дело так и провалилось, и тут думается, что оно провалится и теперь, потому что у многих нет сочувствия предмету. А тут нападки – упреки в варварстве, укоры в том, что разрушает духовенство само по невежеству памятники старины. А. И. Соболевский сообщил нам, как сама действительность стучалась в Святейший Синод по вопросу об охране церковной старины и взывала: помогите нам, обратите внимание... Но эти вопли не были, однако, услышаны. Обер-прокурор С. М. Лукьянов чего-то убоился. Доколе же так будет продолжаться? Начался грозный час – старина церковная безжалостно гибнет. Достаточно указать, что сделано на наших глазах большевиками в Синодальной ризнице. Наше богатое достояние, наша святыня ограблена и опозорена. Вопрос об охране церковной старины необходимо решить искренно и серьезно. Полумеры вроде различных археологических комитетов тут не достигают цели. Я сам собирал старину церковную для музеев и устраивал их. Дело этих музеев непрочное; они стояли в зависимости, особенно в провинции, от личного каприза губернаторов, а нередко и местных епископов. Пришлют какую-нибудь бумагу из Петрограда: озаботиться найти помещение для тех или других целей или временно его использовать – и вот охранителям музея говорят: убирайтесь вы со своими черепками в другое место, нам нужно в вашем помещении устроить то-то и то-то неотложно необходимое. Во многих учреждениях для памятников старины церковной и до сего времени не находится подходящего места, и вот их прячут в подвалы, под колокольню, на чердаки. Наша московская Патриаршая ризница – едва ли не первое в <мире> по богатству древлехранилище, но она находится в холодном помещении, на колокольне Ивана Великого. Не дай Бог, если оборвется тысячепудовый колокол, пробьет пол и легко уничтожит хранящиеся в ризнице предметы.

Все изложенное мною и заставило Подотдел о храме обратить внимание на охрану старины. Что-нибудь нужно же, наконец, сделать в этой области. Предлагаемый мною проект по сему вопросу – это *ria desideria*⁴⁵. Но Собор должен вынести решение, чтобы кто-нибудь всерьез ведал этим делом. Раз средства тратятся на устройство церквей, то почему же не могут быть к этому делу привлечены художники, а не базарные мастера. Если Церковный Собор сделает регистрации предметов церковного искусства, если старинные предметы его будут в целости и сохранности, то художники будут вдохновляться мыслию для нового творчества. Он <художник> будет творить в духе церковной старины. Почему бы местным архиереям не рекомендовать, чтобы там, где производятся новые постройки храмов или возобновляются старые, указывать художественные образцы в руководстве мастеров. Мы, таким образом, были бы застрахованы от утраты старинных художественных памятников искусства. Все архитекторы сами с бережливостью относились бы к памятникам церковной старины. Если в Сольвычегодском или в другом каком монастыре хранятся памятники искусства, то настоятель знает, что это неприкосновенная ценная старина, будет охранять ее, будет зорко следить за тем, чтобы она не гнила; будет знать, имея в руках реестр, что та или другая вещь церковная – ценная и что ее надо беречь, помнить, какое богатство хранит в своих стенах та или другая обитель. Таким образом будет воспитываться любовь к охране той или другой вещи. А охрана эта должна быть организована. <... >

С. Г. Рункевич: Мне представляется, что должна быть одна Палата, но разделенная на несколько Отделов, имеющих соотношение между собой, например, в

Отделе о церковной живописи может быть два отдела: один из них будет заботиться о хранении искусства живописи, а другой – способствовать развитию этого искусства. В настоящее время уже есть некоторые структуры, преследующие эту цель: это Комитет иконописи, в который поступает много различных вопросов со стороны, <это> фирмы, изготавливающие иконы, каковы, например, фирмы Бонакер и Жако. Есть в Св<ященном> Синоде Техническо-строительный комитет, который вместе с тем дает указание и по художественной части; с другой стороны, по закону при постройке новых церквей должны обращаться в Археологическую комиссию. Все это возможно создать и в отношении церковной архитектуры. Третий Отдел – палата церковного пения. Вопрос о современном его положении подробно разрабатывается Синодальным хором. По археологии есть прекрасные музеи церковных редкостей, в которых археология и современность сочетаются между собой. Наконец, заботы о той части древности, о которой упоминает профессор П. Н. Жукович, – письменные памятники. Но тут древности относится не к искусству, а к науке. Но особый отдел организовывать для него нецелесообразно. Отдел этот отвлечется другими. Таким образом, я предлагаю разделить Палату только на четыре Отдела: архитектуры, археологии, живописи и пения. Может быть, эти отделы могли бы сделаться самостоятельными учреждениями, разумеется, это было бы хорошо. Но каковы бы ни были судьбы Церкви и государства в будущем, во всяком случае, будет все направлено к величайшей экономии и, таким образом, лучше сократить чем расширить⁴⁶.

III. Проблемы охраны памятников старины и церковного имущества на второй сессии Поместного Собора

Вторая сессия Собора продолжала работу в том же направлении. Чрезвычайно интересным кажется уточнение, внесенное представителем Московского археологического общества А. А. Захаровым⁴⁷.

В <...> проекте Положения о Патриаршей палате не выяснено отношение между Палатой как учреждением, ведущим охрану памятников старины, <и государством>. Об этом есть лишь два упоминания – 1-й параграф: «Предметы церковного искусства, а также памятники церковной старины... охраняются всей мощью государственной власти» и 13-й параграф: «Патриаршая палата... получает средства из Государственного казначейства по смете Высшего Церковного Управления». Между тем раз государство будет опускать деньги на поддержание и охрану памятников церковной старины, оно, несомненно, будет запрашивать о том, на что и сколько потребно денег; свои органы по охране памятников старины в лице их же, а также государственного контроля; будет наблюдать за тем, чтобы деньги шли на охрану и поддержание известных указанным им памятников и при том согласно указанным им (то есть государством) способом. Это неизбежно при всяком правительстве, не говоря уже о таком, которое желало бы устроить «национализацию» церковных памятников. Посему в Положение совершенно необходимо вставить параграф или параграфы, говорящие о сношениях Патриаршей палаты с общегосударственными органами по охране памятников, об их совместной работе на этом поприще и сделать это тем необходимее, чтобы заранее определить те формы сношений, которые приемлемы для Церкви, и указать те пределы, далее которых не может простираться власть государства в вопросах, касающихся церковных памятников. Возлагать решение такого основного вопроса на совет Патриаршей палаты, являющийся органом чисто административным, распорядительным, исполнителем ее решений, представляется совершенно невозможным, и я, как

представитель Московского археологического общества, покорнейше прошу рассмотреть и тот законопроект, который представители Общества имели честь представить 3 февраля сего года Его Святейшеству Святейшему Патриарху с покорнейшей просьбой представить его на рассмотрение VII Отдела Священного Собора.

Собственником всего церковного имущества является Церковь как от Бога установленное общество человек, соединенных православной верой, законом Божиим, священноначалием и таинствами. Посему и храмы *не могут быть рассматриваемыми* как собственность прихода. Приход является только вечным пользователем. На это прошу членов Освященного Собора обратить внимание при рассмотрении вопроса о юридическом лице прихода, ибо это тесным образом связано и с вопросом о сохранении памятников церковной старины. Раз будет признано, что приход является собственником храма и всего в нем находящегося, то он будет иметь юридическое право храм перестроить, переменить иконостас, перерисовать стенопись, перелить колокола и тому подобное, благодаря усердию не по разуму, заботясь якобы о благолепии храма, или же по иным побуждениям. Поэтому в законопроекте Положения о Патриаршей палате необходимо сказать, что «Патриаршая палата церковного искусства и древностей относится к числу органов Высшего Церковного Управления и, как таковая, имеет право и обязанность наблюдать за памятниками церковной старины, принадлежащими Православной Русской Церкви», а с другой стороны, в проекте Положения о приходе необходимо вставить два слова: «В своем праве распоряжаться храмом и церковными предметами старины приход обязан руководиться указаниями Патриаршей палаты церковного искусства и древностей как одного из органов Высшего Церковного Управления».

А. А. Захаров оглашает проект, представленный Московским археологическим обществом при отношении его на имя Святейшего Патриарха от 29 декабря 1917 года за № 854 следующего содержания.

11. Проект организации по охране памятников церковной старины, выработанный Московским археологическим обществом

1. Общие положения

Ст. 1. Все памятники церковной старины являются неотделимой собственностью Православной Русской Церкви и, как национальное достояние всего православного русского народа, охраняются всей мощью государственной власти.

Ст. 2. Высшее наблюдение за сохранением и поддержанием памятников церковной старины возлагается на Патриаршую палату церковного искусства и древностей, состоящую при Всероссийском Патриархе.

Ст. 3. Подлежат сохранению и охране все памятники церковного искусства и церковной древности как вещественные, так и рукописные независимо от того, какому церковному учреждению принадлежит ближайшее ими заведование. К числу таких памятников старины относятся все архитектурные сооружения или их остатки, принадлежащие Церкви или находящиеся в ее заведовании; памятники иконописи, религиозной живописи, богослужбная утварь, памятники литургического шитья, памятники древней письменности, старопечатные книги, документы церковных архивов; все предметы церковного обихода, хранящиеся в ризницах церквей и монастырей, в церквях, монастырях и часовнях при церквях, в центральных и местных церковно-хранилищах, музеях и библиотеках Духовных академий и семинарий и вообще все предметы художественные, исторические и археологические, принадлежащие Православной

Русской Церкви. Равным образом подлежат хранению и охране все памятники старины не церковного характера, составляющие собственность Православной Русской Церкви.

Ст. 4. Сохранению и охране подлежат все памятники церковной старины старше 50 лет.

Ст. 5. Так как многие из вышеперечисленных сооружений и предметов являются не только церковными памятниками, но и памятниками государственно-национальными, то в охране их участвуют и государственные органы охраны памятников старины <и средства> в потребных случаях должны быть отпускаемы из сумм Государственного казначейства. Поэтому органы государственной охраны памятников старины дают в потребных случаях свое мотивированное заключение по поводу того или иного памятника церковной старины и указывают на необходимость производства тех или иных работ по его поддержанию или исправлению. При обсуждении какого-либо вопроса, касающегося памятников церковной старины, в общегосударственных органах по охране памятников старины участвует с правом решающего голоса и представитель Патриаршей палаты церковного искусства и древностей. Высшая санкция относительно производства работ по поддержанию и охране памятников церковной старины принадлежит Патриаршей палате и об ее установлении доводится до сведения общегосударственных учреждений, ведающих охраной памятников старины.

Ст. 6. Все памятники церковной старины разделяются на: 1) памятники, имеющие особо важное национально-церковное значение как художественное, так и историческо-археологическое и 2) все прочие памятники старины.

Ст. 7. Относительно первой группы памятников Патриаршая палата церковного искусства и древностей, дабы пользоваться охраною всей мощи государственной власти, получает мотивированное заключение о потребных для охраны их мерах от центрального общественного учреждения по охране памятников старины и сама обращается к нему в целях сотрудничества с государственной властью. По поводу же второй группы памятников дают свои заключения областные общегосударственные учреждения по охране памятников старины. Решающая власть принадлежит в обоих случаях Патриаршей палате.

Ст. 8. В целях лучшей сохранности отдельных предметов церковной старины при Патриаршей палате устраивается и в ее заведовании находится Центральное церковноархеологическое древлехранилище, в состав которого входят Синодальная ризница и Библиотека и куда присоединяются из других церковных хранилищ принадлежащие Церкви древности и памятники церковного искусства, имеющие особо важное церковноисторическое или художественно-археологическое значение, а также принадлежащие Православной Русской Церкви рукописи, старопечатные книги и документы церковных архивов, имеющие особо важное церковноисторическое или художественно-археологическое значение.

Ст. 9. Во избежание нареканий со стороны органов государства, ведающих охраной памятников старины, Патриаршая палата запрашивает по поводу всякого перенесения таких особо важных исторических или церковно-художественных памятников в Центральное церковноархеологическое хранилище мнение государственных учреждений по охране памятников старины. Такие обязаны дать свое мотивированное заключение по всякому возбужденному Патриаршей палатой вопросу.

Ст. 10. Все вопросы о реставрации, ремонте, перестройке или видоизменении, а тем более сломке памятников церковного зодчества или их остатков, а также о переделке и реставрации всех прочих памятников церковной старины Патриаршая палата как учреждение, пользующееся для поддержания и охранения памятников старины

содействием государственной власти и получающее в потребных случаях для поддержания и охранения этих памятников средства из Государственного казначейства, представляет на заключение центрального общественного органа по охране памятников старины по отношению к памятникам, имеющим особо важное значение, и на заключение областных общегосударственных учреждений по охране памятников старины – по отношению ко всем прочим памятникам.

Ст. 11. Определение, какие памятники церковной старины следует признать имеющими особо важное значение, производится совместно Патриаршей палатой и центральным государственным органом по охране памятников старины.

Ст. 12. Все памятники старины, принадлежащие Православной Русской Церкви, где бы таковые ни находились, и притом как церковного, так и светского характера, обязательно должны быть внесены в подробные описи, хранящиеся в Патриаршей палате, копии с которых хранятся в местах нахождения памятников и в епархиальном органе по охране памятников церковной старины и передаются в центральное и соответствующее областное общегосударственное учреждение, ведающее охраной памятников старины.

Ст. 13. Все предметы церковной старины не подлежат отчуждению из своих хранилищ; если же по условиям места или по другим обстоятельствам какое-либо из церковных древлехранилищ или учреждений признает невозможным для себя должное хранение того или другого памятника или предмета старины, то с разрешения Патриаршей палаты данный памятник или предмет может быть передан в ведение или для хранения в одно из хранилищ или учреждений по указанию Патриаршей палаты с доведением об этом до сведения общегосударственных органов по охране памятников старины.

Ст. 14. Старые дела архивов, принадлежащих церковному ведомству, могут быть назначаемы к уничтожению не иначе, как с разрешения Патриаршей палаты и после предварительного сношения с общественными учреждениями, ведающими охраной памятников старины, причем последние – из дел, назначенных Патриаршей палатой к уничтожению, могут отобрать для своих хранилищ то, что найдут нужным.

Ст. 15. В случае разрушения, разборки, уничтожения или видоизменения без узаконенного разрешения какого-либо из памятников церковной старины или их остатков, подлежащих охране, ответственность возлагается на лицо, в непосредственном заведовании которого состоит данный памятник.

2. О Патриаршей палате церковного искусства и древностей как центральном учреждении, ведающем охраной памятников церковной старины

Ст. 16. Патриаршая палата церковного искусства и древностей, одной из функций которой является охрана принадлежащих Церкви памятников старины, состоит из: а) лиц, известных своими специальными познаниями в области церковного искусства и древностей (художники, архитекторы, ученые), назначаемых Высшим Церковным Управлением, б) лиц, избираемых Духовными учено-учебными учреждениями, в) представителей от ученых, историко-археологических и художественных обществ и учреждений.

Примечание. Все избираемые члены Патриаршей палаты должны быть православного вероисповедания и избираются на три года с правом дальнейшего переизбрания.

Ст. 17. Почетным председателем Патриаршей палаты является Всероссийский Патриарх как глава Православной Русской Церкви.

Ст. 18. Председатель, товарищ председателя, секретарь и товарищ секретаря (если в последнем явится надобность) утверждаются в своей должности Высшей Церковной Властью по представлению Патриаршей палаты.

Ст. 19. Все дела решаются в Патриаршей палате по большинству голосов; в случае равенства голосов голос председателя дает перевес, но меньшинство имеет право переносить спорный вопрос на разрешение Высшей Церковной Власти.

Ст. 20. В случае разногласия Патриаршей палаты с заключением относительно мер, необходимых для охраны того или иного памятника церковной старины, данным общегосударственными учреждениями по охране памятников старины, вопрос разрешается Патриаршей палатой совместно с центральным государственным учреждением по охране памятников старины.

Ст. 21. Внутренний распорядок дел в Патриаршей палате устанавливается наказом, вырабатываемым Палатой и утверждаемым Высшей Церковной Властью.

Ст. 22. Заседание Патриаршей палаты считается состоявшимся при наличии не менее половины всех ее членов.

Ст. 23. Патриаршая палата в потребных случаях имеет право приглашать к участию в своих работах с правом совещательного голоса лиц, содействие которых признано будет ею желательным.

Ст. 24. Член Патриаршей палаты, не посещавший в течение года ее заседания, считается из нее выбывшим, и об этом доводится до сведения того учреждения, которым он был назначен или избран.

Ст. 25. Для приведения в исполнение решений Патриаршей палаты и для письменных сношений по делам, находящимся в ее ведении, при президиуме Палаты учреждается канцелярия на основании особых штатов.

Ст. 26. Патриаршая палата ежегодно публикует отчет о своей деятельности.

Ст. 27. В обязанности Патриаршей палаты церковного искусства и древностей по отношению охраны памятников церковной старины входит: а) высший надзор за всеми принадлежащими Православной Русской Церкви памятниками старины, установление способа их регистрации и создание учреждений для этой регистрации на местах, составление общих для всей территории Православной Русской Церкви списков этих памятников и определение совместно с центральным общегосударственным учреждением по охране памятников старины, какие из церковных памятников имеют особо важное значение (ст. 6) и подлежат особо тщательному наблюдению за их сохранностью, б) контроль за действиями всех лиц и учреждений, в непосредственном заведовании которых находятся принадлежащие Церкви памятники старины, в) окончательное решение вопросов, связанных с ремонтом, реставрацией, видоизменением и уничтожением памятников церковной старины или их остатков согласно заключениям, данным общегосударственными учреждениями по охране памятников старины, г) ученое описание и художественное издание памятников церковного искусства и старины, д) сосредоточение у себя фотографических и иных снимков, планов и всякого рода сведений по возможности относительно всех памятников церковной старины и регистрационных списков всех этих памятников, е) ежегодное представление в общегосударственные учреждения смет о суммах, потребных для охраны и реставрации принадлежащих Православной Русской Церкви памятников церковной старины, ж) учреждение органов, заведующих сохранением и охраной памятников церковной старины на местах, выработка им инструкций и наблюдение за их деятельностью, з) разрешение учреждения местных церковных древлехранилищ, выработка правил управления и заведования ими и наблюдение за соблюдением этих правил, и) вообще все

дела, какие могут встретиться при охране памятников старины, надзор за исполнением решений Патриаршей палаты, сношение с подлежащими властями и учреждениями для приведения в исполнение решений Патриаршей палаты и т. д.

3. Об органах, заведующих охраной памятников церковной старины на местах

Ст. 28. Органы, заведующие охраной памятников церковной старины на местах, учреждаются Патриаршей палатой церковного искусства и древностей и находятся в ее управлении.

Ст. 29. Такими органами являются епархиальные комитеты по охране памятников церковной старины.

Ст. 30. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины состоит из представителей местной епархиальной власти, представителей от клира и мирян и представителей от местных ученых историко-археологических обществ и учреждений.

Примечание. В потребных случаях в состав епархиального комитета может быть командировано Патриаршей палатой особо назначенное лицо.

Ст. 31. Председатель, товарищ председателя и секретарь комитета утверждаются Высшей Церковной Властью по представлению комитета, передаваемому через Патриаршую палату.

Ст. 32. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины имеет право приглашать к участию в своих работах с правом совещательного голоса лиц, действие которых будет признано им желательным.

Ст. 33. Заседание епархиального комитета прерывается не реже одного раза в месяц и считается состоявшимся при наличии не менее половины всех его членов.

Ст. 34. Все дела в епархиальном комитете решаются большинством голосов, голос председателя дает перевес; при разногласии меньшинство имеет право перенести окончательное разрешение вопроса на решение Патриаршей палаты.

Ст. 35. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины прежде разрешения какого-либо вопроса, касающегося ремонта, реставрации, переезда и пр. древнего памятника, обязан запрашивать заключения общесоюзного областного органа по охране памятников старины, без коего не может предпринимать никакие работы или <...> переделки древних церковных памятников.

Ст. 36. Член епархиального комитета, не посетивший его заседания в течении года, считается из него выбывшим, о чем и доводится до сведения того учреждения, которым он был назначен или избран.

Ст. 37. Внутренний порядок делопроизводства епархиального комитета определяется наказом, утверждаемым Патриаршей палатой.

Ст. 38. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины ежегодно получает из сумм Патриаршей палаты определенную сумму, которая расходуется им на охрану памятников старины и всякого рода связанных с нею работ, а в потребных случаях ходатайствует перед Патриаршей палатой о назначении ассигнований по особо составленным сметам.

Ст. 39. При епархиальных комитетах по охране памятников церковной старины могут быть с согласия Патриаршей палаты учреждаемы древлехранительные памятников церковной старины, состав которых и порядок управления определяются Патриаршей палатой. Существующие уже церковные музеи и древлехранительные, а также ризницы или части их могут по решению Патриаршей палаты входить в состав епархиального

древлехранилища. Для заведования епархиальными или областными древлехранилищами могут быть назначаемы по представлению епархиальных комитетов Патриаршей палатой особо подготовленные для сего лица.

Ст. 40. О всяком переносе памятников церковной старины из одного места их хранения в другое областной комитет по охране памятников церковной старины доводит до сведения Патриаршей палаты и получает от нее разрешение на это перенесение.

Примечание. Относительно памятников, имеющих особо важное значение, соблюдаются указания ст. 9.

Ст. 41. На епархиальные комитеты по охране памятников церковной старины возлагается:

а) Приведение в известность и обследование всех находящихся в пределах подведомственного ему округа памятников старины или их остатков, составляющих собственность Церкви, составление им подробных описей, снятие фотографий и рисунков и представление таковых в Патриаршую палату вместе с копией с оных для центрального общегосударственного учреждения, ведающего охраной памятников старины.

Примечание. Копии со всех описей остаются на местах хранения памятников и в епархиальном комитете по охранению памятников церковной старины.

б) Сосредоточение у себя фотографических и иных снимков, планов и всякого рода сведений, относящихся по возможности ко всем памятникам церковной старины или их остаткам, находящимся в пределах подведомственного ему округа, и сообщение их в копиях Патриаршей палате и центральному общегосударственному учреждению, ведающему охраной памятников старины.

в) Наблюдение за сохранением всех находящихся в пределах данной епархии памятников церковной старины или их остатков, наблюдение за принятием мер, необходимых для их поддержания или реставрации, <производится> согласно заключения областного общегосударственного учреждения по охране памятников старины, поскольку эти меры могут быть принимаемы с разрешения областных органов по охране памятников старины.

Примечание. В случае разногласия между епархиальным комитетом по охране церковных памятников старины и общегосударственным областным учреждением по охране памятников старины вопрос направляется епархиальным комитетом в Патриаршую палату.

г) Доведение до сведения Патриаршей палаты о необходимости всякого рода работ, касающихся памятников, имеющих особо важное церковноисторическое или художественное значение, и непосредственное наблюдение по указаниям Патриаршей палаты за производством разрешенных ею работ, касающихся этих памятников, и вообще за их сохранностью.

д) Доведение до сведения Патриаршей палаты о всех случаях изменения, повреждения или отчуждения церковных памятников, находящихся в пределах данного округа, на предмет возбуждения законного преследования виновных лиц.

е) Ежегодное представление в Патриаршую палату сметных предположений о суммах, потребных для реставрации, поддержания в исправности или для исправления памятников церковной старины, находящихся в пределах данной епархии и подлежащих ведению Епархиального комитета по охране памятников церковной старины (ст. 7).

ж) Распространение сведений о находящихся в пределах данной епархии памятников церковной старины путем издания их научных описаний, исторических сведений о них, снимков или же путем выпуска соответствующих повременных изданий.

з) Рассмотрение вообще всех дел, какие только могут встретиться по вопросам об охране памятников церковной старины в пределах данной епархии, сношения по

поводу их с Патриаршей палатой, областным общегосударственным учреждением по охране памятников старины и другими учреждениями, в коих может встретиться надобность.

Ст. 42. Епархиальный комитет ежегодно представляет Патриаршей палате отчет о своей деятельности и расходовании средств и публикует этот отчет.

* * *

Епископ Прокопий (Титов): Это, собственно, не законопроект, а подробная инструкция и имеет свое значение в качестве лишь таковой. У нас предположено, что Палата должна иметь на местах свои органы и развивать их. Здесь есть пункты, о которых достаточно лишь упомянуть простым перечислением их, а не развивать их в законопроект.

Прослушав этот проект, Отдел *постановил*: « а) принимая во внимание, что рассматриваемый ныне Отделом вопрос ввиду краткого срока, оставшегося до времени окончания настоящей сессии заседаний Священного Собора, не может быть разработан со всею обстоятельностью и полнотою, как того требует означенное дело, выработанные три первых основных пункта об охране памятников церковного искусства и древностей представить особым докладом ныне же Священному Собору в спешном порядке, б) дальнейшую разработку пунктов Положения – как подготовительную к докладу в общих заседаниях Отдела работу поручить Комиссии в составе членов Собора и Отдела: епископа Прокопия (Титова), иеромонаха Афанасия (Сахарова) и Г. И. Булгакова с предоставлением Комиссии права приглашения к участию в работе и других лиц, труд которых, по ее мнению, был бы полезен в рассматриваемом вопросе. При этом просить означенную Комиссию согласовать между собой проекты законоположений: а) представленный Московским археологическим обществом, б) выработанный Высокопреосвященным архиепископом Евлогием (Георгиевским)⁴⁸, в) представленный Подотделом о церковном пении в соответствующей части последнего»⁴⁹.

12. Заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (27 августа/8 сентября 1918 года).

Доклад священника Н. М. Сироткина «О возврате к национальным началам в деле возрождения и облагораживания русского иконописного творчества»

На этом систематическое обсуждение вопросов охраны церковной старины и контроля за иконописанием закончилось. К этой теме Отдел вернулся лишь на своем предпоследнем заседании, которое состоялось 27 августа/8 сентября 1918 года⁵⁰. На этом заседании был зачитан доклад священника Н. М. Сироткина «О возврате к национальным началам в деле возрождения и облагораживания русского иконописного творчества». Этот доклад⁵¹ содержит исторический очерк развития русского церковного искусства XI – XIX вев. Судя по протоколу, на заседании Отдела этот доклад не обсуждался.

Таким образом, единственным принятым Собором документом является доклад «О Комитете попечительства о русской иконописи». Остальные документы, приведенные в настоящем разделе, должны рассматриваться лишь в качестве рабочих материалов к докладом, проектам *Деяний*, которые так и не были выработаны.

ГЛАВА III. ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК

1. Предыстория вопроса об исправлении богослужебных книг в России

Вопрос о литургическом языке и тексте богослужебных книг возник на начальном этапе подготовки к Собору. В 1905 году Святейший Синод обратился к епархиальным архиереям с вопросами, касающимися предстоящей церковной реформы. В предложенном Синодом вопроснике проблема литургических реформ не ставилась, однако двадцать архиереев в той или иной форме высказались о языке богослужения. Эти отзывы были опубликованы⁵².

Предсоборное Присутствие вопросами литургического языка практически не занималось. VI Отдел Присутствия не считал целесообразным приступить к подробному обсуждению вопросов, касающихся литургического языка: «Ввиду важности и сложности вопросов <...> их касаться не следует, отложив разрешение их до завершения переустройства церковного управления»⁵³.

Для обсуждения вопросов богослужебного языка Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме* был образован специальный Подотдел, возглавляемый епископом Оренбургским Мефодием (Герасимовым). Подотдел работал с 9 по 26 сентября 1917 года. Подготовленный Подотделом доклад должен был быть рассмотрен на 40-м заседании Отдела, которое состоялось 12 (25) июля 1918 года. Однако слушание было отложено из-за отсутствия епископа Оренбургского Мефодия (Герасимова). Состоялось лишь небольшое обсуждение, во время которого, как сказано в протоколе заседания, «И. А. Карабинов указал на основанную при бывшем Святейшем Синоде Комиссию для исправления и предлагал ждать дальнейших трудов ее; князь Е. Н. Трубецкой, указав вместе с епископом Зиновием (Дроздовым) на опасность потери векового наследия красот богослужебного языка, питающего душу верующего, настаивал на необходимости установления принципов для обсуждения и в этих целях обстоятельного доклада обо всем сделанном по вопросу»⁵⁴. Подготовить доклад, излагающий историю обсуждения проблемы литургического языка на Соборе и систематизирующий все сделанное Подотделом, было поручено А. В. Новосельскому. Доклад был прочитан 23 июля (5 августа) 1918 года. Его текст мы приводим полностью⁵⁵.

2. 42-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (23 июля/5 августа 1918 года). Доклад А. В. Новосельского «О богослужебном языке»

«Исполняя возложенное на меня Отделом поручение ознакомить его с работами Подотдела о богослужебном языке, осмеливаюсь несколько расширить рамки своего сообщения, коснувшись предшествовавших Собору работ по этому вопросу. Внимательный взгляд, брошенный назад, даст нам возможность вернее выяснить положение этого вопроса в общей подавляющей объеме массе застарелых больших и малых церковных вопросов, накопившихся в Русской Церкви в течение веков, и таким образом определить линию своего поведения, нашего отношения к данному вопросу. Вспоминаю, что Высокопреосвященнейший Евлогий (Георгиевский)⁵⁶, председатель нашего Отдела о богослужении, имел в виду тот же метод: в первом же заседании Отдела он рекомендовал интересующимся лицам обратиться к трудам Предсоборного

Присутствия 1906 года. По справкам, – говорю, выражаясь канцелярским языком, – такого вопроса в работах Предсоборного Присутствия не оказалось, о чем Высокопреосвященный и заявил на следующем же заседании.

Что это значит? То ли, что самого вопроса не было и нет?

Чтобы не решать этого вопроса с личной точки зрения, заглянем назад несколько далее Предсоборного Присутствия, в работы, предшествовавшие ему, именно: в собрание мнений и отзывов епархиальных епископов по вопросам церковной жизни от 1905 и 1906 годов. Эти официальные данные не подлежат сомнению – это голоса с *мест*. Существовал ли этот вопрос там, *на местах*, – в далекой Сибири, в Архангельске, Украине, на Кавказе, в Центральной России – и как там ставили этот вопрос? Мнения с *мест* тем более важны и интересны, что они иногда являлись не только выражением личного взгляда местного епископа, а были *ria doxideria*⁵⁷ целых учреждений, призывавшихся кое-где епископами к обсуждению церковных дел в указываемое время. В них, таким образом, сказывалось соборное сознание церковных людей.

Что же говорят эти мнения?

Двадцать епархиальных Преосвященных ставило на очередь вопрос о богослужбном языке. Среди них встречаются имена покойных святителей – Флавиана (Городецкого), митрополита Киевского, Иеронима (Экземплярского), архиепископа Варшавского, Гурия (Бургасовского), епископа Симбирского, Стефана (Архангельского), епископа Могилевского; и доселе здравствующих Владык: Арсения (Брянцева), Сергия (Страгородского), Агафангела (Преображенского), Иакова (Пятницкого), Назария (Кириллова) и т. д. Весь этот сонм архипастырей единодушно свидетельствует о неудобовразумительности славянского текста богослужбных книг. Михаил (Темнорусов), епископ Минский⁵⁸, пишет, что ни один славянин не писал и не говорил на таком языке, каким написаны наши богослужбные книги; епископ Могилевский Стефан (Архангельский)⁵⁹ скорбит о том, что церковная служба наполовину мертва для богомольцев; Иоанникий (Казанский), архиепископ Архангельский⁶⁰, отрицает религиозно-воспитательное значение нашего богослужения для богомольцев, почему последние не могут разумно участвовать в нем; Гурий (Бургасовский), епископ Симбирский⁶¹, считает язык богослужения «чрезмерно трудным»; митрополит Флавиан (Городецкий) писал, что «громадное большинство»⁶² народа лишено возможности понимать богослужение; Высокопреосвященный Назарий (Кириллов) про церковнославянский язык выражается так: «он малопонятен не только для богомольцев, а даже для пастырей»⁶³, что служба Божия совершается сама по себе, а предстоящие молятся сами по себе. Вследствие неудобопонятности молитв и песнопений церковных богомольцы не могут выстаивать целые часы, поддерживать и сохранять высокое религиозное благоговение (Константин (Булычев), епископ Самарский) и потому скучают за богослужением (Стефан (Архангельский), епископ Могилевский). Останавливаясь здесь и больше не привожу почти дословных отзывов с *мест* епархиальных архипастырей: «Толк болак имам свидетелствы верных». Для их сознания не подлежит сомнению тот факт, что язык наших богослужбных книг малодоступен для понимания православных богомольцев, различается ими только степень невразумительности: одни говорят – служба Божия наполовину непонятна, другие – для большинства, третьи – для громадного большинства, четвертые – не только для богомольцев, но даже и для пастырей. Как бы то ни было, свидетельство важное: каждый из членов Собора, имея свой взгляд на данный вопрос, должен помнить и свидетельство верных и еще раз проверить свое мнение.

Снова возвращаюсь к мнениям и отзывам архиереев, чтобы в них найти еще что-нибудь полезное для нас, призванных волею Божиею и голосом народа к решению

поставленного вопроса. Не найдем ли там указаний на выход из создавшегося положения, диктуемый неотложной необходимостью пользы Церкви?

Смелого и решительного указания на такой выход в них нет, но лишь намечается путь, отыскивается решение в определенном направлении. Одни говорят и об исправлении богослужебных книг – (Евсевий (Никольский), епископ Владивостокский, и Назарий (Кириллов), епископ Нижегородский); другие – о пересмотре их (Георгий (Орлов), епископ Астраханский, Арсений (Брянцев), епископ Харьковский); третьи – о капитальном переводе на новославянский язык (Стефан (Архангельский), епископ Могилевский), для всех понятный и вразумительный (Иаков (Пятницкий), архиепископ Ярославский); иные рекомендуют приблизить язык богослужебный к современному русскому (епископ Евсевий (Никольский), до возможного понимания всеми (митрополит Флавиан (Городецкий)), или требуется перевод на славяно-русский (Иоанн (Смирнов), епископ Полтавский) с подстрочными примечаниями.

Мне кажется, что в сознании предстоятелей местных церквей мысль о необходимом изменении существующего общепотребительного текста богослужебных книг определенно еще не выявилась, не кристаллизовалась. В самом деле, какой пересмотр и исправление мыслятся нашими архипастырями? Ведь исправление совершалось и совершается, есть для этого даже особая Комиссия⁶⁴. Какой язык разумеется под *новославянским* языком? Ведь и наш язык богослужебных книг не старославянский Остромирова Евангелия. Или надо какому-либо ученому братству создать еще новый язык? Несомненно, мысль о создании особого языка, особого стиля, мысль об обрусении славянского текста есть, когда говорят о переводе на славяно-русский или о приближении церковного языка к русскому. В мнении нескольких епископов замечается больший, хотя и робкий, уклон в сторону родного языка; так, Гурий (Буртасовский), епископ Симбирский, писал: «Желать перевода на русский едва ли удобно»⁶⁵; Иаков (Пятницкий), архиепископ Ярославский, выражался так: «если по многим причинам нельзя говорить о переводе на русский язык»⁶⁶. Архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий-Донебин) писал, что Собор должен рассмотреть вопрос о переводе богослужения на русский язык или об изменении в «словосложении церковнославянского»⁶⁷. Чувствуется, что они готовы говорить о русском языке и только боятся чего-то, каких-то причин, удерживавших их. Архиепископ Иоанникий (Казанский), сравнивая религиозное просвещение верующих чрез участие в богослужении со школьным воспитанием, высказался более решительно: «Богослужение будет иметь, – говорит он, – воспитательное значение только тогда, когда оно будет совершаться на родном языке». Он признаёт необходимым введение русского языка в богослужение постепенно; Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский, – по желанию прихожан⁶⁸.

Итак, оглядываясь назад на начало соборных работ *на местах*, мы видим, что вопрос о богослужебном языке предносился пред церковным сознанием во многих местных церквах и доходил до Предсоборного Присутствия, но он потонул, затерялся там в массе более громких дел.

Материалы хранились. Общественная мысль не переставала работать по интересующему нас вопросу, и в Предсоборном Совете 1917 года в VI Отделе уже поставлен был на обсуждение вопрос о богослужебном языке. На заседании указанного Отдела 10 июля 1917 года (журнал № 9) сделан был доклад профессором Киевской Духовной академии Петром Павловичем Кудрявцевым о допущении русского, малорусского и других народных языков в богослужение. Заседание было единственное и доклад единственный. Протокол этого заседания, где вкратце передан доклад П<етра> П<авловича>, был зачитан на первом же заседании нашего Подотдела 9 сентября 1917 года,

бывшем под председательством епископа Оренбургского Мефодия (Герасимова). Так как этот доклад послужил основанием и поводом к прениям в Предсоборном Совете и так как на основании его выработаны были тезисы, то знакомство с ним, более или менее исчерпывающее, необходимо.

С удовольствием выслушал я доклад П. П. Кудрявцева в Подотделе. Прямолинейность в принципиальном решении вопроса, чуткая осторожность в практическом проведении его в жизнь Церкви с ее вековыми традициями глубина взгляда на религиозно-поэтическое церковное творчество, целостность общего представления православного храма – места богослужения, где всякая новая черта может быть пятном на общем фоне, – все это глубоко трогает верующего русского человека, еще не потерявшего любви к родной церковной старине и священной обстановке. Думаю, что такое же впечатление вынесли в свое время и другие участники нашего Подотдела.

Вот в существенном прозаическом перефразе содержание доклада П. П. Кудрявцева:

1. Вопрос о допустимости богослужения на украинском или русском языке принципиально решается просто: невозможно указать каких-либо возражений против введения названных языков в богослужение, поскольку для нас обязательны примеры Христа и апостолов и поскольку убедительно существо дела, требующее, чтобы слова молитвословий были всем понятны и чтобы доступ высоких истин искусственно не затруднялся для верующих покровом чужого языка.

2. Но, продолжает докладчик, практическое применение принципа вызывает осложнения. Жизнь не так проста, как мысль. Немедленному проведению в жизнь мешают:

а) прежде всего тысячелетняя привычка к родственному нам церковнославянскому языку. Она сделала для многих богослужебный язык интимно близким, дорогим, так что как будто и постановка вопроса излишня. Но как бы ни был близок... чужой язык, сказанное на родном языке понятнее, выразительнее, интимнее (высота и абстрактность содержания здесь исключаются: они сохраняются и в родном языке). Отсюда и возникла по местам естественная потребность слышать богослужение на родном языке. Настойчивая постановка вопроса на Украине о богослужении на местном языке тоже является не только делом политическим, а имеет под собой глубокую народную почву. В Юго-Западной Руси даже приобрели себе право на употребление религиозные колядки – униаты пользуются этой народной потребностью и привлекают к себе православных, штундизм соблазняет многих родным языком Евангелия и религиозных песен;

б) второе препятствие – трудность необыкновенная удовлетворить зародившуюся потребность. Как на самом деле провести в жизнь наилучшим образом, к пользе душ наших, это нелегкое дело? Трудность не в русском языке, не в его свойствах [А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, митрополит Филарет (Дроздов), А. К. Толстой, А. С. Хомяков, архиепископ Иннокентий (Борисов)]. Язык, имеющий великих художников, не может быть изгоем среди других; богатый, гибкий и выразительный русский язык не беднее древнего болгарского. Трудность в <следующем>: «чтобы переводить поэта, нужно быть самому поэтом», нужно быть причастным религиозному церковному настроению, нужно творчество;

в) отсутствие в нашей Русской Церкви церковного песнотворчества (Н. М. Языков и А. К. Толстой – редкие исключения) – следующее затруднение. Его надобно преодолеть. В области законодательства и управления создается кое-что новое. Нечего бояться творчества и в богослужении: надо приумножать вверенные таланты. «В творчестве мы уподобляемся... Богу и обретаем величайшую из доступных нам на

земле радостей, – говорит П. П. Кудрявцев. – Доселе мы хранили, а теперь будем творить, – зовет он, – в живой связи с Церковью, с ее прошлым (мы не без рода и племени) и с миром вечности»;

г) еще одно, последнее требование к новым строителям Церкви – это строгое соблюдение общего храмового стиля. Архитектура, иконопись, церковные одежды и песнопения – все это элементы одного стиля. Кто ценит стильную старину, тот с легким сердцем не перейдет на богослужение с русским языком: не тот стиль... Докладчик надеется, что любовь к делу, литературный вкус и творческий дар обновят нам язык без нарушения основного стиля и не допустят оскорбления самых чутких религиозных душ. Если будет в Церкви воодушевление, тогда «и слова нашего родного языка зазвучат с не меньшей силой, нежели та, какую были преисполнены слова языка церковнославянского». П. П. Кудрявцев заканчивает свой доклад следующим призывом: «О, если бы голос мой умел сердца тревожить! Тогда, наверное, достиг бы образования... особого Отдела для разрешения казалось бы маленького и простого, а на самом деле не маленького и не так уж простого вопроса: как достигнуть того, чтоб присутствующие в храме разбирали (и разумели, прибавляю от себя) то, что там поют и читают».

Желание докладчика исполнилось: на Всероссийском Церковном Соборе образовался особый Богослужебный отдел с Подотделом о богослужебном языке. Отделу надлежит дать ответ по мере своих сил и разумения на поставленные вопросы, а всему Освященному Собору иметь дерзновение «изволися бо Святому Духу» (Деян. 15, 28) вынести определение, соответствующее христианской свободе, истине и пользе Церкви.

✓ В Предсоборном Совете по докладу П. П. Кудрявцева высказалось 12 ораторов: епископ Андроник (Никольский), архиепископ Евлогий (Георгиевский), архиепископы: Сергей (Страгородский) и Платон (Рождественский), епископ Андрей (Ухтомский), протоиерей Ф. Д. Филоненко, протоиерей А. П. Рождественский, профессор Б. А. Тураев, профессор И. М. Громогласов, протоиерей С. И. Шлеев, Д. И. Боголюбов и Н. М. Гринякин. Из всех ораторов принципиальным и решительным противником выступил только один – Пермский епископ Андроник (Никольский), он представил письменный доклад. Вот основные положения его доклада.

1) Странно было бы «говорить с Богом» на языке обычном. У всех народов, во всех религиях богослужебный язык возвышенный, одухотворенный, различный от разговорного (как перевести: «примите, ядите...», «чрево... пространнее небес содела»?).

2) Нельзя на русский язык передать дивной красоты, умиляющей и радующей небожную душу, богослужебных молитв, песнопений и акафистов.

3) Церковнославянский язык выразительнее русского (перевод посланий апостола Павла на русском языке невыразителен).

4) Народ любит славянский язык, и его замена произведет соблазн, раскол; даже исправление вызвало «у благочестивцев» смущение.

5) Для понимания достаточно: а) продолжать умелое исправление, б) перевести кое-что на русский язык для личного употребления, в) изучать церковнославянский язык в школах как разговорный язык с Богом, г) устраивать занятия со взрослыми и детьми за богослужением и на внебогослужебных беседах.

✚ *Высокопреосвященный Платон (Рождественский)* признавал бессознательное отношение многих к богослужению и потому высказался за необходимость перевода на русский язык церковных книг. «Немцы, англичане молятся на своих языках, а правоспособность русских почему-то исключается», – заключил свою речь Владыка.

Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский) не считал возможным принципиально оспаривать доклад П. П. Кудрявцева и предлагал высказаться о целесообразности и о пределах введения народных языков в богослужение. Он лично стоял за частичный перевод богослужения на народный язык и частичное введение его, соблюдая осторожность и отвечая потребностям народа. Богослужение на окраинах можно было бы оживить и расцветить... можно дать Евангелие, Апостол, паримии, живую проповедь и нечто вроде колядок во время крестных ходов, пение общее и антифонное <на родном языке>. В требовании украинцев Преосвященному слышался больше голос политического кружка, чем голос народной массы. По вопросу о церковном творчестве, так широко поставленном П. П. Кудрявцевым, Преосвященный заметил, что Церковь живет и творит (молебны, акафисты), хотя творчество проявляется грубое, шаблонное.

Высокопреосвященный Сергей (Страгородский), отмечая, с одной стороны, любовь карелов к славянскому языку, красоту его, известную доступность для народа, с другой – затемнение славянским текстом смысла, все-таки высказался за частичный перевод богослужения.

Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) большую религиозность татар объяснял тем, что они имеют некоторые богослужебные книги на родном языке. В понятности богослужения он видел средство к возвращению сектантов в лоно Православной Церкви. Сам Владыка, чтобы сделать доступнее для богомольцев богослужебный текст, допускал перестановку слов и пояснения.

Протоиерей Ф. Д. Филоненко направлял свою речь против положений епископа Андроника (Никольского). Евреи и греки «разговаривали с Богом» своим языком, почему же нам, русским, нельзя? Иначе невозможна молитва ребенка. Язык церковнославянский далеко не всем понятен; окончившие курс второклассных школ, интеллигенты и то часто не понимают его. Нет также оснований славянский язык считать выразительнее и глубже русского языка. Творчество трудно, но оно необходимо; меняются же обряды, пение и т. д.

Протоиерей А. П. Рождественский признает потребность введения народного языка в богослужение, потому что простецы многого не понимают в славянском языке, потому что в греческой поэзии много витиеватости и игры слов, недоступных русскому сознанию. Бояться перевода нечего; *творить* богослужение и вводить русский язык нужно осторожно, не по-никоновски. Во втором слове отец А. П. Рождественский возражал против боязни пестроты (архиепископ Евлогий), потому что каждый молится по-своему и в этом соблазна нет, и напоминал, что Церкви всегда была присуща *приспособляемость* (в Ветхозаветной Церкви была музыка, у нас – пение псаломщиков).

Протоиерей С. И. Шлеев отрицал привязанность старообрядцев к непонятному (от понятного и разумного они не отрешиваются) и утверждал, что многие из старообрядцев не станут спорить из-за перевода книг. Употребление перевода, чуждого вульгарности, он предполагал допускать желающим приходом.

Профессор Б. А. Тураев, отметив культурные заслуги славянского языка, высказался за необходимость перевода книг на русский язык; в монастырях и кафедральных соборах предлагал сохранить славянский язык. Профессор выражал надежду, что «для перевода великая Россия даст поэта».

Д. И. Боголюбов, разделяя ораторов на эстетов и народников, видел в преклонении пред славянским языком проявление, голос эстетического чувства, веление сердца. Народ говорит: свяшенно, а ничего не понимаю. Он нуждается в богослужении на понятном языке, везде издания с подстрочными объяснениями распространяются успешно.

Слова Д. И. Боголюбова вызвали со стороны епископа Андроника (Никольского) реплику, что им руководит не эстетика, а что он принципиально отстаивает славянский язык, видя любовь народную (в Пермской епархии) к нему.

Профессор И. М. Громогласов говорил против преувеличенного восхваления церковнославянского языка: это смесь разных славянских наречий, язык искусственный, говорил он. Непризнание за русским языком права церковного употребления он считает деспотизмом и полагал невозможным отказывать просящим богослужения на русском языке. <...>⁶⁹

И. М. Громогласов указал на вред для жизни употребления за богослужением церковнославянского языка: жизнь расходуется с религией, в храме один язык и строй мысли, дома – другой; отсюда раздвоенность, мешающая христианизации народа.

Н. М. Гринякин высказался за введение в богослужение особого церковнорусского языка и чтение Священного Писания на русском языке.

По обмену мнений выработаны были и приняты VI Отделением Предсоборного Присутствия единогласно, за исключением епископа Андроника, прилагаемые тезисы:

1. Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.
2. Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковнославянского языка русским или украинским языком и неосуществима, и нежелательна.
3. Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинскими речениями, введение новых молитвословий на русском языке, в случае их одобрения Церковью) допустимо и в известных условиях желательно.

Преосвященный Андроник (Никольский) подал голос за перевод церковных книг лишь для домашнего употребления.

4. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке, в меру возможности, подлежит удовлетворению.
5. Творчество в богослужении допустимо и возможно.
6. Дальнейшие работы Особой комиссии по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны.

7. Работы Комиссии Высокопреосвященного Сергия (Страгородского), архиепископа Финляндского и Выборгского, по сему предмету желательны.

Вот все работы и результаты работ, предшествовавших Всероссийскому Церковному Собору по вопросу о богослужебном языке.

Теперь перехожу к работам нашего Соборного Подотдела, обсуждавшего тот же вопрос на пяти заседаниях.

Первое заседание, как я уже выше говорил, под председательством Преосвященного Мефодия (Герасимова) состоялось 8 сентября. Прежде всего был прочитан протокол VI Отдела Предсоборного Совета. Все, что происходило, или, вернее, говорилось на этом заседании, мною пересказано выше. По заслушании протокола произошел обмен мнениями, прерванный в самом начале письменным заявлением епископа Андроника (Никольского), чтением статьи из «Архангельских епархиальных ведомостей» под заглавием «Неотложное дело» и доклада епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского).

Письменного заявления Преосвященного Андроника (Никольского) при протоколе нет. Взгляд его известен из доклада, представленного Предсоборному Совету: а) для беседы с Богом нужен особый язык, б) на русском языке нельзя обойтись красоте и выразительности славянской речи, в) народ привык к славянскому богослужению и

любит его, так что при введении русского богослужения возможен раскол, г) достаточно ограничиться пожеланиями, исправлениями, обучением и беседами.

Содержание доклада, систему доказательств в защиту церковнославянского языка епископа Сильвестра (Ольшевского) можно представить в виде следующих кратких положений.

I. Значение и достоинства славянского языка:

1) Везде православный славянин (в Моравии, Черногории, Болгарии, Сербии и в России) слышит слово Божие и молитвы церковные на церковнославянском языке: «Драгоценно такое средство духовного единения».

2) Для всей семьи славянских народов церковнославянский язык является языком образцовым, классическим, отличающимся непререкаемою точностью, законченностью развития и округленностью формы.

3) При гармонической звучности церковнославянский язык отличается богатством форм, оборотов, яркой образностью, выпуклой выразительностью, священной важностью и могучей силой. Ученые (Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов и др.) и художники <слова> (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Хомяков, А. С. Пушкин) признают особенную красоту и художественность его. Кроме сего, ему свойственна благородная простота и непосредственность («блаженно чрево, носившее Тя», «ложесна бо Твоя престол сотвори», «всяк мужеский пол»...).

II. Далее Преосвященный ставит вопрос: что сказать на то возражение – а разве нельзя молиться, выражать высокие богооткровенные истины живым языком? Пусть церковнославянский язык имеет свои достоинства, они и не отрицаются.

И отвечает:

1) Господь Иисус Христос проповедовал и на языке арамейском, святые апостолы – на живых языках, а молитву храмовую и домашнюю творили на языке библейских писателей – Моисея, Давида и других («воспел же псалмы» – на Тайной Вечери).

2) Высокие истины возможно выражать всяким достаточно развитым языком, но церковнославянский язык – язык священный, как санскритский, греческий и латинский.

3) Живые языки изменчивы, и богослужебная речь может утратить при переводе духовное наследие веков; религиозные переживания при молитвах на новом языке не те, что на церковнославянском.

III. Может быть, это дело привычки? Тот же благой плод может быть, если мы с детства привыкаем молиться на языке матери. Так ли это?

1) Опыт всех подвижников веры и молитвы, то есть специалистов молитвенного дела, всецело отдает предпочтение богослужению на церковнославянском языке перед живою областною речью. Русское Евангелие и молитвы на русском языке не внушают молитвенного настроения и святых чувств читателям.

2) «Да, привычка», но привычка тысячелетняя. В строении языка церковнославянского принимали участие величайшие гении, таланты; его для молитв употребляли святые угодники и сонм безвестных подвижников; на нем отразилось благоухание молитвенных воздыханий святых молитвенников («Есть сила благодатная» – М. Ю. Лермонтов). «Если способны к восприятию благодатных плодов разные вещи, бывшие в молитвенном употреблении у святых угодников, тем более способно хранить в себе благодатный след молитвенное слово...». Молитвенный язык святых подвижников способен сообщить нам их святые переживания.

3) Современное скептическое настроение, равнодушие к делам веры, теплохладность религиозная, отражаясь на языке современного общества, ничего не может дать в применении к молитвенному делу, в создании нового богослужебного языка.

А настоящий богослужебный язык создан в юношеский возраст славянства, в период особенного одушевления, идеализма, создавшего блестящий век царя Симеона. Такой же период переживали русские князья и наш народ, что отразилось в подвижничестве Киево-Печерских иноков (Киево-Печерский Патерик). Нынешнее духовное творчество не может подняться на духовную высоту наших предков. Вывод: переход на новый язык неуместен и невозможен.

IV. Как же быть с тем обстоятельством, что для многих молитвы и песнопения на церковнославянском языке малодоступны?

1) Меры различны, смотря по характеру трудностей. Есть трудности, зависящие от глубины содержания: таковые необходимо преодолеть школьным и практическим изучением. В древности достигали уразумения языка частым посещением храма Божия, чтением и пением (переписка Курбского с Грозным). Есть трудности, проистекающие от построения речи и несовершенств перевода: он подлежит исправлению. В древности были примеры таких работ [митрополита Алексия – в XIV веке, Патриарха Никона – в XVII; в XIX веке – труды Августина (Гуляницкого)⁷⁰, епископа Екатеринославского⁷¹].

Отсюда докладчиком выведены следующие положения:

1) Церковнославянский язык, обладая всеми достоинствами: лексическими, идейными и художественными, классической непосредственностью, будучи общеславянским, является для нас классическим языком.

2) Созданный в пору высшего религиозного воодушевления славянских народов, освященный тысячелетним употреблением святыми угодниками Божиими, он носит в себе благодатные следы духовные и является для нас незаменимым.

3) Живая разговорная речь наша переменна, носит на себе нравственные следы текущей жизни, потому затруднительно и не полезно изменять богослужебный язык по росту живой речи.

4) Христос Спаситель и святые апостолы для проповеди употребляли живые современные языки, но молились по преимуществу на классическом языке древности.

5) Церковнославянский язык имеет свои легкопреодолимые трудности и подлежит изучению в школах.

6) Несовершенства славянского перевода церковных молитв и песнопений подлежат обязательному исправлению посредством тщательного пересмотра текста.

7) Полезно и желательно издание для школ и народа богослужебных книг о двух параллельных текстах: с исправленным церковнославянским текстом и с переводом на современный русский язык. Но можно заменить русский перевод соответственными примечаниями.

Священник П. М. Ильинский прочитал статью из «Архангельских епархиальных ведомостей» – «Неотложное дело», где высказана мысль о необходимости перевода на русский язык богослужебных книг, так как прихожане славянского языка не понимают, а потому богослужение славянское цели своей не достигает; из-за этого многие из православных уклоняются в сектанство.

Чтение докладов епископов Андроника (Никольского), Сильвестра (Ольшевского) и упомянутой статьи заняло почти заседание. По поводу их высказались немногие.

II. За сохранение церковнославянского языка два раза с короткими заявлениями выступал Н. И. Пантин (из Финляндской епархии), два раза – Н. И. Троицкий (из Тульской епархии) и И. В. Курбатов (из Вятской епархии). Н. И. Пантин считал перевод на русский язык ненужным, чтобы не потерять красоты славянской поэзии, и признавал необходимым исправить и пояснить непонятные и обветшавшие слова богослужебного языка.

Н. И. Троицкий высказал новую мысль: немцы стремятся задавить славянство вообще, между прочим и язык его. С этим надо бороться, отстаивать славянские ценности, в том числе богослужебный язык, упрощая, однако, и разъясняя непонятные слова и выражения.

И. В. Курбатов оскудение богомольцами храмов объяснял не тем, что язык богослужения непонятен, а утратой веры и благочестия, в особенности среди интеллигенции.

Против сохранения славянского текста, за перевод богослужения на русский язык говорили священник *М. С. Елабужский* (два раза) и кандидат прав *И. В. Попович* (тоже два раза). *М. С. Елабужский* признавал перевод на русский язык весьма необходимым ввиду неясности славянского текста: в течение веков смысл некоторых слов изменился, некоторые слова вызывают у слушателей неподходящие мысли. Если простой народ на это не жалуется, а жалобы слышатся со стороны интеллигенции, – это понятно: последняя относится к делу сознательнее (защита интеллигенции вызвана была случайной репликой епископа Андроника (Никольского), что переводить богослужение на русский язык ради интеллигенции, не посещающей храма, нет нужды). Не согласен священник *М. С. Елабужский* с тем, что в настоящее время нельзя найти лиц с высокой религиозной настроенностью; такие лица найдутся, и они могут внести свою лепту в дело перевода, сообщить ему красоту и поэзию. Если великие русские писатели в своем художественном творчестве обращались иногда к церковнославянскому языку (они знали его), это не значит еще, чтобы сам русский язык был слаб для выражения мыслей и чаяний церковного человека. Священник *М. С. Елабужский* указывал, что употребление русского языка в богослужении давало блестящие результаты. Ссылку епископа *Сильвестра* (Ольшевского) на то, что Иисус Христос и апостолы молились на еврейском языке, он считал ничем не доказанной.

И. В. Попович убежденно отстаивал необходимость перевода богослужения на русский язык и малорусский, оставляя основным богослужебным языком язык церковнославянский, упростив и исправив его. Закрывать двери для света христианства непонимающим нельзя. Нельзя ради сохранения славянской культуры жертвовать интересами христианства. Игнорировать требования интеллигенции, забывшей Церковь из-за невразумительности славянского богослужения, не следует, ибо, по учению Спасителя, заблуждающиеся более заслуживают отеческого попечения и любви, чем праведники. Совершение богослужения на русском языке может быть разрешаемо по желанию прихожан. Русский язык богат настолько, что перевод на него возможен. Тогда был расцвет славянского языка, а теперь русский язык в расцвете. Необходимость перевода *И. В. Попович*, между прочим, аргументировал указанием на то, что народные школы по проекту Государственной комиссии по народному образованию теперь будут безрелигиозными; Церковь будет единственной религиозной народной школой. Для более близкого знакомства с богослужением *И. В. Попович* предлагал распространить среди народа богослужебные книги на русском языке. Против мысли епископа *Сильвестра* (Ольшевского) о том, что Спаситель и святые апостолы молились на древнееврейском языке, он выставлял другую истину: для проповеди апостолы получили дар языков и говорили после сошествия на них Святого Духа на разных языках, так что собравшиеся к дому их слышали от них каждый свой язык.

Прения продолжались на втором заседании Подотдела 18 сентября.

За сохранение славянского языка, против перевода на русский язык произнес длинную речь *Василий Константинович Лебедев* (из Вологодской епархии). Вот общие положения его речи: 1) не следует заменять славянского языка при богослужении русским, 2) богослужебный язык имеет для нас национальное значение, 3) <необходимые> меры для достижения большей вразумительности богослужения на славянском языке.

Первая мысль доказывается следующим рядом аргументов:

а) русский народ привязан к церковнославянскому языку, любит его, сроднился с ним как со священным; переход на русский язык будет опасной церковной революцией: православные уйдут к единоверцам и старообрядцам;

б) церковнославянский язык – счастье для народа, это завеса от всяких оскорблений святыни;

в) он производит особенное эстетически-религиозное впечатление, в нем звуковое богатство и красота неразрывны с содержанием; разница между пением и чтением на славянском и русском языках не в пользу последнего;

г) с переводом на русский язык идеальная ясность не будет доступна: нужно общее развитие и богословское образование;

д) трудно применить церковнославянские мелодии, напевы к новому тексту в русском переводе;

е) церковнославянский язык ближе к греческому, точно передает его обороты: <дательный>⁷² самостоятельный, винительный с неопределенной формой, и пр.

Вторая мысль разъясняется следующими частными:

а) церковнославянский язык благотворно влияет на развитие русского языка, способствует сохранению его чистоты и нормального строя;

б) он служит объединяющим звеном всех русских людей обширного Отечества на протяжении веков;

в) он содействовал и должен способствовать нашему возрождению, ибо под его знаменем всегда жила и спасалась Русь;

г) он объединял и должен объединять всех славян.

В последней части оратор указывает ряд мер для достижения большей вразумительности церковнославянского богослужения, именно:

а) широкое знакомство в школах всех типов с церковнославянским языком;

б) авторитетное исправление отдельных слов, целых выражений, оборотов и конструкций,

в) осмысленное чтение и пение и проникновение чтения молитвенной настроенностью.

Это был единственный оратор на втором заседании, выставивший в защиту церковнославянского богослужения все возможное.

Против него, за переход на русский язык выступали профессор Б. А. Тураев, протоиерей А. А. Хотовицкий, Н. И. Знамировский и священник М. С. Елабужский.

Взгляд профессора Б. А. Тураева нам уже известен. Теперь он указал на аналогичные явления в Церкви Греческой и Коптской. В Греции вопрос о переводе богослужения на новогреческий язык возник по почину королевы Ольги Константиновны и вызвал там протест и смуту. В Коптской Церкви, где богослужение доселе совершается на непонятном для народа коптском языке, допущен все-таки в богослужение разговорный арабский язык. Допущение русского языка возможно, потребность <в этом>⁷³, при всей любви к церковнославянскому языку, с которым сроднились, очевидна. Факты непонимания бывают поразительны: так, перевод протоиереем А. П. Мальцевым богослужебных книг на немецкий язык оказался прежде всего полезным для русских, впервые понявших красоту православного богослужения. Прежде всего следует разрешить чтение на двух языках, пение псалмов антифонно, далее возможно употребление готовых переводов, сделанных людьми с поэтическим дарованием. Переводы великих песнотворцев – преподобных Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Космы Маюмского и других – должны быть исполнены размером подлинника лицами, близкими по таланту самим творцам. Исправление существующего текста – дело необходимое,

трудное, требующее первоклассных сил; работы Синодальной комиссии в этом отношении поучительны. Решение вопроса о переводе и введении богослужения на украинском языке – дело неотложное в силу униатской опасности. Кое-где украинский язык вводится там явочным порядком.

Протоиерей А. А. Хотовицкий вопреки В. К. Лебедеву признавал перевод безусловно необходимым; изгонять верующих из Церкви из-за языка преступно. «Даже мы, священники, – признавался он, – встречаемся с такими местами славянского текста, которые совершенно непонятны и приходится без понимания произносить молитвы и ударять звуками в воздух. Ради красоты формы славянского языка отказать народу русскому в переводе на родной язык нецелесообразно: мы таким образом сэкономим золотник, а потеряем пуд».

Священник М. С. Елабужский направлял свою речь против положений епископа Сильвестра (Ольшевского) и В. К. Лебедева. Богосозданная природа человеческого духа склонна к развитию. Церковь живет духом творчества. Не нужно думать, будто мысли и чувства молящихся могут быть выражаемы только на классических, и в частности на церковнославянском языке. Это значило бы условному приписывать безусловное значение и временное возводить в вечное. Жизнь говорит противное: наша частная молитва не облекается в славянскую форму. В дневнике отца Иоанна Кронштадтского есть немало вдохновенных молитв на русском языке; на нем же изложены молитвы Киевского старца Парфения. Церковная проповедь совершается на русском языке. Отец М. С. Елабужский, как и И. М. Громогласов, в искусственном разделении речи на славянскую в храме Божиим и на русскую в обиходе видит проявление той раздвоенности, что проявляется в народе: набожность с одной стороны, жестокость – с другой. Не надо быть неразумными ревнителями отеческих преданий подобно преследователям переводчиков [архимандрита Макария (Глухарева) в свое время.] Реформа не вызовет протеста, если будет проведена с мудрой осторожностью и настойчивостью, и там, где того пожелают прихожане.

Н. И. Знамировский признавал необходимым взяться за великое дело исправления и перевода богослужебных книг сведущими и готовыми на этот великий святой подвиг людьми. Если Собор по каким-либо причинам не допустит совершения богослужения на русском языке, то желательно и полезно <допустить> во всяком случае частное распространение богослужебных книг на русском языке «для ознакомления верующих с содержанием церковных молитв». Насильственное введения не должно быть, а только по желанию.

Третье заседание посвящено было чтению известного нам доклада П. П. Кудряцева. Оно заняло все утро 19 сентября. Обмена мнениями и прений не было.

Четвертое заседание происходило 21 сентября вечером под председательством епископа Мефодия (Герасимова). В заседании участвовал председатель Отдела Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский). Собрание было многолюдное, в обсуждении принимало участие до 30 членов Собора.

В начале заседания были воспроизведены протокол Предсоборного Совета, доклад епископа Сильвестра (Ольшевского) и вновь предложены вниманию собрания доклады епископа Мефодия (Герасимова) и протоиерея Петра Ратьковского. Доклада Преосвященного Мефодия при протоколе нет, хотя есть замечание, что он «при сем прилагается». Взгляды Преосвященного известны из его объемистой брошюры о богослужебном языке⁷⁴. По своим убеждениям он примыкает к епископам Сильвестру (Ольшевскому) и Андронику (Никольскому), только его взгляды выражены резче, определеннее. Вот взгляд его на возможное изменение языка богослужения: 1) Замена богослужебного языка русским будет ничем иным, как профанацией молитвы,

омирщением ее. Собор должен санкционировать славянский язык богослужения. Изгнание славянского языка из богослужения будет невознаградивой утратой этого сокровища и должно быть названо святотатством⁷⁵. 2) О достоинствах славянского языка он выражается так: славянский язык – это ценное сокровище, данное промыслом Божиим русскому народу. Он может передать священный текст с точностью до последней иоты и черты, заключающихся в законе, не теряя при этом чистоты и ясности..., он совмещает в себе музыкальность древних языков и идейное богатство новых. Указание на недостаток⁷⁶ славянского текста Преосвященный Мефодий (Герасимов) устраняет тем замечанием, что они не влияют «на понимание общего хода мыслей», защищает даже гречизмы и гебраизмы, каких немало оставлено в славянском тексте переводчиками, ибо они слились со славянской речью в такую органическую связь, что сделались как бы родными ей. 3) О молитвенном значении славянского текста Владыка выражается так: «В звуках славянско-богослужбной речи почил молитвенная благодать, которая сама собой способна во время богослужения возбудить в нас молитвенное настроение... Славянская речь есть священная речь... Каждое слово, каждая точка освящены чтением и слушанием...» В этом отношении взгляды его очень близко примыкали к взгляду епископа Сильвестра (Ольшевского). Свою привязанность к славянской речи он высказал в устной <форме> на заседании, заявив, что отнять славянский язык – это значит отнять часть души... «Для меня лучше смерть, чем лишение славянского богослужения», – сказал он в заключение. Понятен при таком настроении взгляд его, что русский язык не привлечет в Церковь, а оттолкнет от Церкви верующих.

Доклад священника П. М. Ратьковского «Богослужбный язык Православной Церкви» (из Туркестана, был читан там на Епархиальном съезде) приложен при протоколе. В нем есть новые мысли, доселе ни в докладах, ни в речах не высказанные. В начале доклада отец П. М. Ратьковский отмечает, что вопрос о языке богослужения весьма важен, поскольку молитва имеет значение для нашего спасения. <...> Затем докладчик бросает краткий взгляд на происхождение славянской письменности и историю русского языка. Затем переходит к доказательствам необходимости перевода богослужебных книг на русский язык.

1) Психологическая истина, что для усвоения истины, реагирования на нее необходимо понимание. Это относится как к простым восприятиям, так и к высоким истинам. Язык же нашего богослужения почти непонятен простолыдину, малопонятен образованному человеку и не везде понятен даже священнику. Докладчик говорит о себе, что, пока переводишь и осмысливаешь первую фразу стихир, певцы, а тем более чтецы уже уходят вперед и общего смысла песнопения не улавливаешь. В деревне совсем не понимают богослужения: богомольцы деревенские шепчут что-то свое про себя, а что читают священники и поют певцы, то все пропадает для их сознания. При всем желании их получается только хаос в голове, отсюда рассеянность и скука; мысль уносится за стены храма. Так много раз, и человек старается под каким-либо предлогом уклониться от тяжелого подвига – ходить в церковь.

2) Еще хуже влияет славянский язык на детей. Малые дети с огромным трудом зубуривают послушно со слов отца или матери «Богородицу», «Отче наш, иже еси...» и др. Бессмысленные для них молитвы ничего не дают детскому чувству. В школе самоотверженно, со слов батюшки учат детей непонятным молитвам целый год, с трудом запоминают значение «иже», «яко», «сый» и т. д. Скольким усилий нужно, чтоб поддержать внимание детей в классе при таких работах. Дальше. В гимназии изучение <...> знаменитого катехизиса митрополита Филарета (Дроздова), написанного 100 лет тому назад, напечатанного славянским стилем, – это нечто самое сухое, мрачное, давящее при воспоминании, как кошмар. «Ославяненный Закон Божий, говорит <священник

П. М. Ратьковский>, сушит и убивает веру и любовь в людях, и от мертвящей славянской чаше человеку не отвязаться от рождения до смерти».

3) В защиту славянского языка нельзя даже сослаться на каноны.

4) В то время, как все инородцы имеют богослужение на родном языке, мы, русские, должны молиться Богу живому на языке мертвых. Будучи непонятным, богослужение потеряло для нас свое значение, не увлекает нас своим содержанием. Отсюда по необходимости введено в богослужение партесное пение с девизом: «Хватай», «валяй», увлечение голосистыми диаконами (типа Н. С. Лескова, И. Н. Потапенко и др.).

5) Кое-где теперь общее пение заменяет одинокое пение псаломщиков и партесное пение церковных хоров и увлекает богомольцев; еще больший подъем религиозного настроения получится, когда раздастся пение на родном языке. Есть тому примеры: успех у сектантов общего пения русских песен, пример прихожан одного села Самарской епархии⁷⁷, малороссов в Ташкенте.

6) Трудности в применении мелодий к русскому тексту будут; работа предстоит большая и сложная, но для знатоков дела исполнимая.

7) Преимущественные достоинства славянской речи сравнительно с русским сомнительны, спорны. Совсем не благозвучны слова «пес возвращаясь на свою блевотину (2 Пет. 2, 22), «изблева морской зверь» (2-й канон Рождества Христова, песнь 6, ирмос)⁷⁸, «Ироду блядня» (3-й кондак Акафиста Божией Матери)⁷⁹ и т. п.

8) Ограничиться объяснениями невозможно. Священник П. М. Ратьковский вычислил, что если объяснять в праздничные дни народу богослужение по книжке священника Г. М. Дьяченко «Беседы о богослужении Православной Церкви» по 15 страниц за праздничным богослужением, то нужно употребить на эту работу 6 лет. Времени для уяснения высоких истин веры и жизни у пастыря не будет.

9) В конце доклада священника П. М. Ратьковского есть ответ на возражение об изменчивости живого языка: «Богослужение будет изложено на чистом современном литературном языке, понятном везде и всюду в России».

В заключение докладчик выражает надежду, что богослужение на родном языке вызовет подъем религиозного чувства, усилит пламень молитвы и укрепит веру.

По ознакомлении с докладами *Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский)*, выражая свое преклонение пред славянским языком как языком художников молитвы, освященного веками, все-таки напоминал о реальной действительности: народ не понимает богослужения. Как сделать, чтобы священные слова вливались в душу народную в полноте своей? 90% богомольцев не в состоянии ответить, что воспевается в стихирах. «Прошу подумать, – говорит он, – об этом темном народе». На решение он ставил вопрос: допустимо ли <...> применение русского языка в богослужении, замена им или другим каким-либо языком славянского языка?

За сохранение славянского языка, против допустимости в богослужение родного языка из многих ораторов выступали кое-кто старые. Так, *В. К. Лебедев* вновь выступал со своими тезисами, уже известными нам.

Преосвященный Сильвестр (Ольшевский) свой взгляд подтверждал примером греческой Церкви (профессор Б. А. Тураев раньше говорил об этом).

Н. Ф. Миклашевский в доказательство своей мысли, что достаточно для желательной ясности ограничиться перестановкой слов, заменой некоторых выражений, сослался на постановление Новгородского епархиального съезда, допустившего будто только частичное изменение.

Священник И. Ф. Щукин поправил *Н. Ф. Миклашевского*, прочитал подлинное постановление съезда: «В целях большего влияния церковного богослужения на душу

верующих, в целях противодействия сектантским богослужебным собраниям необходимо, чтобы в Православной Русской Церкви все совершалось на понятном языке. Таким языком должен быть признан наш родной русский язык». Н. Ф. Миклашевский имел в виду только конец постановления, что в случае невозможности перевода на русский язык следует приступить к немедленному исправлению славянского текста.

Крестьянин Ф. Г. Зибарев стал в защиту славянского языка на особую точку зрения, так сказать, эсхатологическую: «В народе говорят, что придет антихрист, что знамением пришествия его будет то, что станут отнимать старые книги и дадут новые. Книги мы отнимем и оставим народ без молитв. Реформа несвоевременна».

В. П. Шергин говорит, что народ идет к сектантам потому, что пастыри не проповедуют Слова Божия, а не потому, что богослужение непонятно.

Священник А. Р. Пономарев вопрос о недоступности для понимания слушателей славянского языка связывал с исполнением. Нужно читать с чувством, с толком, с расстановкой, вспоминал чтение 1-го часа драматической артисткой, открывшей перед слушателями поэзию псалмов. Желающих переделать богослужение сравнивал с прислугой, которой не нравится расстановка хозяйкой мебели в квартирах. Не может же каждый распорядиться по своему вкусу в таком важном деле. Славянский язык он считал родным потому, что он был родным его дедам и прадедам. В Предсоборном Совете один оратор различал эстетов и народников. Как бы таким народникам не дать народу вместо хлеба камень, вместо рыбы – змею. Народ потеряет язык, потеряет и лицо. В Украине были случаи запрещения читать Евангелие на украинском языке, – это голос народа. Во Владивостоке три течения: а) оставить славянский язык, б) упростить, в) перевести на русский язык. Главное: исполнители. Закончил он сравнением: «Я не понимаю высшей математики, но не смею требовать ее упразднения. Так и здесь: не понимаешь – поучись».

По поводу употребления украинского языка за богослужением передавали личные впечатления К. И. Самбурский и М. Л. Пилипчук. К. И. Самбурский ознакомил собрание с постановлениями Черниговского съезда, единогласно высказавшегося за церковнославянский язык, и рассказал, как народ плакал от огорчения, когда слышал чтение Евангелия на украинском языке. Исправления признавал нужными. М. Л. Пилипчук, наоборот, свидетельствовал, что народ рад был слышать проповедь на малорусском языке. Так же рад будет народ и богослужению на русском языке.

Профессор В. Д. Прилуцкий убеждал собрание, что приближение слова богослужения к пониманию народа может быть достигнуто через одно упрощение синтаксиса. Это уже и делается Комиссией при Синоде. Собор должен одобрить работу, дать указания⁸⁰; говорить же об этом деле, как о чем-то новом, не следует. Он сомневается, чтобы переводом была достигнута ясность, потому что поэтические произведения вообще затруднительны для понимания. Совершенно понятный перевод будет переложением, описанием. Поэзия будет убита: вместо чуждых оборотов дана будет скучная проза.

Генерал Л. К. Артамонов горячо выступил в защиту славянского текста. Сначала он привел пример Абиссинской Церкви (древнее наречие гез, новое – амара). Там не возникает и спора о замене священного языка гез посредством народного амара. Мы оживаем комара, когда говорим о непонятности богослужения и слушаем ораторов, говорящих вовсе не на русском языке (приводил примеры такой речи, набора иностранных слов). Бунт против славянского языка поднимают полуинтеллигенты, говорил он, не заглядывающие в церковь. Мы должны творить дело Божие для верных детей Православной Церкви, а не привлекать за шиворот нежелающих. Бойтесь заключить слово Божие в глиняный горшок. Я понимаю плач старух, когда они услышали святые слова на обычном языке. Нужна в этом деле осторожность. Возможны только пояснительные примечания под строкой или в скобках.

Представители Японской Миссии свидетельствовали, что апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин) перевел Священное Писание и богослужебные книги на старояпонский язык, а не на новый.

В. К. Недельский настаивал на большой осторожности в решении вопроса. В современных людях он не видит подлинного религиозного вдохновения (сектантская литература – сплошное убожество). Рекомендовал постепенность в исправлении текста, замену темных мест, устранение греческих оборотов, общее пение и объяснение богослужения пастырями, клириками и лучшими из мирян.

А. В. Новосельский остановил внимание собрания на главной трудности в переводе, отмеченной в докладе П. П. Кудрявцева и не раз подчеркнутой другими, – на высокой поэзии богослужебных песнопений. «Чтобы переводить поэта, нужно самому быть поэтом», – говорит П. П. Кудрявцев. Да, в греческом подлиннике была поэзия, там были и тоника, и ритм. А у нас в славянском переводе никакой поэзии не чувствуется. Иеромонах Епифаний (Славинецкий) и его помощники не были поэтами; их нельзя даже сравнивать с талантливыми мастерами, а разве только с копиистами-ремесленниками: они переводили подряд, слово в слово, форма в форму, создавая формы и обороты, не свойственные славянскому языку (примеров множество). Известный подвижник епископ Феофан (Говоров) Вышенский признавал перевод богослужебных книг делом неотложно необходимым, «если мы не хотим, – говорил он, – быть причиной вреда, который отсюда происходит» (уход в штунду)⁸¹. В проведении реформы оратор признавал нужным постепенность: сначала наиболее употребительных книг – Часослова, Октоиха и т. д.

Протоиерей И. А. Ильин напомнил защитникам славянского богослужения Первое Послание к Коринфянам, 14-ю главу, и процитировал оттуда стихи, требующие понимания пророчеств и назиданий. Славянский язык он считал понятным только ученым, священникам и епископам, псаломщики уже не понимают его. Через 10 лет народ уйдет к сектантам – в наших храмах он не назидается; иное у сектантов, где для него поют и читают понятно. Ссылку Преосвященного Сильвестра (Ольшевского) на то, что наши угодники молились на славянском языке, отец И. А. Ильин ослабляет вопросом: разве тогда русский язык был? Если бы святые Кирилл и Мефодий жили теперь, то, конечно, для русских они перевели бы не на славянский язык, а на русский. План реформы должен выработать Собор.

Священник М. Ф. Марин доказывал необходимость реформы с соблюдением постепенности, тогда не будет соблазна. Книги всегда исправляли и теперь исправляются, а все-таки он, человек с высшим образованием, не улавливает смысла славянских песнопений. Если простецы плачут, то от умиления формой: молитва для них своего рода заклинание. Он напомнил слова святых Кирилла и Мефодия: «Проповедовать на чужом языке – писать на песке».

Когда Н. И. Знамировский, признавая принципиально возможность перевода богослужения на русский язык и введения его там, где народ пожелает и где того требуют обстоятельства, рекомендовал между другими ранее указанными им мерами приготовление к богослужению на дому, отец М. Ф. Марин вновь выступил и заметил, что эта мера неисполнима: нет возможности иметь богослужебные книги на дому. Относительно желаний народа священник М. Ф. Марин невысокого мнения: мало ли чего народ желает по невежеству? Он закрывает больницы, школы и другие культурные учреждения. Остановился своим вниманием священник М. Ф. Марин на утверждении отца А. Р. Пономарева, что понятность <богослужения> зависит от чтеца: как бы ни был хорош чтец, непонятного он не может сделать понятным. Нужно расшифровать славянский текст, сделать безупречный перевод на родной язык, умело провести реформу, и народ будет благодарить за реформу.

Священник М. С. Елабужский отметил в своей речи сравнение членов Собора с прислугой, забирающейся в хоромы и там хозяйничающей, и выразил смущение заявлением епископа Мефодия, что мы убиваем его душу; уж очень много придается значения внешности. Следует спросить: не убиваем ли мы души темных людей, не толкаем ли их в штуду и индифферентизм непонятым богослужением? Мнение епископа Феофана (Говорова) уже было приведено. Требования П. П. Кудрявцева слишком строги. Тот же епископ Феофан (Говоров) об известных ему переводах отзывается как «о благоговейных и понятных», своим авторитетным отзывом он одобрил эти переводы. Правильное указание на то, что наши русские переводчики XVII века вовсе не были поэтами, М. С. Елабужский усилил, прибавив, что и сами составители часто не бывали поэтами (примеры из службы святому Иоанну Предтече). В заключение он просил снисхождения не только к малым сим, но и к духовенству, которое часто само не понимает <богослужбные тексты>.

И. В. Фигуровский предлагал ввести богослужение на русском языке сначала в домовых церквях (совершать же в семинариях на славянском языке). Этот опыт обнаружит настроения народа и укажет, как надо действовать.

Развивая далее эту мысль, священник Н. В. Брянцев предлагал Собору устроить пробное богослужение в семинарском храме. Перевод он считал несомненно необходимым.

Священник С. А. Сабинин ставил вопрос в указанной Высокопреосвященным Евлоем форме: допустимо ли постепенное введение русского языка в богослужение? Никто не говорит о немедленном и всеобщем переходе на русский язык. Надо приблизить богослужение к пониманию народа. Один оратор (К. И. Самбурский) говорил, что народ не желает, а я от имени народа скажу совершенно обратное: «народ желает», и бояться, что богослужение в русском тексте потеряет красоту, не следует: самая высокая поэзия – самая высокая простота, она не нуждается в прикрасах.

Протоиерей В. И. Туркевич относительно малороссов заметил, что не все приходы стоят за сохранение славянского богослужения.

Протоиерей Т. П. Теодорович, чувствуя в словах защитников славянского богослужения большую любовь к языку, видел в речах их любование старинной вещью, как это бывает с археологами. Богослужением же нужно не любоваться, а пользоваться, наблюдая духовные потребности верующих. Надобно богослужение приблизить к народному пониманию. Жизнь берет свое: богослужбный язык постепенно приближается к русскому языку. Надобно содействовать естественному ходу вещей. Не уважая своего языка, мы не уважаем себя. Придавать особое значение заявлениям народа о нежелании слушать богослужение на родном языке не следует. Недалеко то время, когда он поймет правду. Не нужно опаздывать, как всегда с нами бывает. Если малороссы отказываются от своего языка, то потому, что им привили убеждение, будто их язык холопский, рабский. В заключение речи он указал на пример мариавитов в Католической Церкви, славных тем, что они ввели польский, национальный язык в богослужение.

А. Ф. Горайн высказался за введение русского богослужения там, где к тому побуждают обстоятельства.

Священник С. А. Мельницкий в подтверждение взгляда Т. П. Теодоровича на украинский язык сообщил, что на Подольском съезде сначала не хотели слышать о малороссийском языке, но когда разъяснили, произнесли хорошие речи, прочитали молитвы, Евангелие, настроение переменилось и послышалось: «За сердце хапает». Было постановлено, чтобы Евангелие читалось и проповеди говорились на украинском языке. Надо народ подготовить к реформе. Употребление колядок на Юго-Западе имело самое благотворное влияние на православных, <они> поются даже в церкви.

М. Н. Котельников познакомил собрание с постановлением Уфимского съезда в целях борьбы с сектантством об упрощении языка богослужебных книг и о допущении среди инородцев родных языков. Кроме того, *М. Н. Котельников* отпарировал нападки генерала Л. К. Артамонова на маловерующую интеллигенцию, бунтующую против славянского языка («Присутствующие здесь, – говорит он, – никак не могут причислить себя к указанной категории»), и на русский язык: язык А. С. Пушкина, И. С. Тургенева не может быть сравниваем с глиняным горшком.

Л. К. Артамонов ответил по личному вопросу, что он имел в виду обыденный, базарный язык и порчу русского языка иностранными словами.

По окончании прений выработаны были, поставлены на голосование и приняты значительным большинством следующие тезисы:

1) Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

2) В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются принципиально права русского и украинского языков для богослужебного употребления.

3) Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении русским или украинским неосуществима и нежелательна.

4) Частичное применение русского и украинского языков в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения и молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковною властью допустимы и при известных условиях желательны.

5) Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке в меру возможности подлежит удовлетворению при одобрении перевода церковною властью.

6) Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском (или украинском).

7) Необходимо при Высшем Церковном Управлении иметь особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужения на русский (или украинский) языки.

8) Желательно издание богослужебных книг на двух параллельных языках – славянском и русском (или украинском), а также издание отдельных книжек с параллельными текстами, заключающими в себе церковно-богослужебные молитвословия.

9) Желательно широкое ознакомление с церковнославянским языком богослужения как через изучение в школах, так и путем разучивания церковных песнопений с прихожанами для общецерковного пения.

В конце заседания предложены были на голосование мнения профессора В. Д. Прилуцкого, чтоб комиссии при Священном Синоде в своих исправлениях более сообразовались с духом и поэзией, чем с формой; Н. И. Знамировского – о разрешении во внебогослужебное время петь духовные гимны; протоиерея Н. В. Брянцева – о пробном богослужении на русском языке в церкви Московской Духовной семинарии. Предложения не были подвергнуты голосованию за поздним временем.

Последнее, пятое заседание, было 26 сентября под председательством Преосвященного Мефодия (Герасимова). Предложение отца В. Д. Прилуцкого и отца Н. В. Брянцева отклонены. Тезис Н. И. Знамировского принять в такой редакции:

10) Употребление церковно-народных гимнов на русском языке на внеслужебных беседах по одобренным церковною властью сборникам признается полезным.

Принято еще предложение Преосвященного Мефодия:

11) Издать русский перевод Библии с текста LXX толковников. Перевод должен

быть снабжен указанием разночтений темных и переносных мест по русской Библии с еврейского языка.

После голосования тезисов В. К. Недельский выразил опасение, что разрешение совершать богослужение на русском и малороссийском языках поведет за собой разрешение совершать богослужение на различных наречиях, на местных говорах, которых у нас такое множество, и это, естественно, раздробит единство Русской Церкви.

Архиепископ Евлогий (Георгиевский), возражая В. К. Недельскому, указал на то, что одной из побудительных причин к введению в богослужение русского и украинского языков является страшная опасность массового соращения православного населения Украины в унию, где уже совершается богослужение на местном языке. В 1905 году разрешением к употреблению церковно-народных гимнов в крестных ходах почва из-под ног у католической пропаганды была вырвана и немалое количество верующих было сохранено в лоне Православной Церкви.

Выступал в конце заседания с призывом оставить славянский язык в богослужении *архиепископ Ставропольский Агафодор (Преображенский)*: народ будет против, что он твердо знает, как прослуживший 20 лет приходским священником.

В заключение докладчиком Подотдела был избран профессор П. П. Кудрявцев и содокладчиком М. Н. Котельников, секретарь Подотдела. Председатель Подотдела епископ Мефодий (Герасимов) заявил, что он войдет со своим особым докладом в Отделе.

Вот все существенное, что я мог извлечь из работ, предшествовавших Собору, и занятий Подотдела по занимающему нас вопросу. Прошу прощения, что, может быть, утомил внимание почтенного собрания. Желательно было изобразить всестороннее освещение и обсуждение вопроса так, как это было на самом деле, с напоминанием даже мелочей: последние часто служат показателями не только той горячности, с какой относились к решению, очевидно, большого для многих вопроса, но и свидетельствами слабости или прочности защищаемых позиций. В изложении я всячески старался быть объективным, прибегая в передаче мнений почти везде к подлинным выражениям докладчиков и ораторов. Отделу, таким образом, представляется полная возможность обсудить, насколько вытекают тезисы из данных докладов и прений, дополнить <то>, что, быть может, упущено в течение долгих прений Подотделом из внимания; принять или не принять выработанные положения; видоизменить их редакцию, если она не совсем удовлетворительна, и представить тезисы в той или другой форме на санкцию всего Освященного Собора. Чем скорее, тем лучше. Промедления довольно: ведь дело забылось и лежит недвижимо с 26 сентября.

Доклад А. В. Новосельского обсуждался на 42-м заседании. При этом и сторонники, и противники допущения в церковную службу русского языка сошлись на том, что добавить к сказанному ранее нечего⁸². На 44-м заседании, которое состоялось 30 июля/12 августа 1918 года, были приняты следующие тезисы (проект Соборного Деяния).

3. Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* «*О церковно-богослужебном языке*»⁸³

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления.

3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.

4. Частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.

5. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью.

6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском.

7. Необходимо немедленно образовать при Высшем Церковном Управлении особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужбных книг, так и для перевода богослужений на общерусский или малороссийский и на иные употребляемые в Русской Церкви языки, причем комиссия должна принимать на рассмотрение как уже существующие опыты подобных переводов, так и вновь появляющиеся.

8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужбных книг на параллельных славянском, общерусском или малороссийском употребляемых в Православной Русской Церкви языках, а также изданием таковых же отдельных книжек с избранными церковнославянскими богослужбными молитвословиями и песнопениями.

9. Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений прихожанами для общецерковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужбных собеседованиях по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным.

4. Резолюции Соборного Совета, Совещания Епископов по докладу «О церковно-богослужбном языке»

Доклад Подотдела был заслушан Соборным Советом 29 августа (11 сентября) 1918 года и передан на рассмотрение Совещания Епископов⁸⁴. Проходившее 19 (22) сентября в келлиях Петровского монастыря Совещание Епископов, на котором председательствовал Святейший Патриарх Тихон, рассмотрело доклад⁸⁵. Стенограммы обсуждения в архиве нет, поэтому приведем текст справки последнего по времени документа, касающегося этого доклада⁸⁶. «Священным Собором Православной Российской Церкви 30 августа (12 сентября) сего года было утверждено постановление Соборного Совета о передаче на разрешение Совещания Епископов представленного Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме* доклада «О церковно-богослужбном языке».

Совещание Епископов, заслушав в заседании 19 (22) сентября сего года означенный доклад, *постановило*: доклад этот передать Высшему Церковному Управлению: «Согласно сему постановлению Совета Епископов и во исполнение по сему предмету Предсоборного Совета, представляю означенный доклад о церковно-богослужбном языке на разрешение Высшего Церковного Управления»⁸⁷.

ГЛАВА IV. ЮЛИАНСКИЙ И ГРИГОРИАНСКИЙ КАЛЕНДАРИ

1. Календарная проблема в России на рубеже XIX – XX веков. Дискуссия по календарному вопросу на Всероссийском Поместном Соборе

Календарная проблема в России обсуждалась периодически. В 1899 году при Астрономическом обществе работала Комиссия по вопросу о реформе календаря в России. В состав этой Комиссии входили Д. И. Менделеев и В. В. Болотов. Комиссия готовила реформу юлианского календаря, а не замену его григорианским. «Принимая же во внимание: 1) что в 1830 году ходатайство Императорской Академии наук о введении в России григорианского календаря было отклонено императором Николаем I и 2) что православными государствами и всем православным населением Востока и Запада отвергались попытки представителей католицизма ввести в России григорианский календарь, Комиссия единогласно постановила отклонить все предложения о введении в России григорианского календаря и, не стесняясь выбором реформы, остановиться на той, которая совмещала бы в себе идею истины и возможной точности, как научной, так и исторической, применительно к христианскому летосчислению в России»⁸⁸. Деятельность Комиссии носила чисто академический характер. Материалы ее работ были опубликованы⁸⁹.

Проблема календаря приобрела практический характер в связи с Октябрьской революцией. 16 ноября 1917 года вопрос о календарной реформе был поставлен на обсуждение Совнаркома, 24 января был принят Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря. В Декрете говорилось: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами счисления времени Совет народных комиссаров постановляет ввести по истечении января месяца сего года в гражданский обиход новый календарь». Для этого: «Первый день после 31 января сего года считать не 1 февраля, а 14 февраля, второй день считать 15 и т. д.»⁹⁰.

Введение гражданской властью григорианского календаря требовало, чтобы Собор выразил свое отношение к календарной проблеме.

Этот вопрос встал на 71-м заседании Собора, которое состоялось 27 января 1917 года. Приводим стенографический отчет обсуждения этого вопроса.

Председатель митрополит Арсений (Стадницкий): Советом народных комиссаров издан Декрет, которым вводится новый, западноевропейский стиль. Вопрос о новом стиле касается многих сторон жизни, и Совет народных комиссаров имел в виду прежде всего потребности государства. Но Декрет этот имеет близкое отношение к Церкви, так как затрагивает вопрос о церковных праздниках. Не угодно ли будет Собору передать этот вопрос на рассмотрение в Отдел о богослужении? Здесь этот вопрос уже рассматривался и раньше⁹¹, но теперь, после издания Декрета о новом стиле, его следует передать туда для того, чтобы Отдел спешно высказался об этом для руководства верующими, которые не знают, как им поступить теперь. Не угодно ли будет Собору передать вопрос в Отдел?

П. И. Астров: Я присоединяюсь к этому предложению, но полагаю, что это вопрос более юридического свойства, чем богослужебного, а потому желал бы, чтобы вопрос о новом стиле был рассмотрен на соединенном заседании Отдела *О богослужении* и Отдела *О правовом положении Церкви в государстве*.

Председательствующий *митрополит Арсений (Стадницкий)*: Должен сказать, что в виду Декрета об отделении Церкви от государства вопрос этот сам собою отпадает. Угодно ли будет Собору принять предложение П. И. Астрова?

Постановлено: Обсудить вопрос о введении в России нового стиля в соединенном собрании Отдела *О богослужении* и Отдела *О правовом положении Церкви в государстве*⁹².

Совместное заседание двух Отделов состоялось 29 января. Задача была сформулирована председательствующим на нем митрополитом Арсением (Стадницким): «Нам необходимо решить, как быть с вопросом об отношении Церкви к введению нового стиля в ближайшее время. Наша задача дать ответ на поставленный вопрос Собору завтра»⁹³. Выступавшие на заседании были против немедленного перехода на новый стиль (основные аргументы см. ниже в докладах С. С. Глаголева⁹⁴ и И. И. Соколова).

И. А. Карабинов: «С новым стилем не согласятся ни старообрядцы, ни единоверцы и будут справлять церковные праздники по старому стилю».

Дискуссию резюмировал С. С. Глаголев: «По отношению к будущему я должен заметить, что едва ли мы можем остаться при старом стиле. Наши Пасхальные таблицы все более и более расходятся с небом. Они построены на неточных астрономических основаниях. В будущем необходимо придется стиль переменить, чтобы получилось согласование с небом и все благополучно устроено было бы на земле. Мы понимаем, что стиль надлежит переменить, но в настоящее время практическая необходимость заставляет нас остановиться на юлианском календаре»⁹⁵.

Обсуждение этого вопроса было продолжено на 30-м заседании Отдела, которое состоялось 15 марта 1918 года. На этом заседании было зачитано два посвященных календарной проблеме доклада, тексты которых мы приводим полностью.

2. Доклад профессора С. С. Глаголева⁹⁶ «Сравнительная оценка юлианского и григорианского стилей»

По юлианскому календарю продолжительность года превышает действительную на 11 1/4 минут. По григорианскому – только на 1/2. Но при сравнительной оценке достоинств стилей нужно иметь в виду точки зрения: *астрономическую, практическую и историческую*. *Астрономически* оба календаря негодны, ибо для астрономии требуется несравненно большая точность. *Практически* оба календаря совершенно достаточны, ибо ошибка на сутки в <юлианском>⁹⁷ календаре возрастает лишь в 120 лет. Сама по себе эта ошибка не важна, она происходит в период, превышающий длительность человеческой жизни, и, наконец, новое расхождение с григорианским календарем у нас фактически произойдет в 2100 году. *Исторически* григорианский календарь вреден, о чем будет сказано ниже. юлианский отвечает научным требованиям.

Должно признать, что юлианский стиль несовершенен, и несовершенство, относительная неудовлетворительность его была признана уже на Константинопольском Соборе 1583 года, созванном по поводу предложения Папы Григория XIII Патриарху Иеремии принять новый стиль. Новый календарь нужен, и желательно, чтобы он стал общим календарем народов. Но напрасно думают, что григорианский календарь удовлетворяет требованиям идеального календаря и что против него идут только по религиозному упорству или по любви к рутине. Нет. Календари могут иметь разные задачи. И юлианский, и григорианский календари имели своей задачей дать такое летоисчисление, в котором весеннее равноденствие и времена года неизменно падали бы на

те же числа и месяцы. Год астрономический (время от одного весеннего равноденствия до другого) 365 дней 5 часов <48 минут> 45–52 секунды, здесь колебание (юлианский год 365 дней 6 часов – ошибка на 11 1/4 минут; григорианский год 365 дней 5 часов 49 минут 12 секунд – ошибка на 1/2 минуты). Несомненно, что продолжительность года в григорианском календаре определяется гораздо точнее, чем в юлианском. Но это преимущество – практически на самом деле бесполезное – получено им благодаря принесению непоправимых жертв. Задача календаря, во всяком случае, должна состоять в том, чтобы в нем не было несуществующих дней. Между тем, введение григорианского календаря началось с того, что в 1582 году после 4 октября (четверг) стали считать 15 (пятница), 5–14 октября были выброшены. Занимающиеся историей и хронологией поймут, однако, как эта операция Григория XIII может затруднять хронологические расчеты. Если 4-го был четверг, значит пятницы были 5, 12, 19-го, а оказывается пятница была 15-го числа. Если 4-го было новолуние, значит полнолуние было 18-го или 19-го, а оно было 28-го, и григорианский календарь отличается от юлианского только одним правилом, согласно которому при окончании столетий, то есть когда число годов оканчивается двумя нулями, год будет високосным лишь в том случае, если число столетий делится на 4. Это правило просто и им достигается большая точность григорианского календаря, но им чрезвычайно усложняются вычисления. Историк-хронологу при вычислениях лучше всего забыть о григорианском календаре и делать вычисления по юлианскому, а потом прибавлять соответствующее число дней.

Будучи непригодным для целей исторических, григорианский календарь не удовлетворяет и требованиям астрономическим. Так, еще в 60-х годах прошлого века предложен стиль, по которому в течение 128 лет должен быть 31 високос. По этому стилю ошибка в вычислении годов в течение тысячи лет не может стать более часа. К этому летосчислению можно приспособить православную Пасхалию. григорианский календарь, являясь исторически вредным, оказывается астрономически ненужным.

Однако о православной Пасхалии нужно установить, что она разошлась с небом и нуждается в исправлении. Канонически это допустимо. Если в государственной жизни России окончательно утвердятся новый стиль, то Церковь в своем религиозном обиходе может или сохранять старый стиль, или посредством тех или иных приспособлений перейти на новый. В последнем случае она должна действовать совместно со всеми Православными Церквями.

Можно различными способами перейти от старого стиля к новому. Одним из простейших представляется следующий. Нужно уничтожить 31-е числа месяцев, тогда через два года старый стиль сольется с новым. Допустим, что этот переход от старого стиля к новому начнется с 1919 года. Церковные службы в 31-х числах будут переноситься на 30-е; Пасха будет не 7-го, а 9-го апреля, ибо к апрелю календарь передвинется на 2 дня (исчезнут 31 января и 31 марта). В течение 1919 года Церковь приблизится к новому стилю на 7 суток (31-е числа января, марта, мая, июля, августа, октября, декабря). 1920 год Церковь может вместо високосного признать простым (хотя необходимости в этом не будет). По старому стилю Пасха в 1920 году должна быть 29 марта. При новом порядке она будет 8 апреля (если сохранить високос, то 7-го). После этого, если будут исключены 31-е числа в мае, июле и августе, 1 сентября Церкви совпадет с 1 сентября гражданским. Если Церковь сохранит високос, то совпадение произойдет 1 ноября. После этого церковный обиход пойдет совершенно обычным путем, только теперешняя Пасхалия должна быть заменена григорианской.

Анализ церковных правил (7-е Апостольского Собора и 1-е Антиохийского Собора 341 года) утверждает в мысли, что поступить так Церковь может. При новом чтении этих правил получается впечатление, что они так обычно толковали, что правила

предписывают праздновать Пасху после иудеев. На самом деле правила предписывают праздновать Пасху независимо от иудеев. Да и на самом деле, в настоящее время было бы странно Святой Церкви ставить себя в какую бы то ни было зависимость от иудеев, хотя бы в смысле обязательного празднования Пасхи после них.

Возможно улучшение и григорианского стиля через уничтожение еще одного дня (какого-либо 31-го числа) и через уничтожение одного високоса через каждые 128 лет. Тогда различие между гражданским и астрономическим годом станет очень ничтожным, но такое преобразование календаря, хотя по существу <и>⁹⁸ очень незначительное, может быть произведено по постановлению всемирной международной конференции.

Но лучше передвинуть наш стиль указанным методом не на 13, а на 14 дней. Это будет, во-первых, точнее астрономически и, во-вторых, дни по-прежнему будут падать на те же числа.

Для ближайшего времени Церковь должна сохранить старый стиль, и необходимо издать на 1919 год научный церковный календарь. Это сделать можно, это нетрудно, полезно и даст верный доход.

Затем, изменение церковного стиля возможно лишь по согласию со всей Православной Церковью.

3. Доклад профессора И. И. Соколова «Отношение православного Востока к вопросу о реформе календаря»⁹⁹

В сложном вопросе о реформе календаря существенное значение принадлежит церковной стороне. Тогда как научно-астрономическая сторона вопроса не заключает в себе бесспорных данных ни в пользу юлианского, ни григорианского календаря, <ни>¹⁰⁰ нейтрального между ними, а житейско-практическая сторона не вызывает существенных неудобств, с безусловной принудительностью побуждающих реформировать господствующий в России календарь, – церковное значение предполагаемой реформы является в высшей степени важным и по существу, и по результатам. Реформа неизбежно должна коснуться вековых традиций Православной Церкви относительно времени празднования Пасхи Христовой и соединенных с нею других праздников и церковных времен. Реформа повлечет за собой отмену «зрячей Пасхалии», церковных книг, употребляющихся в России и имеющих в представлении народа непререкаемый священный авторитет. А такая отмена, в свою очередь, может вызвать в народе тревожную смуту с оттенком церковно-религиозного разномыслия и повод к неблагоприятному для Православной Церкви схизматическому движению.

Но церковное значение календарной реформы не ограничивается пределами нашего Отечества, а простирается на весь православный Восток – греческий и славянский. Православные Церкви Ближнего Востока (Константинопольская, Иерусалимская, Антиохийская, Александрийская, Эладская, Кипрская, Синайская, Болгарская, Сербская, Черногорская, Румынская – в Румынии и в Австро-Угрии) имеют одну и ту же с Церковью Русской Пасхалию и руководятся одинаковыми с ней принципами в определении иных праздничных дней и времен, применительно к господствующему на всем православном Востоке юлианскому календарю. Ввиду общего для всех Православных Церквей этого календаря ни одна из них в отдельности не в праве заменить его другим без предварительного сношения с остальными своими Духовными Сестрами. Общее для всех Автокефальных Церквей дело, существенным образом переплетающееся с духовно-религиозными интересами всего православного мира, и должно подлежать обсуждению и решению представителей всех Православных Церквей –

греческих и славянских. Ведь все Православные Поместные Церкви составляют отдельные части единой организации – Церкви Вселенской, все они суть равные между собою Духовные Сестры, или дочери одной для всех них Матери – Православной Кафолической Церкви. А по слову Апостола, если славится один член единого тела, с ним радуются все члены, если страдает один член, с ним страдают все члены (1 Кор. 12, 26). Для православного Востока, особенно греческого, календарный вопрос является одним из импульсов, способных вызвать чувство страдания в области церковно-религиозных отношений. А ныне и для Русской Церкви настало время оценивать календарный вопрос с точки зрения жизненных ее интересов. Вот почему поставленный вопрос необходимо рассматривать при свете отношений к нему всего православного Востока, где он имеет свою историю, из которой мы и представим некоторые иллюстрации.

В 1582 году римский Папа Григорий XIII произвел реформу календаря, положившую новую грань между православным Востоком и латинским Западом: тогда как Восток остался верен традициям прошлого, Рим допустил не оправдываемое точной наукой нововведение в празднование Пасхи и соединенных с ней праздников и церковных времен. Не подлежит сомнению, что это нововведение в церковно-религиозной области стояло в тесной, неразрывной связи с идеей папства и было одним из проявлений господствующего на Западе церковного абсолютизма, стремившегося распространить свое влияние и на православном Востоке. Примечательно, что введение на Западе нового, григорианского календаря было понято представителями Православной Церкви именно как новый поход папства против Православия на Востоке. Современный <этому событию> Константинопольский Патриарх Иеремия II (Транс) немедленно осудил (1582 год) вместе со своим Синодом папское новшество как несогласное с преданиями Церкви, унаследованными от святых отцов. А в 1583 году, 20 ноября, <Патриарх> Иеремия вместе с находившимся в Константинополе Александрийским Патриархом Сильвестром издал соборный томос против григорианского календаря, где резко порицал григорианский календарь как произведение папства, – силы, враждебной православному Востоку, смотрел на этот календарь как на характерное новшество в целой системе папских нововведений сравнительно с традициями православного Востока, считал его орудием папистской завоевательной политики в отношении к автокефальным греческим Церквам.

И в последующее время первоиерархи Православных Церквей Востока высказывались против григорианского календаря и увещевали православных своих чад избегать этого орудия латинской пропаганды. Знаменитый Константинопольский Патриарх Кирилл I Лукарис, занимавший Вселенский престол шесть раз и в течение всего своего патриаршества энергично боровшийся с иезуитами, по интригам которых он преждевременно и погиб, неоднократно осуждал григорианский календарь, оценивая его в духе синодальных определений Иеремии II. В таком же роде высказывались против римского календаря и Вселенские Патриархи – Парфений I (1639–1644), Пансий II (1726–1733), Кирилл V (1748–1751), Григорий VI (1835–1840), Анфим VI (1845–1848).

Предстоятели других греческих Церквей также живо интересовались вопросом о календаре, получившим особое значение в Сирии, Палестине, Египте и на Кипре в силу широкого распространения здесь с XVII века католической пропаганды, которая привлекала православное греческое и сиро-арабское население в лоно Римской Церкви, заставляла новых прозелитов отказываться от юлианского имьярология и побуждала праздновать Пасху и другие торжественные дни по новому стилю. Патриархи Палестины, Сирии и Египта и архиепископы Кипра, охраняя паствы от козней латинских миссионеров, путем посланий и грамот разъясняли им значение григорианского

календаря, оттеняя преимущественно его связь с целым рядом новаторских измышлений папства и миссионерское применение его в практике римско-католических орденов. Аналогичное отношение Александрийского Патриарха Сильвестра к григорианскому календарю уже известно. Можно для примера отметить и борьбу Антиохийского Патриарха Афанасия с католической пропагандой в Сирии (1700), о которой говорит послание к местному православному населению от имени Константинопольского Патриарха Каллиника II: Афанасий, как и Каллиник, разъяснял склонным к унии с Римом христианам Антиохийской Церкви, что празднование Пасхи одновременно с латинянами, отречение от установлений Православной Церкви о постах и применение уставов Римской Церкви есть измена Православию и отступление от святоотеческих заветов, губительное для членов Православной Церкви. Поэтому всякий истинный христианин должен быть тверд в установлениях Православной Церкви и обязан праздновать Пасху и соединенные с нею праздничные дни и церковные времена применительно к практике православного Востока, а не инославного Запада.

И в наше время православный Восток, греческий и славянский, в лице своих представителей: патриархов и синодов, имел повод официальным образом высказаться по поводу реформы календаря. Церковная жизнь и международные сношения выдвинули на Ближнем Востоке этот вопрос на первую, можно сказать, очередь и требовали того или иного его решения применительно к местным нуждам и потребностям.

Почин в новейшем пересмотре старого вопроса о календаре принадлежит Константинопольскому Патриарху Иоакиму III (1834–1912), одному из самых выдающихся иерархов православного Востока нового времени, опытному и умному администратору, ревностному попечителю о благостоянии всей Вселенской Церкви, чутко отзывающемуся на запросы времени и своей паствы. 12 июля 1902 года Патриарх Иоаким III, вместе со своим Синодом из 12 митрополитов Константинопольской Церкви, обратился с Патриаршим и Синодальным посланием к Патриархам Александрии и Иерусалима и к предстоятелям Автокефальных Церквей на Кипре, в России, Греции, Румынии, Сербии, Черногории и просил их официально ответить на следующие четыре «важных и достойных тщательного расследования и изучения» вопроса: 1) Какими средствами следует укрепить единомыслие, взаимообщение и любовь между Святыми Православными Церквями Божиими? 2) Как урегулировать их отношения к католицизму и протестантству – этим двум великим отраслям христианства – с целью сблизить их с Православием в духе христианской любви? 3) Как Православные Церкви должны относиться к старокатолицизму, стремящемуся к соединению с ними? 4) О возможности или невозможности изменения и более точного определения господствующего в Православных Церквях календаря.

✠ На это послание Константинопольский Патриарх получил официальные ответы от Церквей Иерусалимской, Русской, Элладской, Румынской, Сербской и Черногорской. Нет лишь ответов Александрийского Патриарха, который держится вообще изолированно от представителей прочих Православных Церквей; и от Кипрской Церкви, где еще не избран Предстоятель – архиепископ. Антиохийскому Патриарху Мелетию послание и совсем не было отправлено, так как он со времени своего избрания (1899) пребывал вне канонического общения с Константинопольским Патриархом. 12 мая 1904 года Патриарх Иоаким III обратился к упомянутым Церквям с новым Посланием, в котором выяснил отношение великой Христовой Церкви к четырем основным вопросам, в частности к вопросу о календаре.

Уже одно то, что вопрос о календаре поставлен в Патриаршем послании 1902 года наряду с крупными и существенными вопросами о взаимоотношениях Православных Церквей, о католичестве, показывает всю важность принципиальной его оценки со стороны Константинопольской Церкви. А в самом Послании этот вопрос сформулирован таким образом: «Мы признаем достойным большого внимания то, что в течение уже достаточного времени говорят и пишут относительно общего календаря, причем, в частности, предполагаются системы преобразования издавна господствующего в Православной Церкви юлианского календаря, а также введение григорианского, ввиду того, будто первый в научном отношении менее совершенный, а второй отличается большей точностью; в связи с этим необходимым признается и изменение нашей церковной Пасхалии. И в исследованиях этого предмета мы видим два господствующих мнения, принадлежащих и нашим православным специалистам. Одни из них полагают, что издревле переданный календарь есть единственный удобный и подходящий для Церкви, так как установлен Отцами и издавна утвержден церковной практикой, – поэтому <они> не только не признают реформу необходимой, но и по основаниям, ими раскрываемым, рекомендуют совершенно избегать ее. Некоторые же, указывая на возможно полную точность в счислении времени или же на новое удобство и пользу в применении однообразного стиля, являются защитниками западного календаря и стоят за введение его и у нас, причем их сотрудниками в этом деле выступают, как и естественно, члены Западной Церкви, в надежде на церковно-религиозные от этого выгоды, опять, конечно, с точки зрения этих посторонних сотрудников. Ввиду существующего в наше время спора, в котором та и другая сторона настойчиво предлагает различные и достойные внимания доводы, относящиеся или к области науки, или к предметам веры, имея ввиду и то, что в некоторых православных странах обнаруживалась склонность к уступкам в пользу мнения о перемене юлианского календаря или некотором его преобразовании, нам представляется целесообразным обменяться с другими Православными Церквями мнениями, относящимися к этому вопросу научного и явно бесспорного церковного значения, дабы у них образовалось общее по этому вопросу суждение, одно мнение и решение Вселенской Православной Церкви, которой одной только и принадлежит оценка его и изыскание в случае необходимости способа, по возможности примиряющего искомую относительную научную точность с желательным сохранением освященных церковных определений».

В ответ на этот запрос Иерусалимский Патриарх Дамиан и его Священный Синод в послании <Иоакиму III> от 5 июня 1903 года писали следующее: «Переходя к вопросу Вашего Святейшества о преобразовании действующего в Православной Церкви юлианского календаря, прежде всего мы должны сказать, что при тех условиях, в которых ныне находится Православная Церковь на Востоке, непрерывно подвергающаяся миссионерским действиям со стороны приверженцев и слуг Католической Церкви и Протестантской, – всякое постановление о реформе господствующего календаря, и особенно в сторону предпочтения григорианского, послужит ко вреду Православия. Но если христианские народы Запада когда-нибудь придут к сознанию относительно противоевангельского и, в интересах всемирного христианского единства, губительного дела прозелитизма, систематически ими поддерживаемого; если, далее, представители этих народов пожелают упразднить и навсегда устранить соблазн (обращения христиан одного исповедания в другое), то мы полагаем, что Православная Церковь не совершит ничего несоответствующего, если примет календарь, с возможной правильностью разработанный наукой – для точности времячисления, для удобства в жизненных сношениях, но и к славе Христа, когда будет наблюдаться единство

верующих в Него и в счислении времени, и в одновременном совершении спасительных праздников. Правда, принятие календаря в научном отношении более совершенного приведет к упразднению Апостольского правила «совершать Пасху после весеннего равноденствия и после иудеев» и к отмене господствующего со времени Первого Вселенского Собора обычая праздновать Пасху в воскресенье после первого полнолуния за весенним равноденствием. Но коль скоро отпадут моральные причины, из которых возникли апостольский канон и соборный обычай, то, очевидно, не будет никакого с догматической точки зрения препятствия к тому, чтобы Православная Церковь, по согласию всех ее членов, иным образом и соответственно с истинными результатами науки установила свой календарь».

Церковь Королевства Греческого в ответном Послании Патриарху Иоакиму III от 14 июля 1903 года так оценивает вопрос о календаре: «Священный Синод Церкви со вниманием обсудил вопрос о преобразовании действующего в Православной Церкви календаря, разрешение коего (вопроса) кажется очень легким, в действительности же зависит от обстоятельств и условий народных и общественных. Какой из двух существующих календарей более точен: наш ли юлианский, или западный григорианский, и насколько каждый из них нуждается в изменении и более точном приспособлении, – это есть вопрос преимущественно астрономический; а что касается религиозной и богословской его важности, то <эта важность> обуславливается тем, <что> с календарем связано празднование церковных дней. Посему, если все Поместные Православные Церкви на Востоке будут убеждены, что условия жизни народов различных Православных Церквей окажутся удобными для преобразования календаря без смущения совести и религиозного <сознания>¹⁰¹ более простых людей, неспособных отличить догматы и литургические предметы от вопросов астрономических, тогда они могут по взаимному соглашению и совместно с правительством каждой из Церквей заняться реформой ныне действующего у нас календаря, применительно к успехам и результатам астрономической науки».

Церковь Румынская во главе с митрополитом Иосифом сделала такое определение по вопросу о календаре: «Не входя в рассмотрение изысканий и выводов ученых, занимавшихся вопросом о счислении времени, из коих одни благоприятствуют нашей календарной системе, а другие – иной системе, Священный Синод Святой Автокефальной Румынской Церкви и думает и ходатайствует, что следует остаться при существующем ныне календаре, так как невозможно будет не коснуться канонических постановлений, если мы станем рассуждать о какой-либо перемене или преобразовании юлианского календаря, с которым Православная Церковь жила столь продолжительное время и не чувствовала стеснения. За всем тем, и пальцем нам не позволено коснуться издревле установленных определений, которые составляют нашу церковную славу. Бог, Великий Господь веков, и в этом деле укажет Свою волю. И что Он определит, то и будет существовать. Доселе Господу угодно было лишь однажды изречь Свою волю тем, кои и установили действующий от нашей церковной древности календарь. Если и опять будет Его святая воля, то Он просветит нас Духом Святым, дабы мы и в этом случае знали, чего нам желать и что делать. В смирении молитвенно простирая руки к Великому Царю, Всевышнему нашему Господу, признаем, что велика была и есть милость Его на нас, поелику от времени Он сохранил нас и благодатию Своею просветил, дабы мы пребывали в Святом Доме Его».

Синод Сербской Церкви в ответном Послании от 6 июня 1903 года писал следующее: «Ни григорианский, ни юлианский календари не отличаются точностью в счислении времени. Неудобства, вытекающие из этой неточности, очевидны, посему

сама собою становится ясной потребность устранить неточность в счислении времени. <...>¹⁰² Мы спрашивали мнения по этому вопросу у специалистов и пришли к убеждению, что мнение господина Максима Терпковича есть более основательное как в отношении счисления времени, так и касательно религиозной и канонической части христианского календаря. Признаем уместным сообщить, что та часть календаря, которая относится к уравниванию года, подлежит всецело компетенции специалистов этого вопроса. Нашему же исследованию и оценке принадлежит только религиозная и каноническая часть календарного времени. Посему Священный Синод признал возможным приступить (по предложению Константинопольского Патриарха Иоакима III) к исследованию вопроса об исправлении христианского календаря. После слушания дела Священный Собор архиереев определяет: по вопросу об исправлении календаря хорошо было бы выслушать мнение специалистов, поскольку дело идет о предписании канонов касательно счисления времени, дабы и Пасха, и все праздники, которые с ней связаны, были распределены в порядке, всецело отвечающем духу Православной Церкви».

Черногорский митрополит Митрофан в послании от 23 апреля 1903 года писал: «Что касается изменения или частичного исправления календаря, то об этом во всех православных странах уже давно ведется речь. Между прочим, блаженно почивший митрополит Белградский Михаил (†1898) имел однажды по этому вопросу переписку с покойным Вселенским Патриархом Иоакимом II (1884–1886). Затем, нам известно, что и в России недавно учреждена для этой цели специальная комиссия, которой дано поручение осветить вопрос с научной точки зрения. Но насколько мне известно, ни Константинопольская, ни Русская комиссии не пришли по этому предмету к какому-либо определенному результату. Да это и понятно, потому что вовсе не легко прийти к такому результату в вопросе, имеющем весьма важное значение. Представители Православных Церквей должны быть весьма осторожны в обсуждении и решении этого вопроса. Известно, что изменение календаря предполагает изменение и Пасхалии, то есть всей церковной системы счисления годичного круга и подвижных праздников. А мы знаем из истории, что бывали и очень незначительные перемены, которые, когда приспособлялись к жизни Церкви, вызывали большие или меньшие нестроения среди верующих. Имея это в виду, начальовожди Православных Церквей должны принять во внимание все возможные последствия, которые могут возникнуть вследствие изменения календаря. Посему, боясь, как бы нам не подвергнуться какой-либо опасности, подобной тем, какие известны из истории, я смиренно держусь того мнения, что впредь следует применять и пользоваться календарем юлианским».

Наконец, Святейший Синод Русской Церкви в Послании от 28 февраля 1903 года писал по вопросу о календаре следующее: «Вопрос о перемене или только о некотором преобразовании календаря немало и давно уже волнует православных и в нашей стране. По повелению благочестивейшего государя нашего нарочито для исследования этого вопроса была образована при Императорской Академии наук особая Комиссия из ученых – представителей различных относящихся к этому предмету отраслей знания. Но работы этой Комиссии, весьма многосложные и разносторонние, до настоящего времени еще не закончены, и последнего вывода их заранее сказать нельзя. Необходимо только, по нашему мнению, иметь в виду, что вопрос этот имеет много сторон, допускающих неодинаковое освещение и решение. Применение нового стиля в одном гражданском летосчислении, без изменения Пасхалии и без передвижения церковных праздников и с одним только переименованием чисел применительно к новому стилю (то есть тот день, который теперь помечается, например, 6-м числом

января, будет тогда помечаться 19-м числом, но останется праздником Богоявления), конечно, особенно не затронет церковных интересов, так как в церковной практике во всей своей силе остается юлианский календарь (только праздник Новолетия тогда совпадет не с праздником Обрезания Господня, но с памятью святого мученика Вонифатия 19 декабря старого стиля, как это и практикуется, например, в Православной Японской Церкви, которой приходится помечать свои праздники новым стилем, действующим в Японии). Но если затронуть вопрос о чисто научной состоятельности того и другого летосчисления, то более авторитетные ученые у нас склоняются скорее в пользу юлианского календаря, допуская только некоторые поправки в нем, а отнюдь не замену его менее осмысленным, по их заключению, календарем григорианским. Этот авторитетный голос ученых заставляет и нас, блюстителей Церкви, относиться с большой осторожностью к желанию некоторых переменить календарь, если при этом разуместь перемену и Пасхалии, и всего церковного летосчисления. Такая перемена, колеблющая исконный и многократно освященный Церковью порядок, несомненно, сопровождалась бы некоторыми потрясениями в церковной жизни, а между тем в настоящем случае такие потрясения не находят для себя достаточного оправдания ни в исключительной правоте предлагаемой реформы, ни в назревшей церковной потребности. Посему мы, со своей стороны, стояли бы за сохранение в церковной практике юлианского календаря, допуская в крайнем случае лишь формальные, выше изъясненные перемены касательно Новолетия и переименования чисел.

Когда Священный Синод Церкви Константинопольской получил от различных Автокефальных Восточных Церквей послания в ответ на Патриаршую грамоту от 1902 года, то они были подвергнуты особому рассмотрению сначала в специальной образованной из духовных лиц комиссии, а затем в Священном Синоде под председательством Патриарха Иоакима III. В результате Патриарх и Синод обратились к Автокефальным Церквям православного Востока с новым Окружным посланием (от 12 мая 1904 года) по поводу взаимоотношения Поместных Церквей и «по вопросу об изменении юлианского календаря». И вот какое мнение по последнему вопросу изложено в недавнем Послании великой Христовой Церкви: «От веков установленная и утвержденная непрерывным употреблением в Церкви Пасхалия, по которой полагается праздновать Светоносное Воскресение Господа в первый воскресный день или следующий за ним воскресный день после полнолуния, следующего за весенним равноденствием, должна быть свято почитаема и ненарушима, так что в отношении ее непозволительно делать нововведения. Сохраняя же юлианский календарь и наши Святыи неизменными, только выкинуть 13 дней, так чтобы совпали Месяцесловы – наш и следующих иному календарю, – бесполезно и бесцельно, так как с одной стороны, пропуск стольких дней не оправдывается никакими основаниями – ни церковными, ни научными; а с другой – совпадение Месяцесловов, которое от этого получилось бы, было бы временным, то есть до 2100 года, когда опять возникла бы разница на один день. Но и производить реформу юлианского календаря, как именно научно неточного, и привести таким образом средний гражданский год в большее согласие с тропическим мы считаем ныне преждевременным и вообще лишним. Ибо мы с церковной точки зрения не имеем нужды в перемене календаря, и наука, как утверждают сведущие люди, еще не высказалась решительно о той точности, с которой исчисляется тропический год».

Итак, господствующий голос православного Востока – греческого и славянского – раздается не только против григорианского календаря, как детища враждебного ему католического Запада, но и против нейтрального или исправленного календаря, так

как реформа крайне неблагоприятно отразится на церковной жизни православных народов. Ведь всякое исправление юлианского календаря вызовет нужду в весьма трудном и хлопотливом деле исправления Пасхалии. «Исправить Пасхалию по принципам строго научным едва ли окажется в состоянии и вся совокупность наук нашего времени. А исправление полунаучное может повести к введению Пасхалии или григорианской и близкой к ней, или совсем не похожей ни на григорианскую, ни на православную». Но здесь весьма важный вопрос заключается и в том, кому будет принадлежать почин в исправлении календаря. Рим, конечно, никогда и никому не уступит этой инициативы, которую он и проведет в строго папистском духе. Но в таком случае православный Восток никогда не пойдет под власть Рима, как и доселе он защищал свою независимость относительно календаря. Если же инициатива будет принадлежать Востоку, то заранее и уверенно можно сказать, что он не встретит на католическом Западе сочувствия и содействия в осуществлении своего почина. Симпатии же одного протестантского мира не обеспечат того всемирного единства в летоисчислении, которое является целью календарной реформы. К тому же православный Восток – греческий и славянский – не желает, как показано, никаких календарных реформ. Значит, и в этом случае дело, при современных взаимоотношениях между православным Востоком и инославным Западом, нужно считать почти безнадежным.

Что касается Русской Церкви, то она как Поместная, без предварительного сношения с остальными Автокефальными Православными Церквями и без совместного с ними обсуждения, совершенно не в праве, да и никогда не согласится самостоятельно произвести то или другое изменение в календаре, составляющем общее достояние всех Церквей и имеющем значение для всего православного мира. Для окончательного решения вопроса о григорианском календаре безусловно необходимо сношение нашей Церкви с Автокефальными Церквями православного Востока, и только по общему церковному суду возможна та или иная реформа».

Заслушав доклады, Отдел поручил С. С. Глаголеву и И. И. Соколову «подготовить проект Соборного Деяния по вопросу о календаре. При этом «ввиду невозможности скорого решения вопроса о реформе календаря и применении нового стиля одну Русскою Церковью просить избранную Отделом календарную Комиссию продолжить свои занятия по вопросу о календаре и по закрытии деятельности Священного Собора»¹⁰³. Подготовленный доклад был зачитан С. С. Глаголевым на 73-м заседании Собора¹⁰⁴.

4. Проект Соборного Деяния по вопросу о календаре

С. С. Глаголев: Соединенное заседание Отделов *О богослужении и О правовом положении Церкви в государстве* постановило, что Церковь пока должна пользоваться в своем обиходе старым стилем. Мне поручено изложить следующие основания для сего:

1) Введение нового стиля в гражданской жизни русского населения не должно препятствовать церковным людям сохранять их церковный уклад и вести свою религиозную жизнь по старому стилю. И прежде гражданское новолетие 1 января не мешало Церкви освящать новолетие 1 сентября и вести свой счет от этого числа. И теперь ничто не должно препятствовать Церкви отпраздновать Сретение Господне 15 февраля по новому стилю и 2 февраля – по старому.

2) Но Церковь не только может сохранить старый стиль; она в настоящее время не может перейти на стиль новый. Церковь в своем богослужебном обиходе ведет

своих чад истинным путем: определенными Неделями она готовится к Великому посту, к покаянию, в религиозно-воспитательных целях регулирует жизнь верующих. Введение нового стиля в церковный обиход теперь влечет за собою уничтожение в этом году праздника Сретения Господня и седмицы мытаря и фарисея (11 февраля), но, главное, оно вызывает ряд неразрешимых затруднений по отношению к празднованию Святой Пасхи. Когда ее праздновать? 22 апреля по новому стилю ее праздновать нельзя, так как Пасха, согласно церковным определениям, празднуется после полнолуния, а 22 апреля (9 апреля) приходится пред полнолунием 26 апреля (13 апреля). Пасху по новому стилю нужно будет праздновать 31 марта (18 марта по старому стилю), ибо Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния, если таковое будет не раньше 21 марта. В текущем году полнолуние будет 27 марта (14 марта). Но если праздновать Пасху по новому стилю 31 марта, тогда от настоящего дня (30 января – 12 февраля) до Пасхи (18–31 марта) осталось 48 дней. Как же может быть выполнен Устав о приговорительных Неделях к Великому посту и о Великом посте?

3) Введение нового стиля имеет другую цель – установление единения. Было бы, конечно, весьма утешительно, если бы у христиан разных исповеданий было хотя бы единение в днях празднования. Но в настоящее время переход Русской Церкви на новый стиль прежде всего повлек бы за собой не объединение, а разъединение. Все Православные Церкви ведут свой церковный круг по старому стилю. Это имеет место и в тех странах, например в Румынии, где для гражданского обихода употребляется новый стиль. Поэтому введение нового стиля в Русской Церкви было бы в некотором отношении разрывом ее с другими Православными Церквями. Вопрос о перемене стиля должен стать предметом обсуждения и быть решенным всеми Православными Церквями совместно.

4) К григорианскому стилю нельзя применять правила о праздновании Пасхи. Согласно этим правилам: а) Пасха празднуется непременно после еврейской, хотя бы на один день, б) Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния (21 марта и позже – нового стиля). Но у евреев Пасха празднуется в весеннее полнолуние, если оно будет не ранее 14 марта по старому стилю (27-го – по новому). Отсюда следует, что евреи иногда могут справлять Пасху почти месяцем позже григорианских христиан. Так это было в 1891 и 1894 годах, и в течение столетия, 1851 – 1950 годы, представляется таких 15 случаев. Но такое празднование стоит в противоречии и с историей, и с идеей празднования.

5) Должно признать, что юлианский стиль несовершенен, и несовершенство, относительная неудовлетворительность его была признана уже на Константинопольском Соборе 1583 года, созванном по поводу предложения Папы Григория XIII Патриарху Иеремии II принять новый стиль. Новый календарь нужен, и желательно, чтобы он стал общим календарем народов. Но напрасно думают, что григорианский календарь удовлетворяет требованиям идеального календаря и что против него идет только по религиозному упорству или в любви к рутине. Нет. Календари могут иметь разные задачи. И юлианский, и григорианский календари имели своей задачей дать такое летоисчисление, в котором весеннее равноденствие и времена года неизменно падали бы на те же числа и месяцы. Астрономический год (время от одного весеннего равноденствия до другого) 365 дней 5 часов <48> минут 45–52 секунды (здесь колебание). юлианский год 365 дней 6 часов (ошибка на <11 1/4> минут), григорианский год 365 дней 5 часов 49 минут 12 секунд (ошибка на 1/2 минут). Несомненно, что продолжительность года в григорианском календаре определяется гораздо точнее, чем в юлианском. Но это преимущество – практически, на самом деле бесполезное – получено им

благодаря принесению непоправимых жертв. Задача календаря, во всяком случае, должна состоять в том, чтобы в нем не было несуществующих дней. Между тем, введение григорианского календаря началось с того, что в 1582 году после 4 октября (четверг) стали считать 15 (пятница), 5–14 октября были выброшены. Занимающиеся историей и хронологией легко поймут, как эта операция Григория XIII может затруднять хронологические расчеты. Если 4-е было четверг, значит, пятница была 5-го, 12-го, 19-го, а оказывается, пятница была 15-го числа. Если 4-го было новолуние, значит, полнолуние было 18-го или 19-го, а оно было 28-го или 29-го. Григорианский календарь отличается от юлианского только одним правилом, согласно которому при окончании столетий, то есть когда число годов оканчивается двумя нулями, год будет високосным лишь <в том случае>, если число столетий делится на 4. Это правило просто, и им достигается большая точность григорианского календаря, но им чрезвычайно усложняются вычисления. Историк, хронологу при вычислениях лучше всего забыть о григорианском календаре и делать вычисления по юлианскому, а потом прибавлять соответствующее число дней.

Будучи непригоден для целей исторических, григорианский календарь не удовлетворяет и требованиям астрономическим. Так, еще в 60-х годах прошлого века предложен стиль, по которому в течение 128 лет должен быть 31 високос. По этому стилю ошибка в вычислении годов в течение тысячи лет не может стать более часа. К этому летосчислению можно приспособить православную Пасхалию. григорианский календарь, являясь исторически вредным, оказывается астрономически ненужным.

Введение григорианского календаря в разных странах совершалось далеко не мирным путем, и у нас в Западной Руси велась борьба из-за стилей в течение целых столетий. Православные славяне всегда стояли за стиль юлианский; Австрия стремилась утвердить у подвластных ей славян стиль григорианский, но ей приходилось уступать пред твердостью славян. В 1699 году сербский народ добился права, «да по Восточные Церкви закона греческого и Россиянов обычаю и начину ветхого календаря обряды свободно задержит». Только этого и теперь хочет Русская Церковь от русского правительства, – чтобы она могла свои Церковные Уставы по своему обычаю и начину свободно содержать.

На основании изложенных соображений, *Правовой и Богослужебный* Отделы в соединенном заседании *постановили*: 1) в течение 1918 года Церковь в своем обиходе будет руководиться старым стилем, 2) поручить *Богослужебному* Отделу разработать в подробностях дело применения стилей во всей жизни Церкви.

5. Окончание дискуссии на Соборе и принятие заключительного решения по календарному вопросу

Обсуждение этого проекта было непродолжительным.

М. А. Семенов: Я полагаю бы, что не следует обращать никакого внимания на декреты большевиков и никак на них не реагировать. Я знаю, так очень многие поступают.

Председательствующий: Но ведь к нам обращаются с вопросами и недоумениями, ввиду чего и было дано соответствующее поручение названным Отделам. Итак, угодно ли Собору принять предложенное заключение?

Постановлено: заключение соединенного собрания Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* и Отдела *О правовом положении Церкви в государстве* утвердить.

ГЛАВА V. ПРОБЛЕМЫ ТИПИКОНА

На втором заседании Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*, которое состоялось 5 сентября 1917 года, *митрополит Евлогий (Георгиевский)* сказал, что одной из основных задач Отдела является «благоустройство важнейшей части церковной жизни – православного богослужения. Церковный Устав в своем целом носит на себе печать глубокой идеи и представляет стройное целое, но мы знаем, как он исполняется в настоящее время в церквах. Иногда в исполнении Устава получается нечто изуродованное на почве всевозможных его урезов и сокращений, полное отсутствие каких-либо руководящих начал. Отсюда замечается и повседневное разнообразие в применении Устава, и полный произвол в руководствовании им, и полный беспорядок в церковном богослужении»¹⁰⁵.

Для обсуждения проблем упорядочения богослужения создается Подотдел «О богослужебном Уставе», председателем которого становится архиепископ Симферопольский и Таврический *Димитрий (Абашидзе)*. После двух заседаний Подотдела 12 сентября проблема Устава выносится на общее заседание Отдела. В этой связи, естественно, встает вопрос о пределах полномочий, то есть о том, имеет ли Отдел право изменять богослужебный Устав. А. Ф. Пионткевич сформулировал эту проблему следующим образом: «Надлежит ли Собору касаться пересмотра долженствующего ныне действительного богослужебного Устава, в действительности не соблюдаемого, или ограничиться увещанием о неуклонном его исполнении. С одной стороны, официальное изменение Собором Устава вызовет в народных массах смущение и даже раскол, с другой же стороны, наблюдаемое почти повсеместно отступление от Устава налагает на Собор обязанность принять соответствующие меры и указать на греховность сокращения церковных служб в объеме, граничащем с искажением сущности»¹⁰⁶.

Епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский), ратуя за необходимость точного следования Уставу, однако, полагает, что для приходских храмов «Собор должен определить: уставные сокращения должны простираться до таких-то и таких пределов. Если Собор примет настоящее предложение, то может быть образована комиссия из людей, сведущих в знании Церковного Устава, которая и укажет пределы возможных сокращений в церковно-богослужебном Уставе»¹⁰⁷. По мнению *священника Василия Беляева*¹⁰⁸, разный Устав для сельских и монастырских церквей может вызвать смущение, ибо и сейчас прихожане жалуются на то, что в приходских храмах служат не так, как в монастырских. Поэтому необходим исполнимый Устав, одинаковый для монастыря и для приходского храма.

Н. И. Знамировский указывает на то, что деяние Собора, предлагающее сокращение Устава, будет болезненно воспринято многочисленными ревнителями уставного богослужения. Присоединяясь к предложению епископа *Андроника (Никольского)* о составлении от имени Собора послания, посвященного уставным сокращениям, *Н. И. Знамировский* говорит, что «это послание должно быть преисполнено всяческими похвалами полноте нашего богослужения, похвалами тем обителям и тем приходским церквам, где эта полнота по возможности блюдет»¹⁰⁹.

Здесь также следует упомянуть важную реплику *митрополита Антония (Храповицкого)*, что богослужебный текст может быть предметом проповеди:

«Священник часто теряется и не знает, о чем ему проповедовать. Надо сказать: возьми Служебник и переводы его по-русски. Переводы *Иже Херувимы* – малопонятную песнь для молящихся. Говори о самых простых вещах и изъясняй их смысл и значение. Это толкование богослужения будет умилительным, и народ будет слушать с охотой, слушать без конца»¹¹⁰.

На восьмом заседании Отдела, которое состоялось 10 октября 1917 года, были заслушаны три доклада, подготовленные членами уставного Подотдела.

Во вступительном слове к своему докладу И. А. Карабинов сказал, что он «ставит своей задачей дать историческую справку о происхождении Церковного Устава». При этом профессор делает оговорку, упоминая, что предлагаемый доклад далек от полноты и совершенства как по форме, так и по содержанию. Извиняющим автора может быть разве лишь то обстоятельство, что он не имел под руками при составлении доклада первоисточников. Новая книга по вопросам Церковного Устава профессора А. А. Дмитриевского¹¹¹ была только лишь перелистаана за краткостью времени докладчиком»¹¹².

1. Доклад профессора И. А. Карабинова «О происхождении и истории богослужебного Устава»

Главнейшими причинами, возбуждающими вопрос о реформе нашего богослужебного Устава, именно в смысле сокращения богослужений, являются: 1) продолжительность и сложность его последований; 2) несоответствие некоторых из этих последований или их частей задачам и назначению этих последований вследствие изменившейся практики; 3) и самое главное, монастырское происхождение нашего Устава. Монашеский характер нашего Типика удостоверяется как всем его содержанием, так и его заглавием: содержание почти всюду говорит об исполнителях богослужения – лицах монашеского звания, а в заглавии наш Устав называется Типиком *во Иерусалиме святых Лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы*. В рукописных Типиках с XIV века помещается любопытное наставление, читающееся и в наших старопечатных Уставах, о том, «чтобы настоятель со всем тщанием соблюдал и не опускал ничего находящегося в типике», где излагается такая генеалогия нашего Типика: «Церковное последование, чин и порядок установлены во свв. обителях и лаврах Евфимия Великого, Саввы Освященного, Феодосия Общежительного, Герасима на Иордане, Харитона Исповедника и Кириака Отшельника, которые взаимно перенимали это друг от друга как некое наследие, позднейшие – от своих предшественников, подобно сыновьям от отцов... А чтобы при устной передаче и за давностью времени типик не пришел в забвение, подвижный божественной ревностью великий Патриарх Иерусалимский Софроний передал его последующим поколениям письменно. Когда же варвары сожгли святую лавру Саввы Великого и писание блаженного Софрония сделалось добычей огня, богомудрый Иоанн Дамаскин, подобно трудолюбивой пчеле, собрал сладчайшие соты и мед священного отеческого Предания, – от того времени они хранятся и доселе во всяком роде».

Несмотря на ясное и категорическое заявление заглавия и содержания нашего Типика об его палестинско-монашеском происхождении, такие заявления следует принимать с большими оговорками. Прежде всего, наш Устав далеко не однороден по своему источнику, его нельзя назвать чисто палестинским: это Устав сводный, образовавшийся путем объединения двух богослужебных практик – иерусалимской и константинопольской. Затем, ни один из этих двух источников не является строго

монашеским. Константинопольские богослужебные обычаи, запечатлевающиеся в нашем Типике, принадлежат Великой (соборной) церкви Константинополя – Святой Софии; палестинский же источник нашего Устава в своей первооснове представляет собою богослужебные порядки тоже соборного храма города Иерусалима, то есть храма Воскресения. Устав этого храма, по-видимому, первоначально перенят был иерусалимскими монахами, толпы которых наполнили Святой Город уже в самое первое время после открытия иерусалимских святых мест при императоре Константине Великом и которые принимали самое деятельное участие в тамошнем богослужении. В VI веке Иерусалимский Патриарх святой Илия дал этим иерусалимским монахам некоторую организацию, устроив для них в Иерусалиме, недалеко от храма Воскресения, особый монастырь во имя Богородицы, так называемый *Στοιβή* от коего и сами монахи получили название спудеев. Заимствовав богослужебное правило от храма Воскресения, спудеи конечно должны были несколько увеличить его строгость применительно к своему монашескому укладу жизни. От спудеев, быть может, Устав храма Воскресения перешел в монашеские обители, когда-то изобиловавшие в окрестностях старого христианского Иерусалима, в том числе и в лавру святого Саввы Освященного, а затем и в другие более отдаленные монастыри Палестины и Сирии.

Что такое заимствование Иерусалимского богослужебного Устава даже палестинскими и притом ближайшими к Иерусалиму обителями происходило не в особенно отдаленную эпоху, свидетельствует, между прочим, тот факт, что до нас сохранился <...> древний Часослов лавры святого Саввы: содержащиеся в нем чины суточных служб по своему составу и порядку далеко не совпадают с нашими службами, большая часть коих, вероятно, принадлежит храму святого Воскресения. Из Палестины с уставами вообще монашеского жития Иерусалимский Типик распространился и по другим местам Древней Восточной Церкви, в том числе и в Константинопольском Патриархате. Помимо более или менее целостного усвоения здешними монастырями Иерусалимский Типик отдельными своими элементами начинает просачиваться в богослужебную практику и мирских церквей Константинопольской области. Любопытными показателями этого просачивания служат памятники Устава в Константинопольской Церкви. Древнейшие из них, IX–X веков, еще не содержат почти ни одного иерусалимского обычая; в памятниках X–XI веков эти обычаи уже есть, но они большею частью единичны; в памятниках XI–XII веков количество <иерусалимских обычаев> значительно увеличивается. Что же касается памятников XIII века, то из них часть уже предлагает совершителю богослужения на выбор отправлять его так, как поведует *ὁ ἐκκλησίασις*, или же как указывает *ἀγιοπολίτης*. В конце XIII века Устав константинопольской Софии твердо соблюдался уже всего лишь в двух соборных храмах Салоник и Афин. Распространению Иерусалимского Устава в мирских церквях Константинопольского округа, помимо великого влияния монастырей, много содействовали еще и некоторые особенности самого Иерусалимского Типика: *во-первых*, у него были некоторые особенные, производящие сильное впечатление последования для выдающихся памятней, например для Страстной седмицы (последование Святых Страстей и часов Великого Пятка); *во-вторых*, службы по иерусалимскому обычаю изобиловали разнообразными песнопениями в форме стихир, канонов и так далее, тогда как богослужение по константинопольскому чину первоначально употребляло церковные песнопения в очень ограниченной мере, например Константинопольский Типик IX–X веков знает еще почти одни тропари и Акафист Богородице. <...> Думают затем, что распространению и утверждению Иерусалимского Устава в пределах Константинопольского Патриархата весьма много содействовало взятие

Константинополя крестоносцами в 1204 году. По мнению некоторых литургистов (начиная с блаженного Симеона Солунского), это событие, вызвавшее на время прекращение православного богослужения в константинопольской Софии, повлекло за собою вообще упадок константинопольского богослужебного ритуала как в столице, так и в провинциальных городах. По представлению этих литургистов, окончательной победе Иерусалимского Устава над Константинопольским много содействовала допускаемая первым сравнительная простота исполнения богослужения: в то время как Константинопольский Устав всюду всегда требует для совершения богослужения певцов, в богослужении по Иерусалимскому Типику можно ограничиться просто чтением. Довольно верный относительно позднейшей богослужебной практики по Иерусалимскому Уставу этот взгляд ошибочен в отношении к старейшему его исполнению: древнее иерусалимское богослужение, подобно константинопольскому, все исполнялось певчески, о чем свидетельствуют даже позднейшие наши Уставы, говорящие о пении шестопсалмия, кафизм и тому подобных частей.

Указав троякий источник нашего богослужебного Устава, можно далее в грубых чертах и с приблизительной точностью наметить отдельные его элементы, относящиеся к каждому из указанных источников. В обширном и сложном содержании Типика различаются следующие наиболее существенные его стороны, или части: *во-первых*, круг последований суточного богослужения; *во-вторых*, богослужебный календарь, то есть системы богослужебных памятей неподвижных и переходящих; *в-третьих*, особенности в порядке богослужения отдельных памятей или целых богослужебных периодов и, наконец, некоторые составные части богослужения, именно: чтения (и прежде всего паримии, апостольские и евангельские зачала) и песнопения (разумеется стихословие Псалтири и затем произведения христианских песнотворцев). Из перечисленных элементов в нашем богослужебном Уставе на долю древнего *Святогробского* Типика приходится, во первых, главнейшие службы суточного круга, именно: последования утрени, вечерни, часов и, вероятно, повечерия. Все эти службы построены очень сходно и сравнительно просто: единство лежащей в основе их схемы затемняется позднейшими прибавками и осложнениями, а также допущенным уже издревле соединением нескольких совершавшихся рядом служб в одну. В наиболее чистом виде иерусалимская схема суточных служб выступает в последованиях часов: ее основу составляют три псалма. В последовании *вечерни* эта древняя схема осложнена прибавкой так называемого предначинательного псалма, то есть 103-го – *Благослови, душе моя, Господа*. Старинная иерусалимская трехпсалмная основа – псалмы 140, 141 и 129, увеличенная прибавкой краткого псалма 116, в нашей богослужебной практике за исключением 2–3 первых стихов почти повсюду игнорируется. В чине *утрени* древнюю иерусалимскую схему трудно различить, на первый взгляд, вследствие того, что данная служба <...>, образовавшаяся путем соединения двух служб: полуденной, основой которой является так называемое шестопсалмие, и утрени в собственном смысле, совершавшейся на заре при рассвете. Начало этой второй службы совпадает с хвалитными псалмами, от коих в нашем обычном богослужении фигурируют такие же небольшие обрывки, как и в псалмах вечерни. Тождество в построении древних иерусалимских вечерни и утрени особенно бросается в глаза, если мы возьмем наше будничное исполнение этих служб: единственным различием между ними окажется тогда едва ли не один лишь прокимен вечерни – <один из> древнейших стихов пасхальной службы. *Повечерие* в его древнейшем размере, то есть в последовании нашего великого повечерия, представляет собою соединение последований ночных часов. Его основу составляют первые шесть его псалмов, которые

старинными памятниками Иерусалимского Устава называются – подобно утренним, или, точнее полуночным шести псалмам, – тоже шестопсалмием. 12 псалмов этих двух шестопсалмий, по-видимому, составляют 12 псалмов дневных часов. Кроме чинов служб суточного круга, в наш Типик из древнего Святогробского богослужебного ритуала перешли некоторые особенности богослужения отдельных памятей, преимущественно дней Страстной седмицы и Пасхи (последование Святых Страстей и часов Великого Пятка), небольшая часть апостольских и евангельских чтений (преимущественно опять-таки Страстной седмицы), затем устав стихословия Псалтири <Устав о Псалтири, како глаголати во все лето> «писаны по повелению блаженного отца Ноя, епископа христоролюбивого великого града Тивериады, рукою Феодора, диакона Святого Воскресения Христова», «псалмопение, как поем в святом храме Христа Бога нашего Воскресения» и, наконец, старейшие и лучшие песнопения для праздничных и вообще выдающихся памятей. В богослужебном календаре нашего Устава прямые заимствования из древнего Святогробского Типика указать трудно: наиболее выдающиеся иерусалимские памяти (например, 13–14 сентября, 5 декабря) весьма рано вошли в константинопольский богослужебный календарь и перешли в наш Типик чрез посредство последнего.

Из Константинопольского Устава в наш Типик перешли, во-первых, богослужебный календарь, затем описание апостольских и евангельских начал за небольшими исключениями, подбор праздничных паримий, некоторые песнопения, например, большая часть прокимнов, причастнов и тропарей и некоторые особенные гимны (херувимские песни), наконец, особенности в порядке большинства праздничных дней. Константинопольский богослужебный строй несколько изменил порядок иерусалимских чинов утрени и вечерни: в наиболее чистом виде этот иерусалимский порядок выступает в нашем будничном богослужении, в праздничном он искажается несколько внесением сугубой ектении непосредственно вслед за вечерним и утренним гимнами, как она стояла в константинопольских чинах названных служб. Двоичным источником нашего чина утрени объясняется тот несколько загадочный факт, что наш Часослов содержит две различные версии утреннего гимна: первая из них, праздничная, – константинопольская, вторая же, так называемая будничная, – иерусалимская.

Наиболее важные прибавки и осложнения, внесенные в наш строй богослужения монахами, суть следующие. В систему суточного круга ими вставлены были некоторые последования их келейного правила, каковы междочасия, полагающиеся нашим Уставом в посты – Апостольский и Рождественский и в другие будничные дни года, когда поется *Аллилуиа*, затем полунощница и, наконец, так называемое последование изобразительных, являющееся чином причащения в келлии или храме в том случае, когда не совершается Литургия.

Старинные списки так называемого Иерусалимского Устава или совсем не упоминают о междочасиях и полунощнице, или же говорят о них как о келейных последованиях, и лишь типики, предназначавшиеся для общежительных монастырей, вводят их в расписание служб суточного круга, но всегда почти отличают их по значению от основных и древнейших служб суточного круга (утрени, вечерни и Литургии) местом их совершения: в то время как для последних таким местом является храм, для первых обычно указывается его притвор, или придел, или какой-либо второстепенный монастырский храм (например, монашеская усыпальница или, наконец, просто трапеза). Нужно заметить, <что> такое же различие для некоторых богослужебных мест проводится старинными типиками между перечисленными древнейшими службами и другими последованиями суточного круга также основными, но несколько более поздними по происхождению – часами и повечерием. Следы этого различия сохранились

отчасти в предписаниях нашего Типика отправлять в некоторые дни часы в притворе и твердо держатся в современной афонской богослужебной практике, где, за некоторыми исключениями, повечерие и часы совершаются в притворе. Затем, монашеское влияние в богослужебной стороне нашего Типика, вероятно, сказалось в значительном усилении дисциплинарных предписаний о коленопреклонениях в будничные дни, *егда поем Аллилуиа*.

В современной богослужебной нашей практике действие типикарных правил о поклонах и *Аллилуиа* ограничивается лишь Святой Четырнадцатницей, но даже наш Типик совершенно определенно предписывает применение этих правил в посты Апокалиптический, Рождественский и довольно ясно говорит о возможности такого применения и в остальное время богослужебного года. Древность так именно и поступала – распространяла данный Устав на все дни, когда Типик полагал петь *Аллилуиа*, даже и в непостные дни, за исключением Пятидесятницы и дней, окружающих великие праздники Рождества Христова и Богоявления. В старинном монашеском исполнении богослужение с *Аллилуиа* в значительной мере приближалось к домашнему или келейному, хотя оно совершалось и в храме, но священнослужители за ним не употребляли никаких священных одежд (за исключением, конечно, Литургии) и не входили в алтарь. Количество великих, или земных поклонов в нашей современной практике за богослужением с *Аллилуиа* значительно сокращено отчасти в позднейшее уже время, например Патриархом Никоном, поменявшим¹¹³ в 1653 году под влиянием приезжих восточных иерархов свою *Памятью о поклонах* прежнюю правильную русскую практику: по старинному монашескому обычаю не только все поклоны с молитвою Ефрема Сирина, но и во всех тех случаях, где Устав богослужения с *Аллилуиа* говорит о поклонах или метаниях, нужно разуметь земные поклоны. Все такие указания Устава возникли, кажется, из стремления облегчить путем разложения на части то большое количество коленопреклонений, какое возлагалось на монахов¹¹⁴ в старину в праздничные дни; старинные, так, например, Иерусалимские Уставы, определяют это количество в 300 поклонов, поэтому и служба прямо с пением *Бог Господь*, являющаяся в нашей современной богослужебной практике часто будничной, но отменяющая поклоны, для древнего монаха была праздничной.

Далее, из монашеского богослужебного строя, вероятно, перешла в наш Типик большая часть дополнительных всякого рода <особенностей>, так, например, *всенощного бдения*. Прототипом его было, несомненно, общехристианское пасхальное бдение, выродившееся в нашу великосубботнюю Литургию; в IV веке в иерусалимском храме Святого Воскресения совершались еще чрезвычайные и также с участием всех христиан бдения Великого Пятка, послужившие основой для современного *чина Святых Страстей*, и еще, быть может, бдение на Рождество Христово. В конце IV и начале V веков на Востоке, по свидетельству Кассиана <Римлянина>, повсюду совершались бдения на воскресные дни, якобы в подражание апостолам, бдвшим в ночь Воскресения Христова, но в действительности, вероятно, просто по образцу пасхального бдения.

Описанный выше сводный обычно, как например, Иерусалимский Типик, в своем историческом существовании имел не единственную лишь ту его строгую версию, которой пользуемся в настоящее время мы, но *несколько различных версий*. Одной из этих версий, значительно смягченной, является знаменитый Студийский Типик: в отличие от спудской ветви Иерусалимского Устава, увеличивающего в праздничные дни объем и состав богослужения, Студийский Устав, предназначавшийся для монашеского общежития, где братия была занята разнообразными довольно тяжелыми физическими работами, значительно сокращает его: например, Студийский Устав не знает

рядовых бдений, отменяет во все дни с *Бог Господь* часы и поклоны, сокращает вечерне и т. д.

К Студийскому Уставу в значительной мере примыкает старинный Устав Святой Горы, в своем древнейшем виде являющийся, по-видимому, просто отраслью Студийского Устава. Известна затем и другая старинная ветвь Иерусалимского сводного Устава, более строгая по сравнению со Студийским Уставом, но несколько более мягкая, чем употребляемая теперь у нас версия, – такая ветвь дошла до нас в Типике константинопольского Евергетидского монастыря. Этот Типик знает бдения, но несколько особой формы сравнительно с предписываемой нашим Уставом: между вечерней и утренней там вставляется *панихида* – особое повечерие по образцу такой службы Великой Константинопольской церкви с каноном Богородице. Затем данный Устав указывает совершать часы в общем братском собрании лишь в посты Четырехдесятницы, Апостольский и Рождественский (для последних двух постов – в притворе), в остальное время года эти службы поются по келлиям, а в Пятидесятницу, кажется, совсем отменяются.

В настоящее время представляется совершенно невозможным проверить справедливость предания о первоначальных записях Иерусалимского Типика, сделанных будто бы святым Патриархом Иерусалимским Софронием и Иоанном Дамаскиным: древнейшие сохранившиеся до нас рукописи этого Устава не восходят далее XII века. Затем мы имеем небольшие отрывки из древнего Иерусалимского Типика в сочинениях преподобного Никона Черногорца (конец XI века), который получил этот Типик от настоятеля Спасского монастыря в Лаодикии. Текст этих отрывков стоит очень близко и часто совпадает с текстом позднейших, например иерусалимских, типиков. Наконец, у нас есть известие, по-видимому, о сирском переводе Типика святого Саввы X века. Дошедшие до нас рукописи Иерусалимского Устава содержат в себе несколько его версий, относящихся к разным местам и временам и отличающихся между собою и в форме, и в порядке изложения, а отчасти и в самом содержании применительно к назначению того или иного списка или версии: так, намечаются довольно явно редакции палестинская, синайская, святогорская и другие. Установить, лежит ли в основе данных редакций какой-либо общий источник в виде определенного текста или памятника, пока не удастся, так как такая работа требует долгого кропотливого изучения и сравнения весьма многочисленных рукописей Иерусалимского Типика, рассеянных по библиотекам Востока и Запада. Но для некоторых глав Типика такой старинный письменный первоисточник можно предполагать с большою вероятностью ввиду того, что эти главы помещаются во всех списках Иерусалимского Устава и изложение их в различных списках очень сходно и нередко переходит в буквальное совпадение. Такими главами в нашем Типике являются главы 2-я и 9-я о всенощном бдении и о порядке суточного богослужения в будни. Весьма возможно, что в них переработан какой-либо оригинал палестинского происхождения.

До XV приблизительно века Русская Церковь руководилась в своем богослужении Студийским Уставом. Переведенный по поручению преподобного Феодосия для его обители и распространившийся первоначально по монастырям, этот Устав, по-видимому, скоро принят был и в мирских храмах древнерусской Церкви. От XII века мы имеем список Студийского Типика, правда несколько сокращенный и дополненный некоторыми богослужебными обычаями по Уставу Великой Константинопольской церкви, изготовленный для Новгородской Софии тамошним архиепископом Климентом. Удерживая так долго Студийский типик, Русская Церковь в своем богослужебном развитии весьма сильно отставала от греческой Церкви – там Студийский Устав был, по-видимому, редким явлением уже в XIV веке, и то в захолустных и окраинных

местностях. Повсюду получала преобладание строгая версия Иерусалимского Устава, даже в самом Студийском монастыре. В начале XIV века старый Иерусалимский Типик переведен был сербским архиепископом Никодимом на славянский язык с греческого оригинала, полученного переводчиком из цареградского монастыря Предтечи, под коим с большою вероятностью подразумевают Студийскую обитель. В XIV же и начале XV веков появилось несколько переводов Иерусалимского Устава, сделанных русскими. Один из этих переводов, принадлежащий ученику Преподобного Сергия преподобному Афанасию Высоцкому, получил преобладание над другими переводами и с теми или иными изменениями и дополнениями перепечатывался в московских изданиях Типика при первых пяти Патриархах. Первое правленое издание Типика, по сравнению с другими правленными богослужебными книгами, появилось довольно поздно – уже при Патриархе Иоакиме в 1682 году. Ставшее необходимым ввиду несоответствия прежних изданий Устава новоправленным книгам, исправление Типика было поручено Патриархом (Собором русских святителей) особой комиссией, составленной из опытных в Уставе монахов во главе с лучшим справщиком – чудовским иноком *Евфимием*, учеником Епифания Славинецкого.

Основой для правленного текста справщики взяли московское издание Типика 1641 года, <осуществленное> при Патриархе Иоасафе. Источниками и пособиями для них <послужили> Филаретовское издание Типика 1633 года, еще довольно близкое к чистой версии афанасьевского перевода, какой-то харатейный славянский список Иерусалимского Устава, вероятно, из хранящихся в Московской Синодальной библиотеке, анфологион (праздничная Минея), изданный во Львове и правленный по греческим печатным изданиям, затем новоправленные книги московской печати – Октоих, Триоди, Служебник, Часослов и Псалтирь. Из греческих источников справщики весьма много пользовались печатными венецианскими Минеями, служащими почти образцом для месяцесловной части Типика, <и> отчасти лишь опять-таки печатным Уставом. После первой основной sprawy перебеленный экземпляр Типика подвергнут был вторичному исправлению в той же комиссии справщиков. Затем эта вторая версия правленного Типика читалась на Соборе епископов, и здесь в нее внесены новые поправки. Наконец, одобренная и скрепленная подписями членов Собора, третья версия правленного Типика напечатана была в издании его 1682 года. Таким образом, наш Типик является не просто руководством к правильному совершению богослужения, но в известной мере и его законодательной нормой. В 1695 году вышло второе издание Типика с новыми исправлениями, сделанными в соответствии с выпущенными в Москве за указанный промежуток времени правленными Минеями. С незначительными изменениями издание 1695 года перепечатывается и доселе. Признать наш Типик, несмотря на произведенные в нем исправления, свободным от дефектов далеко нельзя – находят ошибки в его переводах тропарей и кондаков, считают этот перевод даже ухудшением текста 1682 года¹¹⁵, практики отмечают неполноту и неопределенность его предписаний; можно указать далее в нашем Типике ошибочные мысли (об откровении глав), отступления от старинной практики (21 ноября), противоречия (полунощница Фомина понедельника) и проч. Так что новая проверка и исправление текста нашего Устава представляется делом необходимым.

Нужно заметить, что Русская Церковь, усвоив в XIV и XV веках <...> Иерусалимский Типик, до конца XVII века исполняла его в рамках и обычаях прежнего своего Студийского Устава. Так <например>, она совершенно почти не знала ни иерусалимских в строгом смысле, ни современных наших всенощных бдений. Некоторые монастыри совершали иногда всенощные бдения, но в порядке, напоминающем скорее

еврегетидские бдения. Эти бдения состояли из ряда ночных служб – вечерни, повечерия, полунощницы с канонами и утрени – иногда в этот ряд вставлялся еще и канон за творящих милостыню. Обычно же по монастырям и соборным храмам служились в свое время раздельно вечерня и утрени; не особенно часто совершались там и всенощные бдения по Иерусалимскому Уставу, но начинавшиеся около 12 и 1 <часа> ночи. Современные всенощные бдения появились в московском Успенском соборе, по-видимому, лишь при Патриархе Никоне, едва ли не под киевским влиянием. Первоначально они совершались очень редко и начинались далеко не так рано, как ныне – в 8 часов вечера. Такое позднее время для <совершения всенощных бдений> по крайней мере официально держалось в нашей богослужбной практике в XVIII и значительной части XIX века.

Из представленного беглого и сжатого обзора исторического прошлого нашего Типика можно, думается, вывести следующие заключения, с коими нельзя не считаться при реформе нашего богослужбного строя:

1. Действующий ныне у нас Типик по своему происхождению не является чисто монашеским произведением.

2. Как сочетание двух весьма важных древних богослужбных традиций – Церкви Константинопольской, нашей Матери, и Церкви Иерусалимской, имеющей общехристианское значение, славившейся своими богослужбными порядками еще в IV веке и оказавшей весьма сильное влияние на богослужение почти всех Древних Церквей, богослужбный строй, заповедуемый нашим Типиком, имеет в общем большую ценность.

3. Пересмотр и проверка текста нашего Типика по примеру исправлений 1682 и 1695 годов необходимы.

4. В исполнении типикарной богослужбной нормы в храмах мирских можно сделать некоторые послабления, но при этом следует всячески остерегаться руководства исключительно практическими соображениями и символическими изъяснениями богослужения, так как эти точки зрения могут привести к искажению последнего, и необходимо считаться с первоначальными задачами и целью каждого последования и его историческим прошлым.

5. Ввиду того, что современная богослужбная практика нередко опускает в различных последованиях такие их части, которые с исторической точки зрения являются основными и существенными (например, псалмы вечерние и утренние хвалитные), следовало бы восстановить исполнение подобных частей.

† 2. Доклад профессора-священника В. Д. Прилуцкого «О неурядицах в современной богослужбной практике»¹¹⁶

При лечении болезни, прежде чем применять те или иные средства, необходимо бывает предварительно распознать саму болезнь, или, выражаясь языком медицинским, поставить диагноз болезни. Главная задача Подотдела «О богослужбном Уставе» – изыскание мер к упорядочению нашей богослужбной практики, урегулирование ее такими нормами, которые способствовали бы поднятию богослужения на надлежащую высоту. И в этом важном деле, прежде чем принимать те или иные средства, надлежит установить, в чем же, собственно, сказывается беспорядочность современной богослужбной практики, против чего должны направляться те или иные положительные меры. И здесь требуется своего рода диагноз.

На неурядицы в нашем богослужении указывалось давно и много раз. Немало пришлось выслушать горьких сетований по этому поводу и в собраниях нашего Подотдела. Но высказываемые печатно или устно заявления о неурядицах в богослужбной практике носят в большей части случайный характер и, кроме того, лишены более или менее твердых объективных оснований, а от этого подобные заявления не всегда даже согласуются одно с другим. То, что принимается одним за беспорядок, у другого получает иное освещение, и наоборот. То же явление наблюдается и в практической деятельности самих совершителей богослужения, ревнующих об упорядочении церковных служб: меры, принимаемые в этом направлении одним, вызывают отрицательное к себе отношение у другого и т. п. Причина всего этого, по нашему мнению, заключается в том, что как при суждениях об упорядочении церковных служб, так и при осуществлении разных мер к водворению богослужбного порядка руководствуются более личным вкусом, переживаемым настроением, иногда даже воспоминаниями из светлой поры детства, и в то же время забывают об одном единственно твердом и непререкаемом критерии, именно – о нашем Церковном Уставе, или Типиконе. Этот источник, по нашему мнению, и должен служить точкой отправления при суждениях о богослужбных нестроениях; только стоя на точке зрения Церковного Устава, можно рекомендовать и разные меры к улучшению наших богослужбных обычаев.

С постоянными обращениями к Типикону я и хотел бы сделать указания на те богослужбные неурядицы, которые следовало бы иметь в виду нашему Подотделу при определении мер к улучшению богослужбной практики. Не претендуя на исчерпывающую полноту, я хотел бы затронуть лишь самое общее.

Время совершения богослужения

Прежде изложения порядка той или иной церковной службы Типикон обычно указывает время ее начала. Указания эти имеют в виду характер и назначение службы, разные времена года, особенности группировки суточных последований в некоторые великие праздники и посты и, наконец, физические силы молящихся. Одни из этих указаний выражены путем описательным, другие – через точное обозначение дневных или ночных часов по восточному исчислению. Указания первого рода чаще встречаются в первой (общей) части Устава, где дается общий порядок суточных – как праздничных, так и будничных – служб. Вот некоторые из относящихся сюда типиконных выражений: *Прежде солнечнаго захождения, По еже зайти солнцу мало, Прежде вечера мало, В утрии* – и некоторые другие. Употребляя такого рода выражения, Устав соотнобразится с разной длиной дня и ночи в различные времена года. В месяцесловной и триодной частях Типика мы чаще встречаем обозначение времени начала служб через точное указание на часы: *При часе седьмом дне, О часе десятом ноци, В начале втораго часа дне знаменуем в кампан* и т. п. В некоторых случаях Устав показывает и время окончания богослужения: *подобает же еkkлeсиарху, и сие смотри прилежно, да егда повечерия отпуцут, быти знамению дне, сиречь прежде сомрака* (понедельник, 1-я седмица Поста) или: *подобает же еkkлeсиарху имети опаство, да егда скончавается литургия* (в Великую Субботу), *будет час яко вторый ноци*. Что касается Литургии, то Типикон определяет и время начала и время окончания ее, отводя на эту службу (как это ни странно) один час (см. 8-ю главу Типикона). Как видно, Церковный Устав, предоставляя некоторую свободу в определении времени для начала рядовых – как праздничных, так и будничных – служб, с большой настойчивостью берет под свой контроль время совершения богослужения в некоторые нарочитые праздники и преимущественно в посты. Почему так? Главным образом

потому, что в такие праздники и посты суточные последования группируются иначе, чем как это бывает в обычное время, к тому же значительно, когда меняется и самый характер службы таких дней. Очевидно, уставное время для начала нарочитых праздничных последований не соответствовало бы самой идее таких последований, лишало¹¹⁷ бы их присущего им колорита. Принимаются при этом во внимание и физические силы молящихся. Так, в некоторые великие праздники Уставом предписывается совершать Литургию *порану – труда ради бденнаго*. Так относится к богослужебным терминам наш Типикон. И что представляет из себя в этом отношении действующая практика? Мы не станем говорить об обычных службах суточного круга в будние и большую часть праздничных дней. То разнообразие, которое наблюдаем мы по разным храмам во времени начала вечерни и утрени, еще так или иначе может быть оправдано неопределенными указаниями Типикона: *Мало к вечеру* или *Во утре*. И вечер и утро имеют по несколько часов и потому и начинать вечерние и утренние службы можно в разные часы.

Но мы решительно отказываемся подыскивать более или менее удовлетворительные объяснения тем нарушениям Устава, которые касаются времени начала службы в некоторые нарочитые праздники и в Великий пост. Из нарочитых праздников Типикон в этом отношении выделяет навечерия Рождества Христова и Богоявления. В эти праздничные дни службы распределяются по часам дня и ночи в нашем Уставе так: в 8 часов утра (по восточному – во 2-м часу дня) полагается начало так называемых царских часов, в 1 ч. дня (по восточному – при часе 7-м) – великая вечерня с Литургией Василия Великого и, наконец, в 4-м часу ночи (в 10 часов ночи) – великое повечерие с утреней. Что же мы видим в практике как городских, так и сельских храмов? Обычно в навечерия Рождества Христова и Крещения служба совершается в два, так сказать, приема: утром – часы, вечерня и Литургия, вечером – повечерие с утреней. Важнейшая из этих служб – праздничная вечерня – отправляется около 9–10 часов утра, а иногда и того раньше. Если же навечерие названных праздников падает на субботу и воскресенье, то вечерня совершается тоже с Литургией и совершается сразу после нее. Хотя по Уставу между этими двумя службами должен быть перерыв для вкушения пищи, *яко да не наречется пост*. И кто знает, не в этом ли нарушении Устава о времени начала для рождественской, например, вечерни кроется одна из причин малоизвестности и малопосещаемости этой торжественнейшей в церковном круге службы. Мы как бы не хотим подчеркнуть ее необъятность во времени начала и тем самым низводим в разряд заурядных богослужений. То же следует сказать и о службах великопостных и в особенности о богослужении Страстной седмицы. У нас нет единообразия во времени для начала даже таких выдающихся по своей духовной красоте и наиболее посещаемых богомольцами богослужений, как вечерня Великой Пятницы или великосубботняя Литургия. В кафедральных храмах и в некоторых обителях обе эти службы начинаются хотя <бы> приблизительно в уставное время. Но в приходских церквях, как городских так и сельских, в данных случаях руководствуются очевидно ложно понимаемым выражением: *якоже изволит настоятель* и начинают эти службы далеко не в уставное время. В некоторых храмах вечерня Великой Пятницы служит сразу после часов задолго даже до полудня, а великосубботняя Литургия даже оканчивается за несколько часов до того времени, когда она должна по Уставу только начинаться.

На все эти беспорядки следует обратить внимание и принять меры к введению большего единообразия во времени начала таких выдающихся служб нашего круга.

Пусть эти немногие службы начинаются в уставное время и пусть это делается так же строго охраняемо на практике, как это мы видим в отношении к пасхальной, например, утрени.

Группировка церковных служб

Чинопоследования служб суточного круга редко совершаются в отдельности, но обычно соединяются в те или иные группы. В обычное время Устав придерживается одной системы, но в некоторых случаях отступает от нее. Такие отступления применяются Уставом, опять-таки, или для особо великих праздников, или для постов. Очевидно, в данном <случае> Церковный Устав имеет нарочитые цели: или подчеркнуть и усугубить величие праздника, или содействовать проведению и исполнению своих предписаний о посте. Практика не всегда в данном отношении следует предписаниям Устава. Всем нам известны неуставные способы группировки службы в будние дни, а также во дни постов. Теперь не только в домовых церквях, но и в соборных, а иногда и в монастырях будничная утренняя соединяется с вечерней, что ослабляет разницу между буднями и праздниками. Известно также, что подобное соединение допускается и в дни Великого поста, через что, быть может, ослабляется степень воздействия на душу молящихся великопостных служб.

Применяя различную группировку служб в зависимости от праздников и постов, Церковный Устав в иных случаях совершенно опускает некоторые церковные последования. Это прежде всего нужно сказать о полной Литургии в дни Великого поста. Уставная отмена полной Литургии для великопостных будних дней всецело зиждется на каноническом основании (Лаод. 49, и Трулл. 52), тем не менее известны случаи отступления и от этого предписываемого Уставом и канонами порядка. Подлежат периодической отмене и некоторые последования келейного характера, как например междочасия, повечерие, полунощница. Но первые из названных чинопоследований у нас почти нигде не совершаются, а Устав о дальнейших не соблюдается в точности.

О строе службы

Для усиления значения поста в жизни христианина наш богослужебный строй для постных дней назначает службы, выделяющиеся своими особенностями. Наиболее заметные из них это пение *Аллилуиа* и поклоны с молитвою Ефрема Сирина. На практике эти особенности блюдутся в отношении лишь великопостного богослужения. Службы других постов у нас ничем уже не отличаются от обычных, хотя по Уставу и эти службы имеют отличия, приближающие их к великопостному богослужению. Нам нигде не приходилось слышать богослужение с *Аллилуиа* и молитвою Ефрема Сирина в будние дни Филиппова и Петровского постов. Многие даже и не подозревают, почему на некоторые числа ноября и декабря положены первыми стихирьы Богородице, и иногда поют эти стихирьы, не применяя других положенных по Уставу особенностей для таких служб. И кто знает, не через это ли опущение уставных требований посты Филиппов и Петровский нарушаются у нас с большей легкостью, чем режим великопостный.

Местонахождение священнослужителей при отправлении некоторых служб

При всех службах местом стояния священника и диакона у нас является алтарь. Сюда приходят священнослужители еще перед началом богослужения и остаются здесь во все время его совершения, исходя лишь для произнесения ектений, каждения и для так называемых входов. Между тем, по Церковному Уставу, алтарь оказывается

местом постоянного пребывания священника лишь при совершении Литургии. В отношении к прочим службам алтарь для священника своего рода *святая святых*, куда он входит лишь несколько раз для совершения тех или иных священнодействий. Так, на всенощном бдении священник входит в алтарь не более, кажется, шести раз, на будничной же вечерне всего лишь один раз и два раза на будничной утрени. Такие же службы, как часы (в отдельности от Литургии), полунощница и повечерие, совершенно и не предполагают входа священнослужителей в алтарь. Такое местостояние священника за богослужением, имея за собою исторические основания, проникнуто и глубокой идеей. Священник входит в алтарь как дерзновенный ходатай за предстоящих в церкви, или с кадилом для воздаяния чести святыням алтаря, или в такие моменты службы, какие являются молитвенными по преимуществу. Сравним нашу практику с Уставом и увидим ее полное несоответствие с ним.

Сокращение Устава

Самым ярким и наиболее чувствительным нарушением Устава в современной практике является его сокращение. Сокращение богослужебного Устава, в своей основе вызванное, конечно, необходимостью, сделалось теперь явлением как бы даже законным, своего рода обычным правом. Такого рода сокращения не только не вызывают какого-либо соблазна, но едва ли для большинства даже самих совершителей богослужения и заметны.

Для некоторых же сокращений имеется к тому же некоторое основание в узаконенных высшею властью церковнопевческих сборниках, или так называемых Обиходах. О сокращениях этого рода мы подробно говорили в одном из предшествующих своих докладов, теперь же сделаем лишь некоторые общие упоминания. Таковы, например, пение вместо всего предначинательного псалма на бдении 4 или 6 стихов из него; пение 6-ти стихов первого антифона первой кафизмы; чтение, а не пение двух прочих антифонов той же кафизмы; пение двух первых стихов с припевом: *Услыши мя, Господи* из так называемых возванных вечерних псалмов, вместо исполнения их в целом виде; постоянная замена 17-й кафизмы на утрени полиелейными псалмами <и>, в свою очередь, сведение этих псалмов к четырем <первым> стихам; замена библейских песен канона припевами и чтение, <а не> пение канонных тропарей, опущение второй литии в конце бдения. Все это такие сокращения, которые сделались как бы уже законными. Наоборот, приближение к Уставу в перечисленных случаях показалось бы чем-то необычным и могло бы теперь показаться каким-то противоуставным новшеством. Замена, например, на некоторых бдениях пения полиелейных псалмов уставным исполнением 17-й кафизмы. Такое деяние в лучшем случае вызовет недоумение, а со стороны некоторых, пожалуй, можно услышать даже и протест.

К подобного рода отступлениям от Устава следует отнести и изъятие из богослужения святоотеческих чтений. При нашем современном объеме бдения и других служб введение таких чтений в полном их комплекте свело бы наши службы почти к сплошному и редко прерываемому пению молитв и слушанию этих поучений. Обходя отступления от Устава указанного характера, остановимся лишь на таких нарушениях его, которые собственно суть нарушения самой практики, нарушения своего рода богослужебного минимума, освященного обычаем. Для удобства распределим этого рода сокращения Устава по двум рубрикам: а) сокращения, касающиеся неизменяемых частей богослужения, б) сокращения изменяющихся составных частей его.

Первые сокращения менее значительны по объему и применяются не так часто и не так, скажем, смело, как вторые. Так, в последовании вечерни такие сокращения

едва даже и заметны: неизменяющиеся части ее хотя конспективно и путем обозначения, но исполняются почти все. Наиболее заметным опущением можно считать пропуск литии на вечерне, соединяемой с утреней в бдении, и пропуск 33-го псалма. На утрени постоянные составные части ее подвергаются большему сокращению. Так, весьма нередко сокращение шестопсалмия (этого ядра утренней службы в историческом отношении), пропуск псалма 50-го, сокращение до двух первых стихов хвалитных псалмов и нечто другое. На службах келейного характера (часах, полунощнице и повечерии) нередко пропуски целых псалмов. Особенно это нужно сказать о великом повечерии.

В сокращении изменяющихся частей суточных служб наблюдается уже большая свобода. Здесь безжалостно опускаются многие частности, притом такие, которые оказываются первостепенными или по своей древности, или по высоте заключенной в них поэзии. Иногда опускаются такие песнопения, в которых, говоря без преувеличения, выражена вся суть праздника, и что важнее всего, в сжатых, но ярких образах указано нравственное значение воспоминаемого священного события. В зависимости от неумолимого и ничем не ограждаемого сокращения праздничных песнопений и вообще изменяющихся частей служб стоит тот печальный факт, что наши службы совершенно обесцвечены, лишены идейности праздников, чересчур подведены под какой-то общий шаблон. Воскресные службы – это 8 самостоятельных, значительно различающихся одна от другой поэм в честь страдания и Воскресения Господня. Но при нашем отношении к Октоиху такого впечатления от воскресных служб не получается. Воскресные бдения – это до утомительности похожие одна на другую службы. Только некоторые из богомольцев чуть-чуть улавливают разницу между воскресными бдениями, да и то не по содержанию их, а скорее по песенной стороне, по изменяющимся гласам. То же следует сказать и о праздничных службах. Через пропуск праздничных стихов <...>¹¹⁸ кондаков характер праздничных бдений значительно ослабляется и праздничные бдения становятся похожими на обычные воскресные.

В порядке числа служб пропуски изменяющихся частей можно отметить так:

Сокращение стихир на *Господи, воззвах* иногда до одной, причем вместо пения стихир допускается чтение их.

Совершенное игнорирование стихир из Миней в воскресные дни, когда в Минее нет нарочитого праздника.

Полная беспорядочность в соединении стихир при совпадении памятей.

Пропуск Славников, тогда как <эти> стихиры по своему этическому характеру полнее других песнопений освещают историю праздника.

Сокращение повторения великих прокимнов или пение их по образцу обычных.

Пропуск паримий на полиелейных службах, особенно при соединении их с воскресными.

Пропуск стихир стиховных и игнорирование соответствия Богородичнов со Славниками.

Однократное или двукратное пение тропаря в конце вечерни на бдении.

Сокращенное в смысле количественном и неправильное в порядке следования пение тропарей на *Бог Господь*.

Почти полное игнорирование седальнов. В лучшем случае чтение их вместо песенного исполнения (по своему значению седальны почти одинаковы с тропарями).

Сокращенное пение тропарей по *Непорочных* на воскресных бдениях и сокращение стихов избранных псалмов в праздники до одного или двух. Последнего рода сокращение представляется даже малопонятным: длительность пения величаний у нас

сообразуется со временем, потребным для каждения всего храма. При обширных храмах певцы растягивают пение величаний до утомительности, однако почему-то не хотят спеть лишний стих.

Пропуск воскресных антифонов. В некоторых храмах поют, впрочем, три первые стиха. Между тем степенны антифоны – одно из трогательнейших церковных песнопений с библейским оттенком.

Всем известно сокращение канонов как в отношении ирмосов (однократное, вместо по большей части двукратного, пение их), так и в отношении промежуточных песнопений между 3-й и 6-й песнями. Пение 3-х и 4-х ирмосов катавасии в праздники и игнорирование уставных указаний о ее смене.

Пропуск экзалостилариев и светильных. Или полный пропуск, или значительное сокращение стихир на Хвалитех и стиховных, в том числе на воскресных бдениях пропуск стихир евангельской. Непонятная свобода в выборе стихир на *и ныне* пред великим славословием.

Пропуск тропаря и Богородична его или только последнего по великом славословии.

Свободное отношение к соединению двух тропарей, а также <...>¹¹⁹ тропарей и кондаков на часах.

На Литургии:

Почти полное игнорирование антифонов *по вся дни*.

Сокращение праздничных антифонов до двух стихов.

Сокращение Блаженн и полное игнорирование стихов к ним или тропарей от канонов.

Беспорядочное исполнение тропарей и кондаков по входе.

Пропуск аллилуария.

Игнорирование уставных указаний о соединении апостольских и евангельских чтений на Литургии при совпадении памятей.

Неправильное произношение отпустов в конце Литургии, равно как и в конце других служб.

Добавочные части

Сокращая число служб, практика наша иногда осложняет их добавочными частями. Наиболее частое применение добавочных частей мы слышим при поминовении усопших. Отводя из седмицы субботу как преимущественный день для совершения моления об усопших, Церковный Устав и в прочие будние дни назначает краткие молитвословия и песнопения за умерших, молитвы на полунощнице; <...>¹²⁰ тропарь и кондак. Но есть дни праздничные, когда Уставом запрещается поминовение умерших. Наша практика не хочет знать этого: мы не только слышим ектении на Литургии в каждый праздник, но можем указать и случаи зауспокойных канонов на воскресных утрнях.

3. Доклад профессора Б. А. Тураева¹²¹

«Проект руководственных указаний для применения Церковного Устава к практике приходских храмов»

Сообщая предание о литургической деятельности святителя Василия Великого, Патриарх Прокл выражается следующим образом: «Замечая леность и небрежность людей, тяготившихся продолжительностью литургии, Василий Великий, сам хотя и не считал ее содержащей что-либо излишнее, но, чтобы отнять у небрежных повод

*тяготиться, передал произносить ее более кратким способом, пользуясь сим как врачевным средством...»*¹²². Таким образом, церковное Предание усвоит святителю Василию Великому, а за ним и Златоусту уступки немощам их современников в самой дорогой и священной части богослужения – Божественной литургии и притом в то время, когда религиозная жизнь была неизмеримо живее и интенсивнее, чем теперь, когда обычная жизнь была не столь сложна и мирские обязанности не столь многообразны. И в наше далеко не церковное время *замечается леность и небрежность* уже не только среди мирян, но и среди самих священнослужителей, тяготящихся продолжительностью, правда не Литургии, а прочих служб дневного круга; от их небрежния и проистекают в значительной степени те уклонения для Церковного Устава, которые были только что указаны. Пример великих вселенских учителей и святителей дает право и Поместному Собору, снисходя к немощи своих современников, сделать ряд указаний и разъяснений для упорядочения того более краткого образа отправления богослужения, каковой ныне наблюдается в приходских храмах, будучи чужд единообразия, порядка и духа Церковного Устава. История богослужения и Церковный Устав знают не один пример сокращений и упрощений. Разве не ими обусловлено сокрытие от ушей предстоящих прекрасных слов утренних и вечерних молитв. Дивные кондаки и икосы Романа Сладкопевца и иных творцов ныне представлены вместо цельных композиций лишь первыми своими строфами, нередко выдающими свое происхождение недоговоренностью и незаконченностью. И Церковный Устав не назначил кафизмы для недели вечера и предписывает опускать кафизму на вечерни после бдения *труда ради бденнаго*, как он делает это для Великого канона <читаемо-го в четверг 5-й седмицы>, назначая вместо трех одну кафизму и меняя для этого все расписание чтения Псалтири. *Труда ради бденнаго* Литургии в дни Святой Пасхи, Рождества, Богоявления и Антипасхи служатся *порану*, а не в то время, которое предписывается восьмой главой Типикона. В понедельник 1-й седмицы Великого поста к утрени *знаменует коснее, вечерняго ради утешения*. Не будем распространяться о тех случаях, когда Устав предписывает то или другое песнопение исполнять поскорю, без пения и т. п., но вспомним, что и Студийский Устав делал подобные же и еще большие уступки немощи, например освобождая от часов и иногда от кафизм праздников (так называемые *ἄι τῶν ὁρῶν*). И настоящий Поместный Собор уже вступил на этот путь. В чине *Молебного пения о спасении Державы Российской*, совершенном его членами, в его присутствии и всенародном на Лобном месте в день Воздвижения Честнаго Креста, мы впервые вместо канона не только услышали, но и увидели напечатанными *запевы*. Этим как бы получил санкцию укоренившийся у нас непохвальный обычай ограничиваться на молебнах вместо канона *запевами*. Нельзя не скорбеть об этом уже и ввиду того, что в этой же палате перед тем было принято предложение об уставности богослужений, совершаемых от имени Собора, причем были особенно подчеркнуты каноны на молебнах.

ПРОЕКТ *руководственных указаний для применения Церковного Устава к практике приходских храмов*

1. Представляется возможным в дни праздничные, имеющие славословие великое, начинать Литургию непосредственно после него, опуская обе ектении и часы, как это введено в современной греческой и румынской практике. Опускание часов, как это отметил в своем докладе И. А. Карабинов, «вполне приемлемо с историко-литургической точки зрения», так как для великих дней, когда пелось *Бог Господь*, оно было

принято в Студийском Уставе. В русской практике оно может найти себе оправдание и в весьма распространенном обыкновении служения ранних и поздних Литургий – часы будут вычитаны пред поздней Литургией.

2. Полунощница, как служба монастырская по преимуществу, может быть совершенно опускаема, и утренняя может начинаться с возгласа *Слава Святей*, с опущением 19-го и 20-го псалмов и примыкающих к ним. Воскресная же полунощница, где не бывает бдения, должна быть сохранена; служению ее по киевскому чину желательно дать возможно широкое распространение.

3. Первый час, как дневная служба, не должен читаться с вечера и опускается после всенощного бдения. На бдении с литией можно опускать на вечерне сугубую ектению, на утрени вместо молитвы *Спаси, Боже, люди Твоя* можно ограничиться ее концом: *Молим Тя*.

4. Последовательное чтение Псалтири должно быть удержано как общее всему христианскому миру, но вместо кафизмы за единицу деления может быть принята *Слава*. Выделив первый антифон 1-й кафизмы для навечерий воскресных и праздничных дней, 17-ю кафизму – для утра к субботе, 18-ю – для вечерен с понедельника по пятницу – 3 псалма ежедневно, остальную часть Псалтири можно вычитывать по *Славе* или по две *Славы* на утренях в последовательном порядке. На утренях великих праздников можно рядовую *Славу* заменять особыми праздничными псалмами, как это имело место в Уставе Великой церкви, и отчасти по итальянским спискам Студийского Устава, желательно эти праздничные псалмы петь антифонно. Из рядовых *Слав* можно исключать псалмы, употребляемые в ежедневном неизменяемом богослужении. Седалны, хотя бы по одному, следует петь. Во Святую Четыредесятницу ежедневно вычитываются 4 или 5 *Слав* на утрени и часах. В церквах домовых и иных, где великия ради нужды богослужение не совершается ежедневно, Псалтирь вычитывается по *Славам* в последовательном порядке вся, без выделения 17-й и 18-й кафизм.

5. Чтения, песнопения и молитвословия обеих Триодей (исключая службы минейного характера) не подлежат никакому сокращению, но могут (кроме канона Святой Пасхи) исполняться без повторений (*колько их есть*). В воскресные дни Пентикостария, когда полагается петь пасхальный канон, можно ограничиться полным исполнением его с Богородичными и опустить канон недели, который будет читаться в последующие дни.

6. Не подлежат сокращению и службы двенадцатых праздников (также исполняемые без повторений) от предпразднства до отдания, а также службы недель, окружающих Рождество Христово.

7. То же предписывается и для службы дня храма. На вечерне этого дня должно быть по Уставу отдание, а по субботам на утрени – канон храму.

8. Октоих поется с Минеей и в воскресные, и в простые дни. Из каждого рода стихир (воскресных, «восточных», минейных, стиховных, хвалитных обоего рода, вседневных, Блаженн) следует петь не менее двух, не считая *Слава и ныне*. Из каждого канона должен быть прочтен по крайней мере один тропарь. В воскресные дни, впрочем, можно ограничиться чтением всех тропарей воскресного канона и одним или двумя (если два канона) – из Минен. Крестовоскресный и богородичный каноны могут быть отнесены на вечер воскресенья. Кондаки по 6-й песне следует петь всегда, отнюдь не должно опускать ексапостилариев и стихир евангельских.

9. Положенные по Уставу полиелеи должны соблюдаться. Из русских памятней полиелейная служба обязательна для дней памяти святого равноапостольного князя Владимира, святых Антония и Феодосия Печерских, Преподобного Сергия Радонежского, Святителей

Московских. Род службы во дни других русских святых предоставляется усмотрению настоятеля. Во всех случаях службы русским святым должны петься вместе с вселенскими того дня, соединяясь в будние дни – как служба святой княгине Ольге со службой святой мученице Евфимии; для полиелейных – как служба святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову со службой святому Арсеню Великому или как указано в Уставе для 8 июля. Тому же порядку следуют русские Богородичные праздники, а также день 9 мая, в который наша современная практика совершенно опускает службу святому пророку Исаии.

10. На часах во Святую Четырдесятницу возможно чтение или пение поочередно, по дням, по одному псалму на каждом часе с прибавлением рядовой части Псалтири. Молитвы часов может читать священник только: *Христе, Свете истинный* – на 1-м часе, и *Всемогуцаго и Животворящаго* – на воскресной полунощнице. Песни прощальные в Великий пост исполняются во всех приходских храмах по Уставу.

11. Акафисты, кроме будничных, не должны вставляться во всеношное бдение, но могут составлять особую службу <...> суточного круга, но лучше заменять их древними кондаками с икосами святого Романа Сладкопевца и иных. Возрождение употребления этих дивных творений, имеющих и в славянских переводах, послужит к подъему настроения молящихся. Например, икосы на Рождество Христово в новом славянском переводе П. П. Мироносицкого¹²³ могли бы читаться за всеобщим бдением и, во всяком случае, после вечерни первого дня или за утреней второго.

12. На Литургии следует исполнять уставы относительно пения изобразительных или повседневных антифонов (глава 21 <О еже когда глаголются изобразительныя и когда антифоны>).

Время совершения служб, предписанное Уставом, не всегда выполнимо в условиях мирского быта. Во всяком случае, бдения следует начинать возможно позже. Часы с вечерней в Святую Четырдесятницу не следует начинать раньше 11 часов. Служение утрени с вечера, кроме бдений, а также вечерени с утра должно быть навсегда и повсеместно прекращено.

Для оживления богослужения может служить широкое развитие общего пения. Молящихся следует располагать к пению стихир, ирмосов и т. п. попеременно с певцами. Вместо прежнего беспорядочного и произвольного чтения Псалтири ныне вводится облегченное планомерное исполнение этой святой книги. Желательно ввести пение, по возможности антифонное, этих немногих приходящихся на каждую службу псалмов. Вечером великих праздников, когда положена великая вечерня, предлагается петь антифонно псалом девятого часа, а также 140-й и следующие псалмы вечерни полностью. Последние можно петь и в воскресные дни вечером. После вечерни в воскресенье полезно служить молебен с канонами крестовоскресным и богородичным и с чтением евангельских зачал, положенных на Литургиях в наступающую седмицу. Таким путем может быть выполнен годовой круг евангельских чтений и в тех храмах, где по великой нужде не совершается ежедневная служба. Это чтение, равно как и каноны, могло бы быть исполнено и на повечерии (сравни древние панихиды). В тех храмах, где служба совершается ежедневно, дневные апостолы и евангельские чтения не должны заменяться заупокойными или минейными, а непременно должны вычитываться согласно Уставу. Заупокойные и иные могут следовать за ними. Перед евангельским чтением аллилуарий должен исполняться троекратным пением *Аллилуиа*. И тропари на Литургии не должны, как это замечается ныне во многих местах, заменяться пением заупокойного кондака. Вообще же поминовение усопших на ектениях допустимо только в будние дни и за ранними Литургиями в воскресные, причем его необходимо

перенести на конец Литургии: после *Благословение Господне на вас* – тропари *Со души праведных*, и произносить заупокойную ектению. Повсеместно в конце Литургии или после нее следует раздавать антидор при пении или чтении 33-го псалма.

4. Тезисы Подотдела «О богослужебном Уставе»

После приведенного выше доклада оглашаются подготовленные уставным подотделом тезисы¹²⁴, корректировке и дополнению которых будет посвящено несколько последующих заседаний.

1. Ныне действующий богослужебный Устав слагался на протяжении почти четырнадцати веков истории христианской Церкви. Отражая в себе богослужебные порядки разных эпох и различных местностей, современный Типикон есть, однако, Устав по существу монастырский. Как таковой, он является наиболее исчерпывающей по полноте богослужебной нормой, как бы стремящейся осуществить во внешней обстановке апостольскую заповедь о непрестанной молитве.

2. Как норма идеальная, Устав не всегда и не везде может быть выполняем во всех своих подробностях.

3. Монастыри неуклонно следуют действующему Уставу во всей полноте, так как владеют наличием средств к этому. Уставное, в собственном смысле монастырское, богослужение соответствует главной и изначальной задаче иночества – пребывать в непрестанном молитвенном подвиге, даст почувствовать сладость этого подвига и приходящим в монастырь мирянам и явится через то самым величайшим миссионерским средством. В собственно приходских храмах Устав сообразно средствам выполняется с сокращениями.

5. Поместный Собор полномочен произвести пересмотр Устава в видах применения его к средствам приходских храмов. Для сей цели Собором учреждается особая комиссия.

6. Настоящим Собором подобное деяние выполнено быть не может. Но для упорядочения богослужебной практики Поместный Собор издает Определение, в коем

а) напоминает чадам Православной Церкви великое значение богослужебного Устава;

б) обличает те беспорядки, которые вызваны небрежением к нему;

в) преподает руководственные указания, дающие обязательный для приходских храмов уставный минимум.

7. Для домашних церквей возможно преподать особые указания.

8. Наряду с этим принимаются меры к оживлению нашего богослужения, между прочим, и участием в нем молящихся.

В связи с этими тезисами архиепископ *Евлогий (Георгиевский)* подчеркивает, что серьезная переработка Устава во всех деталях желательна, но в настоящее время¹²⁵ для Собора невозможна. Но Собор должен создать и узаконить комиссию, которая исполнила бы это дело к следующему Собору¹²⁶.

5. 8-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (10 октября 1917 года). Дискуссия по докладам И. А. Карабинова, священника В. Д. Прилуцкого и Б. А. Тураева

Эти доклады обсуждались на следующих заседаниях. Приводится запись дискуссии, которая имела место на 8-м заседании Отдела (10 октября 1917 года)¹²⁷.

Генерал Л. К. Артамонов: С глубоким вниманием и сердечной любовью выслушал я сказанное здесь по вопросу о богослужении. Для всякого верующего мирянина одним из наиболее болезненных вопросов является вопрос о богослужении. Мы, миряне, чувствуем, что здесь что-то неладно, что здесь есть больные, вызывающие чувство горечи вопросы. Мне в течение моей долгой жизни приходилось бывать и в сельских храмах, и в городских соборных, и приходских, и домовых церквях. Нам, мирянам, кажется очень зазорным, тягостным и обидным то, что не упорядочено в богослужении. Время богослужения – самое разнообразное в различных храмах. Я знаю храмы, где совершаются ранние обеды в 4 часа утра и где служба начинается в 11 часов дня. Мы не знаем положенных относительно времени совершения церковных служб уставных норм. Нас смущает, что такое ранняя Литургия, что такое поздняя. И в докладе профессора В. Д. Прилуцкого вопрос о времени совершения Литургии освещается. Но нужно определенно указать время совершения служб, чтобы миряне привыкли к этим часам, чтобы к ним, как это и бывало раньше, приравнивали свою жизнь. Мы не знаем, совершают ли миряне и какой именно грех или поздно являясь на службу, или уходя из храма ранее окончания богослужения. Мы только чувствуем какую-то неловкость, ощущаем личное несомненное неудовольствие даже и тогда, когда выходим из храма просто по утомлению. Это все нужно было бы нам выяснить. Я не буду останавливаться на каждой службе. Скажу, что нам часто совершенно невозможно понять ничего из того, что читается за службами: читается неразборчиво, спешно, скороговоркою. Я человек военный и скажу, что в частях войск, где существуют храмы и где избираются хорошие чтецы, получается совершенно иное впечатление. Здесь дело, значит, в церковной дисциплине. Отсутствием ее, может быть, мотивируется желание, высказывавшееся и здесь, чтобы службы совершать не на славянском языке. Мы не всегда можем расслышать чтение Святого Евангелия священником. В приходах Евангелие читается в алтаре, читается невнятно и не слышно даже для стоящих вблизи алтаря богомольцев. Мне пришлось в одном из заграничных курортов слышать чтение Евангелия священником с церковного амвона, лицом к народу. Чтение было ясное, отчетливое, внятное. В наших же храмах читающий Евангелие священник стоит в алтаре спиной к молящимся. Необходимо напрягать слух, чтобы расслышать слова Евангелия, а кто глуховат – и наипаче; слышанию мешает к тому же и невольный от скопления молящихся шум. Не буду останавливаться на других службах. Сокращение и отступление от Церковного Устава иногда обижает мирян. Поется, например, не вся песнь, величественная, умилительная и торжественная «Величит душа моя Господа», а два – много три стиха из нее. Это обидно. Эта песнь вызывает удивительное настроение среди молящихся. Жалуются на опущения в ней женщины. Чтобы не сделать ошибок, я боюсь входить подробнее в богослужебную сферу. Но что особенно угнетает дух молящихся – это праздничное пение. Здесь получается нечто невероятное. Напев не вызывает при исполнении многих хоров молитвенного настроения. Вообще в пении не нужно длиннот. Тройное, например, *Господи, помилуй* терпимо. Но когда оно повторяется бесчисленное число раз, когда иной хор затягивает его исполнением церковную службу, у богомольца естественно возникает намерение уйти из храма. Современная жизнь сложна и нервна. Нельзя злоупотреблять временем. Время – деньги, говорят американцы. Нельзя трудящемуся человеку выстаивать за богослужением 2,5 часа. Нам указал здесь профессор В. Д. Прилуцкий, что по Уставу Литургия должна продолжаться час. Это указание – откровение для нас. Итак, нужно в богослужении изменить прежде всего внешние недостатки. Гоняемся за напевами, иногда не имеющими религиозного характера. Регент хора нередко деспот над священником. Не

будем петь, говорят, не будут и в церковь ходить. Это неправда – пойдут. На Литургию полагается 1 час. Мы, военные, добиваемся этого. Иногда это при прежнем правительстве достигалось за богослужениями в присутствии Высочайших особ. Мы совершаем преступление, когда вводим вычурное хоровое пение за счет опущения необходимейших мест богослужения. Вот я был главным начальником Кронштадта. К отцу Иоанну Кронштадтскому стекалось множество паломников со всей Руси. Он допускал их в алтарь. Я не хочу сказать, что миряне не могут входить в алтарь. Это следует разрешить им, но раз до слез я возмущен был в Кронштадтском соборе. Мне было отведено особое место в переполненном высшим обществом храме, а рядом придел храма обращен был в дамскую уборную: фрейлины снимали там калоши – в самом алтаре придела, и протеста со стороны настоятеля храма не было слышно. Переходя к сокращениям, скажу, что сокращения Церковного Устава для нас нежелательны. То, что составляет святость службы, не должно подлежать сокращению. Но Священный Собор своей властной рукой должен устранить длинноты службы, устранить то, что не нужно для службы. Мы уличную музыку ввели в храмовое пение. Еще просьба: проповедь говорится тогда, когда все устанут. В наших храмах богомольцы не те, как в католических и протестантских, – стоят, а не сидят. Утомляются долгим стоянием особенно женщины и к концу службы торопятся выходить из церкви, а между тем в это-то время начинают говорить проповедь. Желательно перенести ее на время после прочтения Евангелия, чтобы она выслушивалась молящимися под светлым впечатлением. <..>

Стесняюсь больше затруднять собрание. Прошу об одном. Если нужно сокращение в службе сделать, то не за счет Устава. Чтобы Литургия совершалась та, которая имеет канонические основания.

Председатель архиепископ Евлогий (Георгиевский): Мы говорим не о сокращении Устава, а об упорядочении нашего богослужения. Устав полностью почти нигде ныне не соблюдается. Нет в России ни одного монастыря, докладывает нам профессор отец Прилуцкий, где бы, например, всенощное бдение совершалось вполне по Уставу. Если сокращение необходимо, то чтобы оно не было неупорядоченным, беспредельным.

Архиепископ Димитрий (Абашидзе): Мы даже не имеем права служить все в точности и по Уставу богослужения.

Священник М. Ф. Марин: Доклад отца В. Д. Прилуцкого дал нам полную картину состава Церковного Устава. Устав создавала сама жизнь. Первое и главное требование к богослужению, чтобы оно было живым. Мы желаем Живому Богу молиться, а препятствие к тому видим в старообрядцах, укоряющих нас в отступлении от Устава. Мы боимся допустить его изменения. Боимся, а может быть, и не виноваты в том. Такой тебе дан Устав – и не отступай от него. У крестьян наших особенно крепко держится мысль, что изменение в Уставе – вещь невозможная. Крестьяне-улавщики – а они не редкость – всегда укажут священнику о том или ином опущении в Уставе. Нередко они входят с такими указаниями в алтарь. Это бывает даже в храмах наших Духовных академий. Бывают студенты здесь, из монашествующих, которые держат в этом отношении в руках ректора. На Соборе можно сказать: Устав – святыня, но изменяется. Самое главное, чтобы молящиеся не пассивно присутствовали за богослужением. У нас есть в богослужении мертвенные части. Надо уничтожить эти мертвенные моменты в богослужении. У нас же сокращения и выпуски совершаются без рассмотрения. Я полагал бы, что те моменты богослужения, в которых особенно оттеняется тот или другой праздник, отнюдь не должны выпускаться. Пусть такие песнопения поются даже с канонархами, пусть будет общее пение их. Здесь, в Москве, в

храме Василия Кесарийского я слушал великую ектению, произносимую диаконом нараспев. Это допустимо на концерте, а не в церкви за богослужением. За службу в Синодальном училище, где мы также недавно присутствовали, публика не молилась. Там исполнялись песнопения совершенно нецерковного характера. Все это происходит от неорганизованности нашего богослужения. Задача Собора должна состоять в том, чтобы поставить богослужение так, чтобы оно было живым. В этом отношении следует особенно упорядочить церковные чтения.

В. В. Успенский: В докладах нескольких членов Собора было выяснено, каким путем всего удобнее было бы достигнуть вызываемого необходимостью некоторого сокращения полного богослужебного чина без нарушения его целостности и без искажения духа и характера Типикона. Отмечались при этом допускаемые пропуски, и с этим, конечно, нельзя не согласиться. Но помимо того возможен еще иной путь для достижения той же цели. Целесообразно было бы в круге богослужебных молитвословий, особенно изменяющихся – из Октоиха, Миней и проч., – сделать некоторое разделение их по содержанию. Есть молитвословия особенно глубокого смысла и значения, особенно вдохновенные, в которых как бы заключена душа известного праздника – такие песнопения и молитвы, разумеется, нельзя опускать. Но эти молитвословия в ряде, например, стихир, тропарей канона и проч. далеко не всегда занимают первое место. Отсюда происходит такое обычное явление, что одна стихира, одно молитвословие, не отличающиеся какими-либо выдающимися особенностями, но стоящие впереди, читаются или поются, а последующее молитвословие, необычайной силы и глубины и тоже положенное по Уставу, опускается только потому, что оно в порядке занимаемом в книге, является не первым (ср., например, опущение 1-й песни канона – катавасия *Христос рождается*, при исполнении 3-й, 6-й и других песней; опущение на утрени в Великую Субботу алилуиария, в возглашении которого так много глубокого смысла при уставном и подробном выполнении всего чина и т. д.). Между тем важно именно допуская необходимые сокращения в церковных службах руководиться при этом не только местом, занимаемым известными молитвословиями в богослужебном чине и в богослужебных книгах, но их внутренним смыслом – в одном случае можно, положим, опустить (или сократить) стихиры хвалитны, икос, седален, и так далее, а в другом – исполнение этих молитвословий оказывается особенно важным. Итак, необходимо отметить в круге изменяющихся богослужебных молитвословий особенно выдающиеся по их содержанию и значению в составе данной церковной службы. Для этого нужно внимательно и глубоко обдумать отдельные церковные службы. Может быть, целое какое-либо учреждение или целый ряд комиссий по определению Собора должны заняться таким рассмотрением церковных служб; при этом в самих богослужебных книгах было бы полезно отмечать знаками, с одной стороны, молитвословия особенно важные, а с другой стороны, такие, опущение которых не нарушило бы целостности служб. Такое различие было бы чрезвычайно полезно и для малоученого сельского псаломщика, который, может быть, не особенно разумея силу читаемого им, все же не допустил бы неумелого выбора молитвословий, и для учителя, знакомящего учащихся с богослужебными особенностями известного дня и так далее.

В. К. Лебедев: Я буду говорить о церковном звоне. В службе нашей Православной Церкви все должно совершаться благоговейно и по чину. Сам церковный звон, как призыв к службе и напоминание об известных моментах ее, должен совершаться своевременно и соответствовать службе и в полном порядке. Между тем в наше время в

церковном звоне даже в одном и том же городе, в одной и той же местности наблюдается разная практика. Например, различный звон слышится в церквях одного и того же города к службам Страстной недели, и чаще всего это разнообразие наблюдается в городах к так называемым ранним обедням. В одних городах во всех церквях к ранним Литургиям в седмичные дни и по воскресеньям и праздничным дням благовест в большой колокол редко и больше никакого звона не бывает. В других городах будничный благовест редок, а в воскресенье и праздничные дни часто с трезвонном или с красным звоном. В иных городах только в великие праздники (например, двенадцатые) и в храмовые полагается частый благовест и красный звон. Даже случается в церквях одного и того же города благовестят и звонят по-разному. Иногда церковный звон меняется по желанию епархиальных Преосвященных, которые дают особое распоряжение о звоне, и даже изменяется звон по предложению благочинных, которые имеют значение в глазах Владык. Меняются Владыки – меняется и звон. Желательно и в церковном звоне слышать разнообразие и однообразие. Всероссийский Поместный Церковный Собор, по нашему мнению, должен выразить свой авторитетный взгляд и по вопросу о церковном звоне.

На Стоглавом Соборе 1551 года был затронут вопрос о церковном звоне. Царь Иван Васильевич Грозный просил отцов Собора «помыслить... чтобы по святым церквям звонили по Божественному Уставу». И Собор постановил: «По церквям звонить по Уставу». Следовательно, церковный звон в то время старались упорядочить. Ныне звон опять расстроился, значит, опять нужно привести его в порядок. В наших богослужебных книгах ничего не говорится о звоне к ранним Литургиям, так как в них упоминается одна Литургия, без разделения на раннюю или позднюю. Не встречаем мы разъяснения об этом звоне и в пособиях к изучению Церковного Устава, например, в книгах протоиерея К. Т. Никольского¹²⁸, С. Г. Рыбакова¹²⁹ «Церковный звон в России», протоиерея Израилева «О церковном звоне», священника М. Худоносова¹³⁰ «О значении колокольного звона в Православной Русской Церкви» и пр. В IX главе Типикона *О вечерни и утрени дней седмичных*, между прочим, читаем: «Во утрии, то есть пред полунощницей, знаменует (то есть звонит¹³¹) паракклесарх (церковник) в малый кампан (колокол) редким ударением»; там же читаем: пред утреней паракклесарх «клеплет в кампаны (то есть ударяет в колокола), ударяет же тяжким ударением редко (т. е. ударяет с особенной силой). О звоне к Литургии в этой главе нет указаний. Следовательно, по Типикону (IX гл.) полагается редкий звон в седмичные дни к утрени в обычное время, таковой же должен быть звон к Литургии в эти дни, особенно когда она совершается порану, каковой звон обычно и бывает в городах. В воскресные же и праздничные дни, по-видимому, должен быть иной звон, именно «в великий и во вся тяжкая», а это, по объяснению известного исследователя богослужебного Устава протоиерея Никольского, означает удары (сначала в один колокол, а потом во все колокола) сильные, частые, с правильным размером времени в промежутки между ударами¹³². Тот же протоиерей К. Т. Никольский утверждает, что «обыкновенно в посту (Великом) и в праздники с полиелеем (например, 24 февраля, 9 марта) звон к утрени, к часам, к Литургии бывает не протяжный, а красный»¹³³, а тем более в воскресные дни и в великие праздники во весь год. По-видимому, в прежнее время такой и был звон в Москве и вообще на Руси, как об этом можно судить, читая книжку Рыбакова «Церковный звон в России», в которой он приводит свидетельство иностранцев, посещавших тогда Россию и Москву, например, «по воскресеньям и праздникам и во всенощные стояния русские звонят в колокола все разом»¹³⁴ – это походит на наш

современный трезвон. В грамоте Новгородского митрополита Корнилия (1692 год) читаем: «К Божественным службам благовестити, и сперва в один колокол, по благовесте же в подобное время звонити в рядовые дни в два колокола, а в воскресные дни, в Господские праздники и нарочитых святых благовестити и звонити по Уставу»¹³⁵. Литургия, как ранняя, так и поздняя, по существу одинакова, поэтому и церковный звон к той и другой должен быть одинаков, именно: к началу Литургии блавест, а затем, по прочтении часов, «красный звон», то есть перезвон без перерыва до трех раз. Красный звон более соответствует самому содержанию Литургии, он более гармонирует с нашим душевным состоянием, он способствует вызову в душе благодарно-торжественных чувств, столь необходимых в воскресные и праздничные дни. Красный звон в начале Литургии вообще, а в праздники в особенности, более соответствует чувству при прославлении Царства Отца и Сына и Святаго Духа, вызывает, усиливает и восполняет собою это чувство в нашей душе. Мы чувствуем некоторую неполноту душевного состояния, если не слышим звона с торжественным перебором в этот момент. Следовательно, редкий звон к ранним обедням не церковным Уставом предусмотрен, а дело обычая, поэтому он не повсеместно и даже не всегда раздаётся и, вероятно, он явился для различия в звоне ранних Литургий от поздних. Что касается «звона к *Достойно*», то такого звона в греческих церквях никогда не было, и ныне такого звона также не бывает во всей Греции, потому что в Уставах греческих такого не положено; в Русской Церкви, по свидетельству Патриарха Иоакима¹³⁶, сего звона прежде не было. Обычай производить звон во время освящения Святых Даров получил начало в южнорусской Церкви около половины XVII века по подобию западных церквей.¹³⁷ Следует также обратить внимание на упорядочение звона на Страстной седмице. В заключение я предлагаю: 1) точнее определить способ звона в будничные, воскресные и праздничные дни к утрени и Литургии – ранней и поздней. 2) Установить, чтобы звон непременно соответствовал известным моментам службы, например, звон к Евангелию на всенощном бдении, «во вся» – к началу Литургии, «к *Достойно*». 3) Однообразный и правильный звон к службам в последние три дня Страстной седмицы.

**6. 9-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*
(12 октября 1917 года). Продолжение дискуссии.
Выборы докладчиков на Собор**

Обсуждение проблем Типикона было продолжено на девятом заседании Отдела, которое состоялось 12 октября 1917 года. На этом заседании священником П. А. Чельцовым была высказана мысль о том, что усталость молящихся часто вызывается не чрезмерной продолжительностью богослужения, а невразумительностью его совершения, поэтому основной задачей должно быть не сокращение богослужения, а ограничение произвола предстоятелей. Профессор П. П. Кудрявцев предлагает разрешить служение Литургии верных при открытых Царских вратах, причащать младенцев сразу после Литургии, читать Евангелие посреди храма и лицом к народу, соотносить время совершения богослужений со свободным временем прихожан, а также «объявить, чтобы гласного поминовения по праздникам и воскресным дням не совершать»¹³⁸. Протоиерей И. В. Корчинский предлагает в богослужебных книгах разным шрифтом давать разные по значимости части богослужения: «Один из ораторов предлагает здесь зафиксировать минимум уставных требований и

отмечать этот минимум в богослужебных книгах какими-либо знаками-звездочками. Я сказал бы, что, может быть, такие отметки в богослужебных книгах следует делать особым шрифтом. Ведь и в нынешних богослужебных книгах шрифты различные. Может быть, следует применять эти различные шрифты при новом печатании богослужебных книг». В. К. Недельский говорит о необходимости включения в Типикон устава службы выноса Плащаницы¹³⁹. Вносятся и другие предложения.

Архиепископ Евлогий (Георгиевский) говорит о необходимости выбрать докладчиков для пленарного заседания Собора по вопросу об Уставе и предлагает в качестве таковых профессоров И. А. Карабинова, В. Д. Прилуцкого и Б. А. Тураева, которые весьма неохотно соглашаются.

В. Д. Прилуцкий говорит, что он может, как и другие профессора-докладчики, разъяснять вопросы, возникающие здесь в Отделе. От доклада же в общем заседании Собора он отказывается. «Решительно отказываюсь и я», – присовокупляет И. А. Карабинов. В. Д. Прилуцкий выражает согласие быть докладчиком на Соборе в том случае, когда на то же согласятся Карабинов и Тураев <...>. Председатель заявляет из практики бывшей Государственной Думы, что там бывало два, а иногда три докладчика. Профессор Карабинов отказывается от предложения, ссылаясь на слабый голос. В. Д. Прилуцкий заявляет, что хотя он и не обладает недостатком И. А. Карабинова и имеет достаточно сильный голос, тем не менее не привык говорить в многоядных собраниях. И. А. Карабинов просит, чтобы докладчиком был сам председатель Отдела, Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский), архиепископ». Председатель собрания соглашается признать необходимым троих докладчиков: «В. Д. Прилуцкий обладает громким голосом, его мы и пустим как основного докладчика». После изложенных пререканий три профессора соглашаются быть докладчиками¹⁴⁰.

7. Критика работы Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* епископами Андроником (Никольским) и Евфимием (Лапиным)

На 10-м заседании обсуждение проблем упорядочения богослужения было продолжено. С докладом, направленным против предложенных изменений, выступил епископ Пермский Андроник (Никольский)¹⁴¹.

В прошлый раз на заседании нашего Отдела слышалась речь о желании чтения вслух Евхаристического канона, что могло бы содействовать сознательному участию мирян в богослужении Божественной литургии. Едва ли это достижимо и исполнимо на деле. Молитвы этого канона – это единственная возвышеннейшая поэзия, глубочайшая по своему содержанию и смыслу. С этой стороны они едва ли будут понятны для <слушателей>¹⁴². Они высоки для понимания молящихся и по содержанию, и по изложению, и особенно в славянском их переводе, как они читаются теперь и когда заключают в себе особенную красоту и прелесть. Может быть, в первый раз чтение означенных <молитв>¹⁴³ вслух и будет выслушано с большим или меньшим вниманием, а потом – я в том не сомневаюсь – начнут молящиеся утомляться, скучать, зевать и уходить из храма в самые важные богослужебные моменты. Заключительные слова этих молитв ныне поются, переложены на ноты, исполняются нередко в прекрасном виде певческими хорами и таким образом так или иначе возбуждают настроение молящихся. При чтении молитв вслух мы можем все это уничтожить, «а если еще

тому же> молитвы Евхаристического канона перевести на русский язык, то содержание их делается очень будничным, плоским. Но с другой стороны, нужно исполнять и гимны, петь заключительные слова этих молитв. Если исполнять их при этом скороговоркой, то выйдет очень плохо, а если правильным порядком, то богослужение может удлиниться. Теперь молящиеся тяготеют не полуторачасовой службой, а чтением молитв вслух, притом соединенным с нотным пением заключительных их слов, <в результате мы> достигнем того, что, удлинняя службу, будем портить настроение молящихся. Я не пожелал бы читать евхаристические молитвы вслух. Но пение заключительных слов этих молитв должно быть самое торжественное. Оно создает, как бы сказать, игру в настроении. Многие мелодии этих песнопений взяты из светских напевов, и это должно содействовать настроению молящихся. Поминали здесь также о часах и уничтожении их в богослужении. Я не знаю, чего можно было бы достигнуть этим. Часы – это служба, во время которой совершается проскомидия, и они не отнимают своим чтением лишнего времени. Можно, конечно, как это делается и теперь, особенно за богослужением в будние дни, вводить те или другие сокращения в чтение часов, вместо (3-го и 6-го) читать один, но вводить это во всеобъемлющее правило невозможно. Говорилось здесь о восприятии поминовения усопших в воскресные и праздничные дни. Архимандрит Варлаам толкует по-своему запрещение поминовения в воскресные дни – торжеством праздника. Характеру праздничного богослужения не соответствует поминовение в праздники. Но простолюдины только в праздники и посещают храм. Несколько иначе совершается поминовение в эти дни в нашей Пермской епархии, богомольцы при котором не рассеиваются и не развлекаются бесконечным чтением поминаний. Предлагалось: не следует ли ввести общую исповедь. По местам, и в частности у нас, такой опыт есть. Но он применим для богомольцев, приходящих на поклонение святыням издали с особенным молитвенным настроением, которое поддерживается и создается и в монастыре особыми мерами. Братия подготавливает исповедников поучениями, разъясняющими смысл и значение такой исповеди, дабы она была хорошо и сознательно исполнена всеми, желающими приступать к ней. Но и опять, если это вводить во всеобъемлющее правило, то легко могут быть злоупотребления в этом деле. Поэтому при допущении общей исповеди отнюдь не должна исключаться и тайная, одиночная исповедь.

С большим докладом, характеризующим отношение Отдела к проблеме Типикона, выступил епископ Якутский и Вилюйский Евфимий (Лапин)¹⁴⁴.

Я буду говорить пространную речь. Я начну с того, какое впечатление производят на меня работы наши в Подотделах и в Отделе. Я не принимаю непосредственного участия в работах Подотделов, но время от времени заглядывал на работы всех их. Доклады, прения по вопросам голосования и речи отдельных ораторов – все это производит на меня странное впечатление, впечатление недоумения.

Я не берусь говорить здесь о последствиях, если будут нами приняты резолюции Подотделов. Они, на мой взгляд, не вполне достаточны и совершенны даже с внешней стороны. Трактуются, например, доклад о богослужении, читанный отцом В. Д. Прилуцким, по поводу доклада идут прения, устанавливается положение, что Церковный Устав есть ценное наследие древности. Он явился плодом работы длинного ряда веков, его создавали опытейшие выразители высшего молитвенного настроения, святые отцы и подвижники. Если Устав таков, то отсюда естественный логический вывод тот, что это идеальнейшее произведение святой древности следует всячески охранять.

Между тем в речах и прениях по вопросу о богослужебном Уставе как раз этот самый вывод и обходился. Вносится во время прений мысль о том, что Устав-то хорош, но он обременителен для исполнения, а потому неизбежно должен подвергаться сокращениям. Нужно оставить в нем то, что есть главного для церковного богослужения. Устав сокращать не должно, но и выполнять его не будут. Собор должен определить пригодный для настоящего времени Устав, Устав новый, с установленным минимумом требований и даже с двумя минимумами, которые одинаково не будут выполняемы. Такой вывод, по-моему, не стоит в связи с признанием, что церковнобогослужебный Устав есть великая ценность. Такое же впечатление производят на меня и работы о церковнобогослужебном языке. Работы Подотдела внесены в Отдел, где выступили три докладчика по вопросу об Уставе. Не знаю, случайность ли должно усматривать в том или это явилось плодом особого задания Отдела, данного докладчиком.

Первый докладчик, профессор И. А. Карабинов, хотел подвести основания под возможность изменений и сокращений Устава. Устав-то хорош, говорил он, но он имеет свою историю, из которой видно, каким изменениям подвергался он в своем составе. На основании сего нет препятствий к изменению его и в настоящее время. Устав выработывался в обителях, а потому он и пригоден для монашествующих, а не для мирян. Последними он невыполним, и раз он для мирян непосилен, то возможно и сократить его. Второй докладчик, священник В. Д. Прилуцкий, особенно интересен. Он указал на отступления в Церковном Уставе, господствующие в нынешней практике церковного богослужения. Он указал, что Устав ныне нарушается в практике Церкви, да и не может не нарушаться. Третий докладчик, профессор Б. А. Тураев, представил и самый проект возможных сокращений в Церковном богослужебном Уставе. Общее впечатление от докладов то, что они направлены в сторону сокращений Устава: так как Устав невыполним, то необходим особый, минимальный Устав, в сторону выработки которого склоняется и Отдел. Здесь, по-моему, логическое противоречие.

Я скажу теперь по существу о плане и результатах работ Отдела. <Прежде всего>, какое впечатление в мыслях любителей Церкви и Церковного Устава произведет попытка выработки нового Устава. Многие отнесутся с осуждением. И в настоящее уже время приходится в газетах читать нападки на работы Собора. Говорят: хотят сократить церковное богослужение, уничтожить церковные суды, изменить одеяния священников, а всего этого не должно бы быть на Церковном Соборе. Допустим, что взамен существующего Собор выработает другой церковнобогослужебный Устав. Можно ли будет при его введении в практику надеяться на порядок богослужения, на прекращение богослужебной анархии? Не думаю. Богослужебно-уставный минимум – да и что в него вошло бы... Говорилось, что богослужение должно быть не бесцветным, сохранить в себе все особенности и оттенки переходящих праздников, дней памяти святых. Стихиры, тропари, кондаки, каноны святым – все это должно, говорят, войти и в богослужебный минимум. Затем сюда же должно быть внесено все то, что составляет древний богослужебный чин. Псалмы – это самая древнейшая часть богослужения. Если не все положенные Уставом, то по крайней мере, по одному псалмы должны вычитываться за богослужением. Я спрошу, будет ли выполняться этот минимум и в какой срок времени он может быть выполнен? Его выполнение займет, несомненно, гораздо больше времени, чем сколько идет богослужение теперь. Придется выпевать стихиры, тропарь, кондак, ирмосы – антифонно. Теперь хотя это и делают, но делают с большими сокращениями. Кафизмы иногда совершенно опускают, не прочитывают из них даже ни одного стиха, а прямо поют: *Господи, помилуй, Господи, помилуй, Слава Отцу и Сыну*. Канон праздничный: тоже только одни ирмосы поют, а

он должен выполняться полностью при введении минимума уставных требований. Я уверен в том, что этот минимум покажется тяжелым и его будут сокращать. И каким способом Собор может достигнуть того, чтобы он выполнялся? Строгостью правил, принуждением. Ведь это все было – все делалось прежде Собора и, однако, делу нисколько не помогало. Извращение церковнобогослужебного Устава шло своим чередом. Мне думается, что все дело зависит от неправильности предпосылки и от этого же недостатка не свободна работа и нашего Отдела. Множество речей было произнесено в защиту того, что Устав нельзя сокращать или изменять, но ни один оратор не говорил о том, чтобы помочь его выполнению. Один священник говорил, что мы все в нерадении к Уставу ссылаемся на немощи. Но тогда Бог знает, до чего можно пойти. Если станем сокращать службы и молитвы в угоду немощам, то идеальным завершением исполнения уставного моления могут быть тибетские мельницы. В тибетских ламаистских монастырях слова молитв записываются на ленту с особым валиком. Лента будет разворачиваться, и тибетский монах может оставаться спокойным. Но тибетская мельница привела к тому, что монахи и успокаиваются на такой молитве: если даже он уйдет, мельница механически будет за него молиться. Вот до чего можно пойти. Не сокращать, не ломать, а все силы прилагать к тому, чтоб Устав выполнялся во всей полноте, чтобы защитить его от уродований и искажений. То положение, что должно усовершенствовать наше богослужение, лежит не на пути сокращения Устава, а на пути его удлинения. Собор должен изыскать меры, указать средства, при которых исполнение Устава было бы удобоносимым бременем.

В этом направлении и Отделу следует вести работу. Я считаю необходимым разобраться с возражениями. Говорят: удлиненное, монотонное церковное чтение вызывает утомление; выполняемое согласно Уставу, это чтение наводит скуку, недовольство богослужением. Чтобы этого не было, чтобы молящиеся не утомлялись, необходимо сокращать чтение и тогда оно будет посильным для молящихся. Рассуждения неправильны. При этом упускают из виду психологическую сторону дела: люди нерелигиозные могут утомляться, но другие могут и оживляться. В первом случае время кажется очень долгим. Так бывает с большим во время тяжелых страданий: время кажется больному очень долгим, он впадает в психологическую ошибку – будто страдает целую вечность. И наоборот, оживленные впечатления сокращают время. Долго ли, коротко ли читают – человек религиозно настроенный совершенно забывает о времени. Не длительность сама по себе вызывает страдание, а наоборот, все зависит от мыслей и впечатлений: и длительность молитв, и в буквальном смысле всенощное богослужение при ином настроении могут казаться неутомительными. Может быть, вы знаете из опыта подвижников, что, становясь на молитву при закате солнца, они простаивали всю ночь и начало следующего дня, когда жгучее африканское солнце поднималось уже высоко к зениту и когда палящие его лучи давали себя чувствовать. Подвижник забывает, сколько времени он стоит на молитве. Это часто бывает на молитве, что человек забывает сам себя, совершенно выходит из границ своей обычной жизни, как говорит о таковых святой апостол Павел: «вем человека, иже восхищен бысть в рай». Таким образом, возражение, что удлиненное богослужение располагает к усталости и утомлению, не соответствует психологии. Медленность его совершения содействует упорядоченности богослужения. Само по себе быстрое чтение молитвенных песнопений с присущими чтецам недостатками – вот оно-то именно и может вызвать чувство неудовлетворенности молящихся. Наоборот, чтение внятное, внимательное, отчетливое, раздельное и ясное будет содействовать улучшению настроения молящихся. Позволим себе продемонстрировать пред вами различные способы церковного чтения. Например (при этом оратор демонстрирует), чтение *Господи, помилуй* 40 раз – в

конец концов при невнимательном и быстром чтении слова сливаются, и чтец выкрикивает «помилос, помилос», не останавливаясь на этом. Посмотрим, какое настроение производит такое чтение и о чем оно свидетельствует. В отношении к Богу оно кощунственно: «Выполняющий дело Божие с небрежением – проклят», человек совершенно забывает в себе страх Божий. Мне вспоминается время на Рождество в бытность в Академии, как призывал нас ректор (а мы, студенты, конечно, невнимательно относились к богослужению) и говорил, чтобы богослужение выполнялось нами внимательно и неторопливо. Предположим, рассуждал ректор, твой отец, священник, нуждался бы в каком-либо благодеении со стороны известного человека и стал бы просить его, непрерывно повторяя слова: «Павел Иванович, Павел Иванович» и т. д. Ведь это важное лицо сочло бы для себя оскорблением. Ужели же Господь Бог не оскорбится, слушая это бормотание. Читающий так творит преступление. Что сказать о нем самом и его личном настроении при таком чтении? Мысль его далека от читаемого, сердце его не затрагивается содержанием чтения. Следует обратить внимание и на то настроение, с каким люди богомольные отнесутся к чтению и что они переживают в это время. Видя, что дело Божие совершается с небрежением, они сетуют и возгревают в себе чувство недовольства. Совершенно другой способ церковного чтения, исполнения, например, тех же слов *Господи, помилуй*, неторопливо и раздельно, сознательно, отчетливо и ясно (при этом Преосвященный оратор демонстрирует чтение этим способом слов *Господи, помилуй* 40 раз). Мои пожелания сводятся вот к чему: Отдел должен решить вопрос в другом виде – указать меры, при помощи которых Устав был бы исполним, и не выставляли бы предлогом к его невыполнению наши немощи. Какие же это меры и средства? Я покажу. Во-первых, устранить из церковей светские хоры с их партесным пением; затем – позволить молящимся сидеть во время чтения кафизм. Во-вторых, необходимо готовиться к каждому богослужению, и не священнику только, но и мирянам. Не одни священники участвуют в богослужении, но и миряне – им предоставить живое участие в богослужении устройством общенародного пения.

Председатель архиепископ Евлогий (Георгиевский): Я должен сказать в защиту работы Отдела и рассмотренных нами докладов. Неверно заявлено оратором, что в докладе профессора И. А. Карабинова Типикон трактуется как учреждение монастырское, напротив – необходимо припомнить первое положение доклада. Он стоит на пути не сокращения Устава, а на пути борьбы с бесчинствами, проявляющимися в этой области. Он будет бороться с произвольными искажениями богослужения, с теми тибетскими мельницами, о которых говорит Преосвященный Евфимий. Во что бы обратилось богослужение при требовании быстро читать и петь? Пример великих молитвенников-подвижников, конечно, высок. Но Собор должен вынести свое решение о церковном Уставе и таком или ином к нему отношении не для них. Мы, люди обыкновенные, тяготимся исполнением точных уставных требований и для нас необходимы указания в этой области. Праведнику же закон не лежит.

Достаточно резко высказался по вопросу об уставных сокращениях протоиерей П. А. Чельцов¹⁴⁵: «На богослужебный Устав мы смотрим как на своего рода спортивное поле, где могут состязаться любители церковности. <...> Говорят, что отступлением от Устава мы отталкиваем от себя старообрядцев. Но почему не хотим обратить внимание на то, что свою непонятную, хотя и «уставную» службу, толкаем своих прихожан идти в сектанство. А опасность сектанства гораздо страшнее угрозы старообрядчества, и я боюсь, что в очень непродолжительном времени нам придется очень дорого расплачиваться за наше пристрастие к букве церковно-богослужебного Устава».

**8. 11-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме.*
Обсуждение проблем Типикона. Г. И. Булгаков и
священник В. Д. Прилуцкий об исправлении книг**

На 11-м заседании Отдела прозвучал весьма важный призыв Г.И. Булгакова о том, что уставные изменения и редактирование богослужебных книг не должны проходить втайне от церковного народа. Концепция изменений должна формулироваться в предисловиях к вновь издаваемым богослужебным книгам. Дискуссию продолжил В. Д. Прилуцкий. Приводим эти выступления.¹⁴⁶

«Такие же думы и чувства, какие волнуют нас теперь, волновали представителей церковного сознания и в далеком прошлом, воспроизводимом нам историей Русской Православной Церкви. В православной Западной Руси в XVI и XVII веках богослужебная практика была полна отступлений от Устава, была полна такими же недостатками, какие вызывают скорбь и у нас. А между тем не меньше, чем теперь, Православной Церкви со всех сторон грозила страшная опасность протестантских сект, от католичества, от унии. Ревнители Православия сплотились тогда на защиту Креста и благолепия своего богослужения. В Западной Руси в XVI и XVII веках совершалась справа богослужебных книг Православной Церкви, в том числе и соборная справа их, бывало соборное суждение по вопросам этой sprawy, делались соборные постановления о подготовке к печати и к печатанию исправленных богослужебных книг (например, постановление Берестейского Собора 1591 года), Киевского Собора о «Литургиарионе» Петра Могилы, Львовского Епархиального Собора 1606 года о «Требнике» Гедедона Балабана. В названных книгах мы видим вводные части – «предмовы» – предисловия, содержащие историко-литургические и уставно-практические указания. Я предлагаю помещать подобные вводные части или вводные статьи в новых изданиях Типика – как того, который будет печататься после sprawy на славянском языке для монастырей, так и того, который будет печататься на русском языке для приходских храмов. В таких вводных статьях должны быть означены исторические сведения о происхождении Типика, о его значении и руководственные указания относительно того, как нужно им пользоваться на практике. Предлагаемая мною мера может иметь большое значение для нашего богослужения, приближая идеи церковного Устава к церковному сознанию и к жизни Церкви.

Священник В. Д. Прилуцкий: Здесь как бы скорбь о скором сокращении Типикона. Он не доживает последние дни. У нас в тезисах есть пункт, что монастыри пользуются Типиконом полностью и для них он необходим в полном виде. Над ним должна работать корректурная Комиссия, нужно заняться подробным его исправлением. В триодной части Устава исправления необходимы: например, в словах Устава на Великую Субботу по одним изданиям – «исходит», по другим – «не исходит». Корректорные работы над Уставом производились и ранее. В изданиях, образовавшихся до 1896 года, в Уставе сказано относительно праздника Рождества Христова: «Праздник трехдневный, Пасха». В издании новом справщики опустили эти слова. Или о молящихся во время литии в старых изданиях говорится: «всем лица преклоньшим», а в новом: «главу преклонившим». И в дальнейшем следует издавать Устав с корректурными исправлениями, но в том виде и форме, как он издавался ранее, – это издание должно предназначаться для монастырских обителей. Должно быть при этом второе, так сказать, ручное издание Типикона, имеющее практический характер. К сему изданию можно сделать примечание, в котором сказать о его важности и значении. Что это издание ни у кого не вызовет соблазна, тому примером могут служить старообрядцы.

У них есть Устав «Око церковное» – известная и объемистая книга. Но при этом есть и новое издание Устава «Устав практический», составленный и изданный известным Швецовым, отпечатанный на славянском языке, но русскими буквами. У старообрядцев такое издание не вызывает нареканий. И вообще для такого рода реформ богослужбных книг, в смысле исправления выражений, опасность нового раскола не угрожает. У нас ныне радикально исправлены уже Триоди: постная и цветная. В Синодальный период нашей истории вводились даже целые богослужбные новые книги. Например, богослужбный Киевский Требник, напечатанный первоначально в Киево-Печерской Лавре, а затем значительная его часть включена и в наш Малый Требник. Пора перестать бояться соблазна с этой стороны.

9. Завершение обсуждения вопросов об упорядочении богослужения на последующих заседаниях Отдела О богослужении, проповедничестве и храме

Темой следующих заседаний было подробное обсуждение различных аспектов предстоящего доклада (то есть проекта Соборного *Деяния*). Подробно приводить этот весьма интересный материал здесь нет возможности. Любопытно, что некоторая часть выступавших высказывалась за или против *литургических реформ*, в то время как речь шла об *упорядочении* богослужения. «К прискорбью моему, – говорит архиепископ Евлогий, – я все слышу речи о том, будто бы мы посягаем на богослужбный Устав, хотим сломать его. Мы только боремся с тем, что вошло в богослужбную практику как беспорядок и что следует облагородить, указать, *что* в пределах наших сил возможно и необходимо исполнять в Уставе. Указать общие границы и вехи. Наша задача – ввести в церковное богослужение благочиние и благообразие. Если мы сознаем, что должны исполнять Устав, но однако не исполняем, потому что его нельзя исполнить, то Собор укажет, что же именно должно подлежать неперемennomu исполнению»¹⁴⁷.

10. Доклад Отдела О богослужении, проповедничестве и храме «Об упорядочении богослужения» на второй сессии Поместного Собора

Обсуждение проблем Богослужбного Устава продолжается до конца первой сессии Собора. Наконец, 25 января 1918 года, уже на второй сессии Собора, были оглашены тезисы, которые являются резюме всей предшествовавшей дискуссии¹⁴⁸.

«Совершение богослужения в современной Русской Церкви страдает многими важными недостатками, причиняющими существенный вред делу Православия и вызывающими справедливые порицания и осуждение. Главнейшими из таких недостатков являются произвольные изменения порядка и состава богослужения (сокращения, вставки и т. п.), а также небрежность в его исполнении. Причины этих недостатков разнообразны. В них повинны часто и совершители богослужения, не всегда достаточно знакомые с Церковным Уставом и часто не обладающие надлежащим пониманием богослужения и развитым литургическим вкусом. Часть вины затем лежит и на молящихся, слабая ревность коих нередко побуждает исполнителей богослужения поступать строгостью уставных предписаний. Наконец, некоторый повод для перечисленных недочетов дает и самый строй нашего богослужения: его Устав не всегда и не во всем подходит к условиям современной жизни, равно как и некоторые другие стороны нашего богослужения нуждаются в пересмотре и исправлениях. Сознывая ее средоточия, Отдел находит возможным предложить Священному Собору следующий план и меры к упорядочению нашего богослужения:

I.

А. *Рядовое богослужение*

1. Заповеданный нашим Церковным Уставом богослужебный строй хотя и образовался в окончательном виде в монастырях православного Востока, но его основой послужили богослужебные обычаи соборных храмов Иерусалима и Константинополя, вследствие чего этот Устав не может быть признан чисто монашеским произведением.

2. Как свод богослужебных преданий двух важнейших Церквей православного Востока и как произведение многовекового богослужебного опыта, действующий Церковный Устав должен быть сохраняем в качестве высшей нормы нашего богослужения.

3. Во всей своей полноте Церковный Устав является трудноисполнимым.

4. Наши монастыри должны по возможности строго соблюдать уставной порядок богослужения с дозволением заменять для тропарей канонов, а также для кафизм пение чтением по принятому обычаю.

5. Что касается мирских храмов, то Церковный Собор, отнюдь не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, но снисходя к немощи молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, знающей случаи смягчения уставных требований, равно как ввиду разрешения самого Устава при некоторых обстоятельствах сокращать богослужение, может допустить известные послабления уставных требований.

6. Для упорядочения рядового богослужения в приходских храмах предлагается:

а) не допускать замены положенного по Уставу произвольными вставками, например кафизм – акафистами или проповедью, литийных стихир – концертом и т. п.;

б) Псалтирь стихословить в объеме не менее одной *Славы* вместо целой кафизмы. В церквах, где службы не совершаются ежедневно, возможно последовательное чтение всей Псалтири по *Славам* без отношения к седмичному расписанию стихословия. В дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов;

в) чтение шестопсалмия не должно быть сокращаемо; не подобает опускать 50-й псалом и хвалитные псалмы на утрени;

г) песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. В дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир на *Господи, воззвах*, стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины положенных как из Октоиха, так и из Минеи. Отнюдь не должна опускаться на воскресной утрени стихира евангельская, воскресные тропари по *Непорочных* не должны сокращаться. Должно быть восстановлено уставное пение тропарей, кондаков, степен и седальнов. Из каждой песни канона должно читать не менее четырех тропарей, хотя бы по одному из каждого канона.

7. В первой части Литургии без всякого сокращения надлежит исполнять антифоны Господских праздников, антифоны изобразительные (при невозможности пропеть оба псалма полностью следует читать их), всedневные (в положенные дни) и Блаженные со стихами к ним; по входе полностью и в уставном порядке петь тропари и кондаки; строго соблюдать уставное количество апостольских и евангельских зачал на Литургии; восстановить пение *Аллилуиа* по Уставу на гласы аллилуиариев с выразительным исполнением последних. Отнюдь не допускается служение полной Литургии в неположенные дни Святой Четырдесятницы.

8. Богослужение в кафедральных соборах и храмах при Духовных учебных заведениях приближается к монастырскому, в домовых – к приходскому.

Б. Богослужение внерядовое, или частное

9. Совершение последований частного богослужения, в особенности Таинств, должно быть истовым, благолепным и, по возможности, должно соединяться со службами рядового круга, главным образом с Литургией.

10. Крещение совершается или в храме, или в нарочито устроенных помещениях (крещальнях). В случае совершения Крещения в частном доме (что допустимо лишь в самых исключительных случаях) для сего надлежит избрать самую лучшую из комнат.

При совершении Крещения надлежит каждый раз освящать воду по указанному в Требнике чину. Замена этого водоосвящения добавлением в купель святой богоявленской воды безусловно запрещается.

Священник всякий раз поучает восприимчивых о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга.

Крещение совершается по правилам Святой Православной Церкви трехпогужательно. Поливательное крещение допускается лишь в самых исключительных случаях «страха ради смертного» в отношении крещаемого младенца.

При публичном совершении Крещения (пред Литургией в праздники) священник поучает молящихся, объясняя обряды Таинства.

11. Исповедь есть главнейшее средство пастырского воздействия и должна совершаться с особой тщательностью. При массовом стечении желающих причаститься Святых Таин, когда нет возможности совершать для каждого в отдельности чин исповеди (например, в войсках во время походов), допускается так называемая общая исповедь, но с восполнением ее для каждого исповедующегося частною исповедью, состоящею из вопросов о наиболее тяжких грехах, лежащих на совести кающегося, и с прочтением для каждого исповедника разрешительной молитвы и наложением епитимий.

12. Таинство Брака надлежит совершать по возможности сразу после Литургии; священнику надлежит располагать брачующихся приступить пред венчанием к причастию Святых Таин. По окончании бракосочетания священник поучает брачующихся словом назидания.

13. Отпевание должно совершаться согласно с изложенным в Требнике чином. Замена указанных в Требнике припевов на 17-й кафизме припевами из чина панихиды, а также пение трех песней канона вместо девяти не допускается.

Отпевание совершается над каждым православным христианином, в вере скончавшимся. Замена отпевания обрядом так называемого «печатания» могилы с совершением чина погребения спустя некоторое время после зарытия тела в землю не допускается.

При следовании погребальной процессии кресты, иконы и другие святыни носят с подобающим благолепием и таким же образом возвращаются в церковь.

14. Служение молебнов по просьбе отдельных лиц должно быть благочинным, согласно с положенными в Часослове последованиями общего молебна. Соединение молебных канонов более чем четырьмя святым не допускается. При обхождении прихожан с праздничным молитвословием за невозможностью совершать в каждом доме полный молебен допускается совершение краткого моления по такому чину: начальный возглас, тропарь и кондак празднику или святому, ирмос 9-й песни с припевом (в двенадцатые праздники) или *Достойно есть* (в день памяти чтимых святых), сугубая ектения и отпуст.

II.

Меры к упорядочению богослужения

15. Существующая при Священном Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое кроме книжного исправления должно вообще ведать богослужением и решать все относящиеся к нему вопросы.

16. При исправлении богослужебных книг в ближайшую очередь следует пересмотреть текст нашего Типика, так как последнее его исправление было произведено еще в конце XVII века. При этом пересмотре необходимо предписания о службах русским святым изложить совместно со службами святым вселенским и вставить устав о выносе Плащаницы.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский перевод с более полным, ясным и общедоступным изложением уставных предписаний, снабженный предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава.

18. При новом издании богослужебного Евангелия необходимо соединить вместе и исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений так, чтобы рядовое чтение Святого Евангелия от Луки непременно начиналось с понедельника седмицы по Воздвижению.

19. В новом издании Миней службы русским святым следует изложить в соответствии с правленным Уставом.

20. При исправлении и редактировании Служебника образованная согласно 15-му параграфу Комиссия располагает в чинах литургии тайные молитвы так, чтобы они стояли непосредственно перед возгласами, являющимися заключением молитв.

Возгласение: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны* должно быть опущено.

Для поминовения на великом входе взамен бывших следует напечатать такие поминальные формулы: *Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков* (для диакона), *Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков* (для священника).

Евхаристический канон следует напечатать с такой расстановкой знаков препинания, которая ясно обозначила бы грамматическое отношение возгласений к читаемым тайно молитвам, причем вводные чисто диаконские «напоминания» должны печататься мелким шрифтом.

Тропарь 3-го часа: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа* печатается также мелким шрифтом и ставится перед словами: *Еще приносим Ти словесную и безкровную службу и просим и молим* (в Литургии Василия Великого пред словами *Сего ради, Владыко*).

21. В отношении к Требнику Комиссия, кроме исправления отдельных выражений в молитвах и замены малопонятных речений более понятными, должна еще заняться составлением некоторых новых чинопоследований, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов. В Книгу молебных пений должен быть внесен новосоставленный чин молебного пения при открытии Всероссийского Церковного Собора и особое новогоднее молебствие.

22. Всякое богослужебное чтение должно совершаться на середине храма, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается лицом к народу.

23. Необходимо принять все возможные меры к тому, чтобы совершители богослужения знали Церковный Устав; для этого, между прочим, следует поднять преподавание

науки о богослужении в Духовных школах, а также озаботиться изданием ежегодников, дающих все нужные уставные указания на каждый богослужебный день.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению и вообще для поддержания в них сознательного отношения к последнему необходимо издание всякого рода популярных книжек с богослужебными текстами, их переводом, изъяснениями и т. п.

25. Собор обращается с особым Посланием к совершителям богослужения, в котором он, с одной стороны, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, с другой – должен призвать всех к точному соблюдению настоящих постановлений».

11. Дальнейшая судьба доклада «Об упорядочении богослужения»

На 23-м заседании было постановлено «ввиду того, что все тезисы подвргнуты были подробному и детальному обсуждению в заседаниях Отдела и что предложено было (профессором И. А. Карабиновым) внести их еще в минувшую первую сессию заседаний Собора, считать их достаточными и внести в доклад Священному Собору»¹⁴⁹.

Доклад об упорядочении богослужения дважды обсуждался Епископским Совецанием. Приводим полностью протокол заседания Епископского Совецания, которое состоялось 15(28) августа 1918 года¹⁵⁰.

Слушали: Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*, именно – об упорядочении богослужения, причем в Отделе предположено, не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, сохраняя Церковный Устав в качестве высшей нормы нашего богослужения, но снисходя к немощам молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава: а) допустить некоторые послабления уставных требований в рядовом богослужении, упорядочить внерядовое, для чего существующая ныне Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое кроме книжного исправления должно вообще ведать богослужение и решать все относящиеся к нему вопросы; б) издать русский перевод Типикона; в) исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений и другие, причем Собор должен обратиться с особым Посланием к совершителям богослужения, в котором он, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, должен призвать, и настойчиво, к точному соблюдению изложенных в докладе постановлений.

Справка: Доклад Отдела о богослужении в настоящем его виде рассматривался на Епископском Совецании 4 (17) марта сего года, причем по рассмотрении доклада было постановлено: действующий ныне церковный Устав должен быть сохранен в качестве высшей нормы нашего богослужения, совершители же богослужения призываются к истовому отправлению оногo, допуская сокращения с крайней осмотрительностью, чтобы не смущать ревнителей церковной уставности. Не внося на соборное рассмотрение этого доклада, напечатать его на пишущей машинке и разослать Преосвященным для приблизительного руководства по вопросу об уставном сокращении.

Постановили: Остаться при прежнем постановлении, передав Священному Синоду в копии доклад Отдела о богослужении и настоящий журнал Епископского Совецания для приведения в исполнение постановления Преосвященных архипастырей.

Документальных данных о дальнейшей судьбе этого доклада мы не имеем. По свидетельству епископа Ковровского Афанасия (Сахарова), после

закрытия Собора Синод «в одном из первых своих заседаний, рассмотрев доклад «Об упорядочении богослужения» как наиболее жизненно необходимый по благословию Патриарха Тихона постановил разослать его во все епархии для руководства»¹⁵¹. Других свидетельств об обсуждении этого доклада Синодом у нас нет.

12. Вопросы книжной справки

Вопрос о необходимости продолжения работы над текстом богослужбных книг вставал периодически. Тезис о необходимости этой работы был прямо зафиксирован в 15-м пункте приведенного выше доклада «Об упорядочении богослужения». Наиболее активно обсуждалось исправление Требника. Приведем здесь выступление протоиерея А. А. Хотовицкого на 22-м заседании Отдела, которое состоялось 30 ноября 1918 года: «Нельзя ли поставить вопросы о чинах и молитвах, не вошедших в Требник. Таковы, например, чин освящения одежд иерейских, чин освящения кладбища, чин введения мужа и жены в храм, чин введения женщины в храм после рождения, чин освящения фелони, поручей, чин освящения свечей. На все эти чины есть особые молитвы в Дополнительных Требниках. Я укажу на пример нашего незнакомства с этими чинами. Митрополит Платон (Рождественский) служил в день Сретения в Галиции. Богомольцы в этот день кладут массу свечей на аналой для освящения. Я докладывал, что на освящение свечей есть молитва в уннатском Требнике. Митрополит требует Дополнительного Требника, начинает перелистывать его и не находит молитвы на освящение свечей. Тогда он начинает читать молитву общую на освящение всякой вещи, заменять слова, вставляя слово «свеча» там, где речь идет о других предметах. Получается путаница. Не удобней было бы нам позаимствовать молитвы из уннатского Требника? Многие из этих чинов остались и у нас, но многих нет. Например, чин введения нового настоятеля в храм. Это идейный и заслуживающий много внимания чин, одухотворяет нового служителя Божия в приходе на все пути его жизни. Все это вопросы дисциплины. Я мог бы представить факты об этом. Я не испытывал затруднений в своей практике при введении многих чинов»¹⁵².

В этой же связи следует упомянуть обсуждение Собором вопроса о так называемом «Походном Требнике» – богослужбной книге, содержащей лишь самые необходимые чины¹⁵³.

13. Историко-литургическая справка профессора И. А. Карабинова «О евхаристическом хлебе и вине»

Начавшаяся разруха и отсутствие продовольствия делали поиски необходимых для совершения Евхаристии пшеничного хлеба и виноградного вина очень сложной проблемой. В этой связи на 40-м заседании ставится вопрос о возможности замены пшеничного хлеба и виноградного вина более доступными продуктами¹⁵⁴. Историко-литургическую справку поручают сделать И. А. Карабинову. Текст этой справки мы приводим полностью¹⁵⁵.

В отношении к евхаристическим хлебу и вину современная богослужбная практика Русской Церкви считает для себя обязательным предписание печатающегося в нашем Служебнике так называемого «Учительного известия», где ясно и решительно с положительной и отрицательной сторон утверждается, что хлеб для Евхаристии

должен быть непременно только чисто пшеничный, а вино – исключительно виноградное: «Вещь тайны Тела Господа нашего Иисуса Христа есть хлеб от чистья муки... иный же хлеб, кроме самая пшеницы, квасный, из всякаго жита семян, вещно тело Христово быти не может. Дерзнувый же иерей над такимым хлебом из иных семен служить... зело тяжко согрешит и извержению подпадет, яко таинство на такихым видах не совершит... Вещество крове Христовы есть вино от плода лознаго, сиесть из гроздов винныя лозы источенное... подобает сему вину... чистое быти, несмешанное с каковым либо иным питием, кроме еже из гроздия... Вином же не суть и быти не могут вся соки от различных овощей и ягод источены, сиесть яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый и иныя сим подобныя. Аще же кто дерзнет кроме самого виноградного вина на иных видах и соках, никакоже Таинство совершит, но согрешит иерей тяжко смертно, и извержению от священства подпадет». Каноническое значение «Учительного известия» нельзя назвать совершенно твердым и бесспорным: оно держится, кажется, больше на традиции, чем на каких-либо основаниях, сообщающих этому произведению действительно характер церковного закона. Впервые оно появилось в московском издании Служебника 1699 года. В библиотеке и архиве Московской Синодальной типографии, по-видимому, нет никаких документов, объясняющих появление в русском Служебнике такого нового и важного добавления. Впоследствии при Святейшем Синоде «Учительное известие» за некоторые неисправности исключалось из состава Служебника, а затем по исправлении <было восстановлено>. Не сохранилось, по-видимому, в московских книгохранилищах и первоначального списка «Учительного известия». Зато в Московской Синодальной библиотеке имеются, кажется, четыре рукописи, содержащие первичную редакцию «Известия», переработанную в «Известие» и носящую заглавие «Воумление, то есть наставление от архиерея чинному служению Божественныя литургии, и иных нужных случаев, ведение зело потребное». По содержанию «Воумление» шире «Известия»: в то время как последнее имеет в виду одну лишь Евхаристию, «Воумление» кроме этого дает наставления и относительно некоторых других церковных последований и треб (например, относительно различных треб над больными, усопшими и пр.). Составителем «Воумления» был известный московский книжный справщик второй половины XVII века чудовский инок – старец Евфимий. В предисловии к «Воумлению» он сообщает следующую историю появления этого труда: еще Патриарх Ираким находил нужным написать подобное наставление – «повеле собрати писменно и о имущих хиротонисатися в чин иерейства или диаконства, что должны веди приличное чину их священному и что должны отвещавати вопрошаеми от архиерея или инаго кого-либо хотящаго истинно веди о Церкви и церковных, и, получив чин священства, веди како строити Божественным Тайнами паче же желаше Святейший Патриарх написана быти решения на всякия случаи, случающиеся в таинствах, наипаче в Божественной литургии: да свидетельствовав тая соборне, и избрав потребная... типографию издаст в общую ползу... и тако по повелению его, елико возможно бе, собрася сие воумление от книг киевских, и белорусских, и иных». Но Патриарх Иоаким скончался, «не доспев написанная прочести... ниже инии архиерее после его прочтоша даже до днесь, аще пособне и мнози чтоша». Преемнику Иоакима Адриану в начале своего правления также не удалось прочитать книгу соборне. «Посем случися ему Святейшему Адриану Патриарху тяжкая и долговременная болезнь... а тако оста написание сие никем свидетельствовано». В интересующей нас части, то есть в наставлениях касательно совершения Евхаристии, составитель «Воумления» действительно пользовался киевскою книгою – Требником Петра Могилы и в особенности помещенным там Трактатом

о тайне Тела и Крови Христовых: большая часть «Воумления» и «Учительного известия» представляет собою легкую переделку киевского трактата. Неизвестно в точности, был ли в руках Евфимия аналогичный, но еще более старый трактат белорусского происхождения, приложенный к Службнику виленского издания 1617 года под заглавием: «Наука иереем до поряднаго отправоания службы Божия велце потребная». И в моголинском «Трактате», и в виленской «Науке» глава о веществе для Евхаристии изложена гораздо подробнее, чем в нашем «Известии», но несколько с меньшею решительностью в суждении о действительности Таинства при том или ином виде веществ. Виленская «Наука» предписывает: «Хлеб мает быти з муки пшєнные и з воды прирєженное уробленный и упечєнный квасный; если бы мука была грєчаная, албо ячменная, албо авсєная, албо иншая какая, крєме пшєнное, албо теж пшєнная наполю змєшанная з ыншою мукою, тогда хоча бы была вода прырєжєная, тот хлеб не был бы материєю властною, хлеб збзутвєлый, спрєснєлый, албо згорчальный, албо з выншими рєчми трєхи смєшан. Яко наприклад з молоком, з маслом, з яйцы, не может быть материєю властною. – Матєрия з которєе ея свєршает кровь Христовєе есть вино з матицы винное, то есть абы было с того дєрева албо лєзы, которєя з себе грєна винные выпускает... сок зась ягєдный, албо яблєчный, так теж и квас вшєляний, пиво, гєрєєна, мед и иншыє разныє напои, иже не суть з грєна винного, навєп и само вино, если бы было змєшано з ыншим яким напоєм, танєнты смєне винный утратило, абы теж в оцєтєся обернуло не может быть матєриєю прыстойною до совершєния Крови Христовєе». Трактат Петра Мєгилы отвергает употребление для Евхаристии всяких иных веществ, крєме чистого пшєничного хлеба и подлинного виноградного вина, потому, что сомневается, чтобы при вышеозначєнных веществах Таинство действительно могло совершиться. Судя по отдельным выражениям виленской «Науки», можно думать, что еє оригиналом или, по крайней мєре, источником было какое-либо латинское сочинєние. Что касается трактата Петра Мєгилы, то такой источник здесь установлен уже вполне твердо и неопровержимо: выяснено, что этот трактат представляет собою по местам буквальный перевод, а в значительной части переделку аналогичного латинского трактата <De defectibus>¹⁵⁶, помещаемого в редакции римского Миссала (Службник. – *Ред.*), одобренный Тридєнтским Собором. Параграфы этого латинского источника, касающиеся евхаристического вещества, очень сходны с предписаниями нашего «Учительного известия»: «Если хлеб будет не из пшєничной одной муки, но из смешанной с мукой из какого-либо другого зерна в таком количестве, что хлеб потеряет вид пшєничного, или если хлеб окажется в чем-либо поврежден, Таинство не совершится. Если вино окажется совершенно скисшим, или совсем негодным, или выжатым из зеленых, незрєлых, ягєд, или если к нему будет примєшана вода в таком количестве, что вино потеряет всякий вкус, Таинство не совершится». Таким образом отдаленною основою и источником нашего «Учительного известия» является трактат, составленный для нужд Римско-Католической Церкви. Несмотря на сомнительное каноническое значение и подозрительное литературно-историческое происхождение нашего «Учительного известия» в его цельном виде, предписания его касательно евхаристического вещества, по их содержанию, совершенно каноничны и вполне согласны с церковным преданием об этом. Можно было бы привести немало выдержек из различного рода произведений церковной литературы, начиная со II века, которые, говоря о евхаристическом хлебе, считают обычно употребляемым в данном случае именно хлеб из пшєницы. Для примера я приведу одно из древнейших таких свидетельств, принадлежащее святому Иринею Лионскому, и V книги (Против ересей, гл. II. 3): «Когда чаша растворєнная и пригєтовлєнный хлеб принимают Слово

Божие и делаются Евхаристиею Тела и Крови Христа, от которых укрепляется и поддерживается существо нашей плоти; то как еретики говорят, что плоть не причастна дара Божия, то есть жизни вечной, плоть, которая питается телом и кровью Господа и есть член Его. Святой Павел в Послании к Ефесеям говорит: *мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30), говоря это не о каком-либо духовном и невидимом человеке, ибо дух ни костей, ни плоти не имеет, но об устроении истинного человека, состоящего из плоти, нервов и костей, и эта плоть питается от Чаши Его, которая есть Кровь Его, и растет из хлеба, который есть Тело Его. И как виноградное дерево, посаженное в землю, приносит плод в свое время, или пшеничное зерно, упавшее в землю и ислевшее, во многом числе встает силою Духа Божия, все содержащего, а это потом, по премудрости Божией, идет на пользу человека и, принимая Слово Божие, становится Евхаристиею, которая есть Тело и Кровь Христова; так и питаемая от нея тела наши, погребенныя в земле и разложившиися в ней, в свое время встанут, так как Слово Божие дарует им воскресение во славу Бога и Отца, который это смертное облакает бессмертием и тленному даром дает нетление».

В частности, греческая Церковь издавна, подобно нашей, заботилась не только о чистоте продукта, из коего приготавливался хлеб для Евхаристии, но также и <о> том, чтобы этот продукт, то есть мука, был самой лучшей и тончайшей выделки: в византийских ктиторских Уставах XII–XIII веков можно нередко читать завещания их авторов, чтобы в учрежденных ими монастырях для богослужебных просфор мука отпускалась высшего качества в противоположность муке для обычного употребления. Обычай Древней Церкви употреблять для Евхаристии хлеб только пшеничный основывался, быть может, не только на том, что такого рода хлеб был наиболее употребительным в быту восточных и античных народов или на мысли, что пшеница, как наиболее тонкий и благородный представитель хлебных злаков, лучше прочих собратьев подходит к величайшему христианскому Таинству, но, быть может, также и на убеждении, что и Христос установил Евхаристию также на пшеничном хлебе. Пример Христа с Его повелением «творить сие в Его воспоминание», быть может, сознавался и понимался Церковью как закон относительно другого евхаристического вещества, именно: вина. Церковь издала несколько канонов, в коих ясно и решительно сказано, что по примеру и заповеди Христа из всех напитков для Евхаристии может быть употребляемо одно лишь виноградное вино. Об этом, например, говорят 3-е и 4-е апостольские правила: «Аще кто епископ или пресвитер – вопреки учреждению Господню о жертве принесет ко алтарю иныя некоторыя вещи, или мед, или млеко, или вместо вина приготовленный из чего-либо другого напиток... да будет извержен от священного чина». Опять-таки, как и в отношении евхаристического хлеба, так и в отношении вина для Евхаристии Восточная Церковь издавна следила за качеством этого продукта: плохое достоинство его считалось весьма тяжкой провинностью со стороны тех, кто за этим должен был следить. На IV Вселенском Соборе, между прочим, разбиралось дело Едесского епископа Ивы по обвинению его несколькими едесскими же пресвитерами во многих преступлениях. В жалобе этих обвинителей, между прочим, читается и такой пункт: «Когда совершалась память святых мучеников, то для приношения на святой алтарь, освящения и раздаяния народу дано было только весьма немного вина, и притом дурного, нечистого и как будто только что выжатого из винограда, отчего назначенные совершать службу принуждены были купить вина совершенно дурного в лавочке за 6 сенстариев, которого также не достало; поэтому он сделал знак раздававшим Святое Тело возвратиться, потому что не нашлось Крови; тогда как сами они пили и имели, да и всегда имеют, превосходное. И это делалось

тогда, когда имевший власть распоряжаться богослужением знал об этом и извещен был с тем, чтобы и он известил епископа со всей откровенностью. А так как он ничего не сделал в то время, то мы принуждены были снова известить самого почтеннейшего епископа. Впрочем, и известившись, он не тронулся, но все это презрел, так что многие из нашего города соблазнились этим».

- При настоящей продовольственной разрухе во многих местах России оказывается весьма трудным получить пшеничную муку и виноградное вино удовлетворительного качества. Вследствие чего в православной среде поднимаются толки о том, нельзя ли в Евхаристии употреблять хлеб из иной, например ржаной, муки, а вино заменить подходящими напитками из других каких-либо плодов или фруктов. Пользу такой замены вина стараются оправдать еще и тем соображением, что употребляемое у нас обычно для Евхаристии красное вино весьма редко бывает натуральным, но большею частью представляет собою фальсификат и весьма часто из недоброкачественных и недостойных великого Таинства материалов. Из приведенного выше мнения Церкви о евхаристическом вине можно видеть, что, несмотря ни на какие переживаемые нами тяжелые обстоятельства, не может быть и речи о замене здесь виноградного вина каким-либо иным напитком. Думается далее, что в вопросе о евхаристическом вине Русская Церковь сама значительно стеснила себя одним весьма важным условием и ограничением: в ней установился обычай пользоваться для Евхаристии лишь сортом красных вин и преимущественно, кажется, так называемым сортом «Кагор». Между тем ни современная восточная православная практика, ни даже, по-видимому, церковная старина таких ограничений и исключительности не <знала>¹⁵⁷. На православном Востоке в настоящее время при совершении Евхаристии беспрепятственно употребляются сорта вин с легким розовым или коричневым оттенками, то есть по нашей терминологии относящиеся к разряду вин белых. Такой обычай некоторым нашим наивным и привыкшим к иной практике паломникам по Святой Земле дает повод утверждать, что-де «у греков за причащением Крови Христовой нет». Наше «Учительное известие», насколько мне помнится, о цвете вина для Евхаристии умалчивает. Источник «Известия», Трактат Петра Могилы, дает примерный перечень сортов вина, которые можно употреблять при совершении Литургии; такими, по Трактату, оказываются вина: угорское, волоское, французское, малмазия, петрисемен. От II века мы имеем одно сообщение святого Иринея Лионского, дающее повод думать, что в глубокой христианской древности относительно цвета евхаристического вина не существовало принятого у нас ограничения¹⁵⁸. «Есть между еретиками некто по имени Марк, хвалящийся тем, что усовершил учение своего учителя. Будучи весьма искусен в магических проделках, он обольстил ими и привлек множество людей обоюдопола к себе, как будто бы обладающему наибольшим ведением и получившему наивысшую силу из незримых и неизменяемых мест, чрез что является истинно предтечею антихриста. Соединив фокусы Анаксия с досужеством так называемых магов, он дает бессмысленным и выжившим из ума людям думать, что совершает таким образом чудеса. Так, показывая вид, будто совершает Евхаристию над чашею, наполненною вином, и длинно растягивая слова призывания, он производит то, что чаша является багряною и красною, отчего думают, будто по силе его призывания всевышняя благодать источила в нее кровь свою, и присутствующие сильно желают вкусить этого пития, чтобы и на них излилась призываемая этим магом благодать»¹⁵⁹. Таким образом, испытываемое теперь затруднение с вином для Евхаристии можно значительно облегчить разрешением употреблять для этой цели сорта так называемых белых вин известной сладости и крепости.

Думается, что равным образом не следует нарушать церковной традиции и относительно употребления в Евхаристии лишь пшеничного хлеба. Нужно поискать сначала выхода из нынешних затруднений в этом деле не заменой пшеничной муки ржаной, а тем путем, который уже издавна проделан и указан нам опытом греческой Церкви и который вполне оправдывается древней богослужебной практикой, именно путем сокращения количества и размера просфор. Кажется, многим уже известно, что для совершения Евхаристии нужна собственно только одна просфора. Наш 5-просфорный чин проскомидии и вышедшее из него русское 7-просфорие – сравнительно уже поздние явления: первые 5-просфорные чины становятся известными в рукописях лишь с конца XII века, окончательную фиксацию этому чину дал Константинопольский Патриарх Филофей – XIV век, русское же 7-просфорие развивается на почве Филофеева чина и, кажется, не восходит далее второй половины XVI века. Еще в XI веке считалось возможным совершать Литургию с одним хлебом: хартофилак патриарший Петр на вопрос: «Можно ли совершать Литургию на одной просфоре?» – отвечал: «Если нет памяти святого или умершего, то ничто не препятствует». Такое же разрешение для случаев крайней необходимости (если не будет поблизости торгова, где возможно купить вторую просфору) дает, насколько помнится, в ответах Новгородский архиепископ Нифонт на вопрошания Кирика. Единая просфора считается достаточной для совершения Литургии в Студийском Уставе Патриарха Алексия, назначаем для обычной соборной Литургии 7 просфор. Греческой богослужебной практикой с XV века, между прочим, выработаны следующие приемы сокращения обычного 5-просфория: она заменяет 4 последних просфоры одной общей просфорой с 4-частной печатью, как это делается теперь на Востоке, например на Афоне. Затем, в греческой Церкви допускалось употребление для Евхаристии одной общей просфоры несколько увеличенного размера с 5 печатями, из коих центральная, наибольшего размера, предназначалась для Агнца. О такой проскомидии, совершенной на каком-то островке архипелага, рассказывает в своем «Проскинитарии» Арсений Суханов: «Просфора была одна, велика, с денежной хлебец, на ней пять печатей крестных, и поп агнец вынял из верхней печати, а прочия части выщипывал из прочих печатей помаленьку». Аналогичную проскомидию имеет в виду 213-е правило Номоканона, печатаемого в нашем Большом Требнике – памятнике, восходящем к XV веку. Славянский перевод этого правила неточен и не всем удобовразумителен. «Сверх сего знай, что первая просфора должна быть цельной, чтобы тебе можно было вынуть Господский хлеб и чтобы по изъятии у тебя осталось нечто и для антидора. Прочие же четыре просфоры могут быть и просто только печатями. Если же за богослужением будет много народа и одна просфора окажется для антидора недостаточной, возьми и в честь Богородицы цельную просфору, остальные же пусть будут только печатями». В греческой Церкви считали возможным служить Литургию на одной просфоре даже без дополнительных 4 печатей, то есть с одною печатью: в таком случае части, положенные вынимать из 4 последних просфор, вынимались просто из боковых обрезков Агнца. Таковы приемы сокращения количества литургийных просфор, выработанные греческой богослужебной практикой, и, думается, Русская Церковь должна испробовать их в условиях крайней необходимости, прежде чем поднимать вопрос о замене пшеничных просфор какими-либо иными, например ржаными. В местах, где особенно крайней необходимости нет, на первых порах возможно было бы просто ограничиться уменьшением до возможного предела размера 4 просфор.<...>

Затем состоялось обсуждение этого доклада, изложение которого мы приводим по протоколу¹⁶⁰.

Замещающим Председателя епископом Симоном (Шлеевым) предложено было Собранию высказаться по вопросам, развиваемым в докладе И. А. Карабинова. До прерыва заседания, объявленного в 1 ч. 30 мин. дня, по предложению председательствующего высказывались по вопросу следующие ораторы – члены Собора, замещающий Председателя епископ Симон (Шлеев), епископ Палладий (Добронравов), В. В. Богданович, Виноградов, Н. И. Остроумов, протоиерей М. Р. Кудрявцев, священник М. Ф. Голунов, иеромонах Афанасий (Сахаров), профессор И. А. Карабинов, протоиерей Ф. Д. Филоненко, А. В. Васильев, священник И. Ф. Шукин, Н. Г. Малыгин, протоиерей И. А. Артоболевский, Р. Е. Сапин, причем некоторые из перечисленных ораторов выступали от 2 до 4 раз. Сущность высказанных ораторами мнений по предмету вопроса сводится к следующим общим положениям: а) на основании строго научной историко-литургической справки докладчиком прежде всего было установлено, что веществом, необходимым для совершения Таинства Евхаристии, признавалось всегда вино, приготовленное из грозд винограда, и чистый пшеничный хлеб, хотя относительно последнего докладчик неоднократно делал оговорку, что по недостатку времени он не мог исследовать вопрос о евхаристическом хлебе с такою же подробностью, как о вине. Ввиду создавшихся и могущих создаться временных затруднений в покупке красного виноградного вина и пшеничного хлеба для Евхаристии докладчик со своей стороны не находил в исторических канонических справках препятствий к тому, чтобы вином для Таинства Евхаристии служил и всякий другой, кроме красного, сорт чистого беспримесного виноградного вина, а с другой стороны, чтобы количество просфор для таинства могло ограничиваться от 3 до 1, что уже существует и ныне в практике Греко-Восточной Церкви, где для Евхаристии употребляется одна большая просфора с пятью печатями на одной, средняя часть которой служит для приготовления Агнца, боковые же – в честь Богородицы, святых и за живых и умерших; б) некоторые ораторы стояли на мысли о том, чтобы одна лишь просфора, необходимая для евхаристического Агнца, приготавливалась из чистой пшеничной муки, все же остальные могли бы быть приготовлены и из ржаной муки за недостатком или трудностью добыть муку пшеничную. Вино же для Таинства Евхаристии беспримесное, чисто виноградное, замечали они, не употребляется, как показывает анализ церковного вина, и в благоприятное для производства и торговли оным время, – в настоящее же время оно может употребляться в смешении одного сорта (белое с красным) с другим (В. В. Богданович); в) указывали на возможную и допустимую необходимость понижения сорта муки для приготовления просфор (Виноградов), на широкое привлечение к участию в принесении проскомидийных даров хлеба и вина самих прихожан, к чему в настоящее время – с открывающимся широким участием прихожан в церковной жизни – является полная возможность; на необходимость взаимопомощи в этом деле и допущение дележа веществами для Таинства Евхаристии между церквами наиболее богатыми и беднейшими, ссылаясь в этом случае на поучительные примеры жителей Перми и Белева (протоиерей М. Р. Кудрявцев и епископ Палладий (Добронравов)); г) отмечали возможность приготовления евхаристического вина из изюма (в Уральской области священник М. Ф. Голунов), а хлеба – из всех сортов муки до ржаной включительно, ибо смысл таинства Евхаристии не в цвете веществ, необходимых для него, а в единении между собой верующих (М. А. Остроумов); д) указывая на пример священномученика Патриарха Ермогена, разрешившего в Смутное время совершение Евхаристии на вишневом соке, допускали возможность приготовления такого рода евхаристического вина, как равно также и приготовление

из изюма, смородины; отмечали возможность совершения Евхаристии на виноградном соке, лимонадах, употребление ржаных из чисто просеянной муки просфор, употребление вина фруктового как наиболее дешевого и доступного по цене для приобретения (протоиерей Ф. Д. Филоненко, Л. К. Артамонов, А. В. Васильев); е) высказывались за необходимость строгой экономии церковного вина, допуская оное для употребления исключительно лишь при совершении Евхаристии, во всех же прочих случаях, когда вино должно иметь место за церковным богослужением (как, например, при совершении Таинств брака, елеосвящения, при потреблении Святых Даров, вместо теплоты Великим постом), замену оною другими напитками, как например, медом или даже простой водой (священник И. А. Артоболевский); употребление ячменной муки для просфор вместо пшеничной; употребление так называемых сухих, приготовленных в порошках виноградных вин или изюма, растертого в порошок, с подбавкою к оному виноградного сока; настаивали также на необходимости ввиду могущей возникнуть к тому потребности совершения Литургии на запасных или Преждеосвященных Дарах, которые нередко древние подвижники-пустынники уносили с собою в пустыни и пещеры, где и причащались оными; для такой намечали и особый чин, несколько отличный от Литургии Преждеосвященных Даров.

→ По возобновлении после краткого перерыва заседания слово вновь взял замещающий Председателя епископ Симон (Шлеев), который сгруппировал все ранее высказанные суждения по вопросу о веществе для таинства Евхаристии: хлебе и вине и указал, что все ранее высказанные чисто практические суждения по вопросу о том, как ныне приобретать установленные канонами вещества для Святого Таинства Евхаристии, вполне приемлемы, едва ли могут быть оспариваемы и Священный Собор должен согласиться с ними, дозволить проведение их в жизнь. По вопросу же о том, как поступать в том случае, когда возможно будет встретиться с фактом полной невозможности приобретения пшеничного хлеба и виноградного вина, Преосвященный заметил, что крайне грустным и тяжелым явлением было бы в данном случае хотя бы и временное прекращение служения Литургии. Практический выход из создавшегося положения замещающий Председателя епископ Симон (Шлеев) указывал, ссылаясь на пример священномученика Ермогена, в возможности разрешения служения Литургии на просфорах, приготовленных из ржаной муки и ягодном вине. Причем высказав такого рода суждения, Преосвященный развил несколько иной взгляд на 3-е и 4-е правила апостолов, чем докладчик профессор И. А. Карабинов: ссылаясь на 33-е правило VI Вселенского Собора, Владыка указывал, что кара 3-го правила налагается на тех, кои вообще не приносят при Таинстве Евхаристии питья, напоминающего собой Кровь Христа и по молитве и благословиению предлагающегося вместе с водой в Пречистую Кровь Спасителя Христа. Мы, православные, говорил епископ Симон (Шлеев), исповедуем во Христе две <природы>: божескую и человеческую, причем полное человечество, состоящее из души и тела, из коего при Распятии истекли кровь и вода. Если мы приносим в Евхаристии одну воду, то мы еретики, заслуживающие кару 3-го правила. Если же в Евхаристии приносим не только воду, но и другую часть питья, означающую собою Кровь Пречистую, то не подлежим осуждению апостольского правила. Что же мы должны приносить вместо виноградного вина, если его не будет? Христос Спаситель, уча о Таинстве Евхаристии, говорил, что Тело Его есть истинное брашно, и Кровь Его есть истинное питье. Да позволено будет мне сказать, и да не поставит мне Господь греха в моем суждении, если я изложу его так: истинное брашно, настоящий, квасной хлеб, из чего бы он ни был приготовлен, и истинное питье, соединенное с брожением, из чего бы ни было приготовлено (из смородины, вишни ли и т. п.) могут изобразить собой Пречистое Тело и Живоносную Кровь Христа Спасителя

и по благословению священнодействующего, по снисхождению к нашей немощи, по тесноте настоящих земных условий и обстоятельств могут преложиться в оные. Православная Церковь чужда материализации Таинств. В других Таинствах (Крещение, Миропомазание, Елеосвящение) по нужде бывает изменение веществ таинств, почему же нельзя в случае крайней необходимости сделать это вышеупомянутое изменение веществ в Евхаристии?

По кратком обмене мнениями было постановлено: а) признать заслуживающими полного одобрения все указываемые в настоящем заседании Отдела практические мероприятия, направляемые к изысканию тех или иных способов для приобретения хлеба и вина для Таинства Евхаристии, и стремиться с разрешения высшей церковной власти проводить их в жизнь там, где обнаружится к тому необходимость; б) иметь продолжение суждения по вопросу о веществе для таинства Евхаристии – хлебе и вине, в одном из следующих заседаний Отдела и просить профессора И.А. Карабинова пополнить к этому заседанию предложенный им доклад наиболее подробными историко-литургическими справками, особенно по вопросу о евхаристическом хлебе, так как последний вопрос, по заявлению самого докладчика, за недостатком времени недостаточно им разработан в предложенном докладе.

Обсуждение этого вопроса было продолжено на последнем заседании Отдела, которое состоялось 27 августа/8 сентября 1918 года. Подробная запись хода дискуссии по этому вопросу в деле отсутствует, поэтому мы здесь ограничимся воспроизведением соответствующего фрагмента протокола¹⁶¹.

После краткого обмена мнениями по сему вопросу, в котором принимали участие иеромонах Афанасий (Сахаров), священник И. А. Артоблевский, протоиерей М. Р. Кудрявцев, А. В. Васильев, Л. К. Артамонов, по голосовании вопроса было постановлено представить на благовоззрение и дальнейшее распоряжение Священного Синода те практические мероприятия, которые были указаны на предшествовавшем заседании Отдела, и доложить Совещанию епископов, что Отдел, со своей стороны, находит возможным в случаях крайней нужды и невозможности достать пшеничной муки и красного виноградного вина, разрешить совершение Таинства Евхаристии: а) на просфорах, изготовленных не только из пшеничной, но и тщательно просеянной ржаной муки; б) на других сортах (как красного, так и белого) сладких виноградных вин; на виноградном соке, изюмном вине (согласно примеру Церкви Абиссинской), а равно и на ягодных соках или винах (вишневом, смородиновом, черничном), и просить Совещание Епископов поставить вопрос о веществе для Евхаристии на обсуждение и издать соответствующее распоряжение.

Совещание Епископов рассмотрело этот доклад 9/22 сентября 1918 года. Приводим выписку из протокола этого заседания¹⁶².

Слушали: <...> Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* <...> по вопросу «О веществе для Таинства Евхаристии <...>, переданных Соборным Советом по определению Священного Собора <...> от 30 августа (12 сентября) на разрешении Совещания Епископов.

Постановили: доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* <...> передать Высшему Церковному Управлению.

По всей вероятности, уже после прекращения работы Собора на основе этих материалов было подготовлено циркулярное распоряжение Высшего Управления Русской Православной Церкви о том, что по нужде Евхаристия может совершаться «на ржаном хлебе за неимением пшеничного, и на некоторых ягодных соках за отсутствием виноградного вина»¹⁶³. Циркуляр распро-

странялся секретно¹⁶⁴ и вызвал оживленную полемику. Наиболее известным документом этой полемики является четвертое письмо М. А. Новоселова¹⁶⁵.

14. Исправления частных особенностей богослужебной практики

Богослужение с пением *Аллилуиа* в определенные дни Рождественского поста

На 15-м заседании Отдела, которое состоялось 7 ноября 1917 года¹⁶⁶, по предложению Б. А. Тураева был принят следующий доклад¹⁶⁷.

Докладчик: профессор Б. А. Тураев

О восстановлении указаний Церковного Устава, изложенных в главе 9-й и перед 15 числом ноября, относительно совершения богослужения с пением Аллилуиа в определенные дни Рождественского, Успенского и Петровского постов

Тяжкие испытания, переживаемые нашей Родиной, уже не раз побуждали церковную власть призывать православный русский народ на путь поста и покаяния: и Священный Синод, и Освященный Собор дважды назначали за это время особые, нарочитые посты. Теперь эти испытания достигли крайних пределов. Между тем приближается Рождественский пост, «малая Четырдесятница». Современная богослужебная практика наша не отличает этого поста от других обычных дней. Но Устав Церковный выделяет в этом посту, как и в посты святых Апостолов и Успенский, особые дни, «егда поется Аллилуиа», когда общий строй богослужения приближается к службе Великой Четырдесятницы и имеет строго покаянный характер. Это именно те дни, которые не отмечены никаким праздником, до «службы на шесть» включительно. Подробные указания относительно богослужения в эти дни находятся в 9-й главе Типикона и в его части, содержащей месяцеслов, пред 15-м числом ноября. Для возбуждения в народе покаянных чувств в переживаемую неслыханно тяжелую годину было бы целесообразно напомнить обителям, а также тем из соборных и приходских церквей, где богослужение совершается ежедневно, чтобы забытое требование Устава о богослужении с пением *Аллилуиа* было восстановлено как в приближающийся пост Рождества Христова, так и в следующий Петровский и Успенский посты.

По указанным соображениям VII Отдел просит Освященный Собор вынести следующее постановление:

«Для возбуждения в душе народа чувства покаяния в переживаемые дни страшной скорби всенародной предлагается монастырям, соборам и приходским церквам, где совершается ежедневное богослужение, следовать указаниям Устава, изложенным в главе 9-й и пред 15-м числом ноября относительно совершения богослужения с пением *Аллилуиа* в определенные дни Рождественского, Петровского и Успенского постов».

Ввиду скорого наступления Рождественского поста просим провести и принять это постановление в спешном порядке.

10 ноября 1917 года этот доклад был рассмотрен Соборным Советом, который предложил Собору «передать доклад в Священный Синод для надлежащих распоряжений о приведении в исполнение распоряжений Отдела». На другой день 38-е заседание Собора утвердило решение Соборного Совета¹⁶⁸.

Евангельское чтение на вечерне Великой Пятницы

На 25-м заседании обсуждалось письмо, автор которого обращал внимание Собора на то, что евангельское чтение на вечерне Великого Пятка, которое составлено из фрагментов рассказа трех евангелистов, внутренне противоречиво. В этой связи епископ Пахомий (Кедров) полагает, что не стоит доводить этот вопрос до Собора. Достаточно обратиться в Синод, который «даст от себя распоряжение типографским справщикам, что желательно, чтобы была подобная перемена в евангельском чтении Великого Пятка». Отдел решается обратиться с докладом непосредственно к Собору¹⁶⁹.

Приводим текст этого доклада¹⁷⁰.

Докладчик: *епископ Черниговский Пахомий (Кедров)*

Отдел *О богослужении, проповедничестве и храме* в своем заседании 22 февраля (7 марта) с. г. обсуждал вопрос о желательности изменения состава евангельского чтения на вечерне в Великий Пятка в том смысле, чтобы выражение из Евангелия от Матфея в этом составленном из повествований трех евангелистов (Матфея, Луки и Иоанна) зачале: «Тоже же и разбойника распятого с Ним поношаста Ему» (Мф. 27, 44) было или вовсе опущено, или же читалось ранее повествование евангелиста Луки о раскаянии одного из распятых со Христом разбойников (Лк. 28, 39–44). Всю опустить указанный стих Матфеева повествования признано было Отделом неудобным ввиду того, что повествование Евангелиста Матфея (27, 1–61) в рассматриваемом зачале является основным, к коему сделаны добавления из Евангелий от Луки (23, 39–44) между 38-м и 39-м стихами Матфеева повествования и из Евангелия от Иоанна (19, 31–37) между стихами 54-м и 55-м 27 главы <Евангелия от> Матфея. Чтение стиха из Евангелия от Матфея о поношении Господа распятыми с Ним разбойниками прежде повествования Евангелия <от> Луки о раскаянии одного из сих разбойников признано было Отделом вполне возможным и удобным: для этого вставку из Евангелия от Луки (23, 39–44) следует сделать не после 38-го стиха 27-й главы <Евангелия от> Матфея, а после 44-го стиха сей главы, выпустив из этой вставки стих 44-й 28-й <главы> Евангелия <от> Матфея, имеющий теперь следовать непосредственно за вставкой Евангелия от Луки.

Ввиду всего изложенного Отдел постановил просить Священный Собор поручить Священному Синоду сделать распоряжение справщикам Синодальной типографии в будущем при печатании в богослужебных Евангелиях текста зачала Евангелия для вечерни Великого Пятка вставку из Евангелия от Луки (23, 39–44) помещать не после 38-го стиха 27-й главы Евангелия от Матфея, как это делалось доселе, а после 44-го стиха, причем вставку эту сократить на один стих, исключив вовсе из зачала стиха 44-го 23-й главы Евангелия <от> Луки, читающийся так: «Бе же час яко шестый, и тма бысть по всей земли до часа девятого», оставив в нем стих 45-й 27-й <главы> Евангелия от Матфея: «От шестаго же часа тма бысть по всей земли до часа девятого», и весь остальной текст сего зачала без изменения.

Судя по всему, Собором этот доклад не рассматривался, а был передан в Синод¹⁷¹.

Новогодний молебен

На 22-м заседании Отдела, которое состоялось 30 ноября 1917 года, было рассмотрено письмо, подписанное более чем тридцатью членами Собора,

о том, что службу новому лету логичнее служить не первого сентября, а первого января. После обсуждения¹⁷² был подготовлен доклад, текст которого мы публикуем ниже¹⁷³.

Докладчик: священник В. Д. Прилуцкий

Доклад об изменениях чинопоследования новогоднего молебствия

Соборным Советом было направлено в Отдел подписанное более чем 30 членами Собора пожелание о том, чтобы положенная Уставом под 1 сентября служба «начала индикта, сиречь новаго лета» отправлялась 1 января. Обсудив это пожелание, Отдел принял следующие положения:

Привнесение службы «начала индикта, сиречь новаго лета» в богослужение 1 января весьма желательно. Объединение этой службы с положенными на 1 января службами Обрезанию Господню и святителю Василию Великому не представляется удобным с уставной точки зрения. Но означенная служба в значительной своей части может быть объединена с последованием новогоднего молебного пения. В таком случае существующее в русской богослужебной практике молебное пение на Новый год должно быть переработано в чин уставного молебна с каноном и получить такой вид.

Начальный возглас: *Благословено Царство*, по обычных предначинательных молитвах – *Придите, поклонимся* и псалом *Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе*. Великая ектения (с прошениями из существующего чина новогоднего молебствия). *Бог Господь*, гл. 3. Тропарь: *Всея твари Содетелю*. Псалом 50. Канон «новому лету» (из Службы 1 сентября), гл. 1, икос: *Поим вси людие*. Припевы: *Милостиве Господи, услыши молитву раб Своих молящихся Тебе*. По 3-й песни катавасия: *Избави от бед рабы Твоя, Владыко Многомилостиве...*, ектения и седален по 1-й кафизме. По 5-й песни вышеуказанная катавасия, ектения и кондак: *В вышних живый Христе Царю...* (из Службы 1 сентября). Прокимен, гл. 4: *Велий Господь наш и велия крепость Его, и разум Его несть числа*. Стих: *Хвалите Господа, яко благ*, псалом: *Всякое дыхание*. Евангелие <от>Луки, зачало 13. По 9-й песни: *Достойно, Трисвятое* и по *Отче наш* тропарь и кондак индикта. Ектения сугубая (с прошениями из существующего новогоднего молебна), возглас, молитва (из того же молебна) и отпуст: *Иже времена и лета в Своей власти положивый, Христос, Истинный Бог наш...*

Означенное последование молебна на новое лето напечатать полностью в отдельных книжках и затем включать его в январскую Минею, а также в Книгу молебных пений при будущих изданиях этих богослужебных книг.

О совершении новогоднего молебного пения по вышеуказанному чину в настоящем 1918 году сделать циркулярное оповещение через газету «Церковный вестник».

Признать весьма желательным восстановление в практике Большого Успенского собора совершение древнерусского «чина летопродводства», отмененного с уничтожением у нас Патриаршества. А для сего необходимо:

а) приспособить указанный чин летопродводства (печатавшийся в Больших Потребниках) к современным условиям церковной жизни;

б) поручить директору Синодального училища А. Д. Кастальскому разработать песенную часть означенного чина.

Это дело не рассматривалось Собором, а было передано в Синод.

Поминование Восточных Патриархов

На 42-м заседании Отдела, которое состоялось 30 июля/12 августа 1918 года, была рассмотрена записка члена Собора протоиерея Кирилла

Зайц о необходимости поминовения за богослужением Восточных Патриархов. По словам А. В. Васильева, в Русской Церкви служба «состояла в значительной части из поминовений – поминали королеву Виттенбергскую, Нидерландскую, Эллинскую и поминали слишком часто на многих ектениях. Конечно, во всем должна быть мера. Поминать и Патриархов Восточных часто и за многими богослужениями также не следует. Но почему не помянуть один раз, например, на великом входе, – это никого бы не смущало и не утомляло. Восточных Патриархов немного. При таком поминовении их невольно будут знать – как равно и Предстоятелей Церкви Православных Автокефальных. <...> Мы на настоящем Соборе изменили порядок Высшего Церковного Управления. Упразднили Святейший Синод, восстановили Патриаршество. <...> Первым актом старого, упраздненного Святейшего Правительствующего Синода и, нужно прибавить, едва ли не самым нечестивым актом было упразднение поминовения за богослужением Восточных Патриархов. Дело было так. Когда был учрежден Духовный коллегий, президент его Стефан Яворский вошел к Петру с докладом – как помянуть за богослужением новое учреждение. Петр положил свою резолюцию. Угодники Петра и страстные защитники его нововведений <Феофан>¹⁷⁴ Прокопович и Феодосий Яновский, зная ненависть Петра к Патриаршеству, сделали в Коллегии постановление о том, что не следует помянуть за богослужением Восточных Патриархов. Стефан Яворский доказывал, что из резолюции Петра этого не вытекало. Но, конечно, начались клеветы и доносы, так что запрещено было даже и говорить <...> по поводу этого вопроса. Восстановление поминовения Патриархов явилось бы дополнением к восстановлению Патриаршества»¹⁷⁵.

После обсуждения Подотделом был подготовлен следующий доклад, адресованный Соборному Совету¹⁷⁶.

Обсудив на основании поступивших в Отдел заявлений по сему предмету в заседании 30 июля / 12 августа вопрос о поименном поминовении за богослужениями в Российской Православной Церкви Восточных Патриархов, Отдел *постановил*: представить (и представляется) на благоусмотрение и для надлежащего, в случае одобрения, сего постановления распоряжения Соборного Совета следующий выработанный Отделом порядок сего поминовения: 1) за богослужением иерейским опускать означенное поминовение; 2) ввести во всеобщую практику Российской Церкви означенное поминовение за богослужением архиерейским с тем, чтобы оно совершалось самим священнодействующим архиереем и притом не поименно, а лишь в общих выражениях; 3) за богослужением же Патриаршим должно быть совершаемо поименно поминовение Восточных Патриархов и также самим священнодействующим Святейшим Патриархом Российской Церкви.

Этот доклад был, среди прочих, рассмотрен на 169-м заседании Собора (6/19 сентября 1918 года). Собор *постановил*: «ввиду краткости остающегося времени, предложить Собору означенные доклады передать на разрешение Высшего Церковного Управления»¹⁷⁷.

Богослужебные тексты, связанные с устройством церковной и светской власти

Изменение формы государственного и церковного управления, естественно, влекло за собой изменение текстов молитв о России, властях и воинстве. Впервые эта проблема встает сразу после отречения Николая II. Работа была поручена возглавляемой архиепископом Сергием (Страгородским) Комиссии

по исправлению богослужебных книг, на основании выводов которой уже 7–8 марта 1917 года Синод принимает постановление за № 1223 «Об изменении богослужебных чинов и молитвословий» и № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения Царствующего Дома,»¹⁷⁸ согласно которому «во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление: «О богохранимем державе Российской и благоверном Временном правительстве ея». Необходимые изменения печатались на отдельных листах, которые вклеивались в старые богослужебные книги.

Новые молитвословия вызвали протест. На заседании Собора 28 марта (10 апреля) 1918 года было оглашено заявление за подписью 34 членов Собора о поручении отделу «О богослужении...» принять меры к введению единообразия в Церкви при возглашении молений о державе Российской, о воинах и проч.»¹⁷⁹ О результатах этой работы Отдел сообщил Соборному Совету¹⁸⁰.

В заседании 6-го сего апреля замещающий председателя Отдела *Преосвященный Пахомий (Кедров), епископ Черниговский*, сообщил Отделу об исполнении Комиссией (в составе епископа Пахомия, профессоров Б. А. Тураева и И. А. Карабинова и иеромонаха Афанасия (Сахарова) возложенного на Отдел поручения Священного Собора при выписке за № 117 «О принятии мер к введению единообразия в церквях при возношении молений о державе Российской и воинстве ея». Заслушав означенные заявления, Отдел, согласно заключению вышеупомянутой Комиссии, *постановил*: представить через Соборный Совет на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода следующую формулу ектенийных возношений о державе Российской:

а) на великой ектении: «О страждущей державе Российской и о спасении ея Господу помолимся»;

б) на сугубой ектении и на литии: «Еще молимся о страждущей державе Российской и о спасении ея». Поминовения же воинства должны быть опущены.

В том же заседании Отдел имел суждение об изменениях в тропаре Святому Кресту *Спаси, Господи...* и в других местах богослужебных книг, где прежде было поминовение царствующего императора, и *постановил*: признать желательным исправление тропаря Святому Кресту в следующих выражениях: *Победы благоверным людям Твоим на сопротивных даруя*. Эту же поправку следует возносить везде, где прежде возносилось имя императора, о чем также представить через Соборный Совет на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода.

Этот доклад был рассмотрен Священным Синодом¹⁸¹.

Последование в Неделю Православия

Другим текстом, исправление которого обуславливалось текущими событиями, был чин Православия. С одной стороны, следовало отказаться от некоторых явно неактуальных текстов. С другой – начало репрессий против Церкви [убийство 25 января (4 февраля) митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) и других] побудило группу из 30 членов Собора выступить с заявлением, в котором содержалась просьба «уделить должное внимание подвигу архипастырей, пастырей и мирян, самоотверженно выступивших по всей России на защиту Христовой Церкви в годину воздвигнутого на нее гонения, и выразить глубокое негодование насильникам над Церковью Христовой, преподать благословение защитникам ее, подтвердить церковное отлучение гонителям Церкви»¹⁸².

На заседании Совещания епископов 26 февраля (11 марта) 1918 года Патриарх предлагает обсудить вопрос о чине Православия. 11-е анафематствование теперь изменяется следующим образом.

Прежний вариант

Помышляющим, яко православнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к позождению великаго сего звания в них не изливаются; и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема

Новый вариант

Глаголющим хульная и ложная на святую веру нашу и Церковь, востающим на святые храмы и обители, посягающим на церковное достояние, поношающим же и убивающим священники Господни и ревнители веры отеческия, анафема

При возглашении *Вечной памяти* («Пострадавшим и убиенным в различных походах за православную веру...») снималось подчеркнутое уточнение, что делало этот текст относящимся и к новомученикам. Многолетия теперь должны петься Патриарху Московскому и всея России, Вселенским Патриархам (поименно), клиру, а также «христианского благочестия ревнителем и защитником Христовы Церкви, и всем православным христианом».

На следующий день, 27 февраля (11 марта), постановление Совещания епископов было оглашено на заседании Собора и принято к сведению¹⁸³.

Требование введения в богослужение молитв о новомучениках содержится в соборном определении «О меропрятиях, вызванных происходящими гонениями на Православную Церковь»:

1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках. <...>

3. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминование в день 25 января¹⁸⁴ или в следующий за ним воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников¹⁸⁵.

15. Приложение: доклад профессора И. А. Карабинова <<Правило о поклонах>>

Публикуем доклад И.А. Карабинова <<Правило о поклонах>>, который был прочитан на 28-м заседании Отдела, состоявшемся 8/21 марта 1918 года¹⁸⁶. На основе этого доклада не было подготовлено никакого итогового документа.

Наш Типик в трех местах дает весьма подробные указания, в какие моменты и в каком количестве следует класть поклоны на службах суточного круга, за исключением Литургии: прежде всего эти предписания читаются в 9-й главе Устава – «О еже како подобает знаменати на всяк день, zde же указание о вечерни, и о утрени дней седмичных, и в них же поем *Аллилуиа* и о 1-м часе»; затем они повторяются под 14 ноября в главе о Рождественском посте, а также в отделах о Сырной среде и понедельнике первой седмицы Четырдесятницы. В богослужебной практике данные предписания точно не выполняются не только у нас, хромающих по части уставной строгости, но даже и у тех ревнителей ее, как наши старообрядцы и единоверцы. Причины

такого несоблюдения правил о поклонах разнообразны: одною из них, быть может, служит то, что эти правила имеют в виду ближайшим образом монахов, – для всех мирян они могут казаться несколько обременительными, но не меньшей причиной нарушения данных правил нужно считать и самый текст их, его неясность и недостаточную определенность. Весьма подробно отмечая количество поклонов и моменты богослужения, когда их следует полагать, уставные предписания очень мало говорят о том, как следует поклоны творить. Кроме того, они пользуются в отношении к своему предмету неустойчивой терминологией, различая поклоны великие, малые, метания и просто поклоны и не давая настоящих разъяснений, что под этими словами следует разуметь. Такая неясность предписаний Типика о поклонах повела к тому, что в богослужебной практике уже издавна стало обнаруживаться различное понимание этих предписаний. Припомним, что и первое столкновение у Патриарха Никона с приверженцами старого нашего обряда произошло из-за поклонов: изданной в 1653 году *Памятью* Никон применительно к греческой практике повелевал творить в пост на молитве Ефрема Сирина лишь 4 земных поклона, а остальные 12 – в пояс; его противники (согласно с прежними русскими обычаями) утверждали, что все 16 (17) поклонов должны быть земными. Введенная Патриархом Никоном греческая практика закреплена была впоследствии в особой статье «О поклонах и молитве церковное законоположение», которая внесена в издание нашего правленого Типикона и которая имеет претензию дать компетентное, подкрепленное ссылками на Священное Писание и отцов Церкви, изъяснение уставных предписаний о поклонах. Это законоположение решительно заявляет, что так называемый «великий поклон» есть земной поклон: «елико мощно главою до земли довести», «елико человек может право стоя, и ни мало наклоняся на землю поклонитися, и без некоего прибавления еже инии скамейцы представляют себе, иние же ино что и свою леность сим удобряют, и мнятся с правотрудящимися сравнятся во святых великих поклонах». Под термином же просто «поклон», по разъяснению «Законоположения», Типик называет обычный поясной поклон: «поклон же именуется, елико может человек право стоя поклонитися, не падая коленами, ниже главу преклоняти до земли, и се есть образ легкаго поклона». «Церковное законоположение» своей кажущейся авторитетностью закрепило и, так сказать, санкционировало то неправильное понимание уставных предписаний, которое оно проводит и которое установилось к XVII веку в греческой практике: своим претенциозным заглавием оно и доселе составляет одно из сильнейших препятствий к уразумению подлинного смысла указанных предписаний. Более внимательное чтение Типикона возбуждает большое сомнение в правильности взгляда, проводимого «Законоположением»: всего лишь несколькими строками выше его Типик в заключении отдела о понедельнике первой седмицы Четырнадцатницы говорит: «Се убо яко предписася един день свв. постов, приметно испытываше предложимом любви вашей. Количество пеня, и в нем воображенные от святых отцев поклоны, яже несть лепо презирати ниже великому законоположителю. Количество же деннонощных бывает в церкви поклонов суть 300, кроме полунощницы». Указанную сумму воображенных поклонов нельзя иначе получить, как считая вместе и так называемые великие поклоны, и малые, или легкие, соединяемые обычно с великими, и, наконец, просто поклоны или метания, указываемые Уставом в различные моменты богослужения, – поодиночке ни в одной из трех названных категорий 300 поклонов насчитать нельзя. А если Типик все эти виды поклонов объединяет в одной общей сумме и называет их все безразлично поклонами, возникает сомнение в правильности не только нашего «Церковнаго законоположения о поклонах», но и вообще всех установившихся на

практике пониманий и разъяснений Устава о поклонах. Сомнение это перейдет в полную уверенность, когда для уразумения нашего Типика мы привлечем более древние памятники Церковного Устава. Вместе с тем и смысл уставных предписаний о поклонах представится совершенно иным.

При свете исторических справок в наших традиционных и обычных представлениях об обязательных уставных поклонах оказываются две главнейшие ошибки. Первая из них состоит в том, что эти толкования сильно суживают применение устава о поклонах. В нашем ходячем представлении едва ли не единственным богослужебным временем с особенно широким употреблением поклонов является Святая Четыредесятница. Но, как известно, и для лиц, даже поверхностно знакомых с нашим Типиконном, там одинаковые с Великим постом правила о поклонах положены и для постов Рождественского и святых апостолов, или так называемого Петрова поста: глава о порядке богослужения в Рождественский пост под 14 ноября в значительной мере повторяет предписания Типикона о богослужении Четыредесятницы, а относительно богослужения в Петров пост Типик пишет: «В понедельник по памяти всех святых, аще несть празднуемого святого памяти, поем *Аллилуиа* на глас Октоиха и Троичны гласа, творяще и поклоны по чину Святой Четыредесятницы», прибавляя далее: «и о сем всем зри церковнаго последования, постов же и разрешений в ноемврии (гл. 51)», то есть в уставе о Рождественском посте. По-видимому, великопостный устав о поклонах наш Типик распространяет и на Успенский пост, так как в 15 дней этого поста, кроме Преображения Христова, заповедуется поститься до 9-го часа дня: «понедельник, среды и пяток сухо ясти и творити коленопреклонения, даже до причащения» (гл. 33).

Но кроме перечисленных постных периодов по смыслу 9-й главы Типика признаваемый обычно великопостным устав о поклонах должен распространяться вообще на все дни, когда поется *Аллилуиа*. Правда, заглавие этой главы и богослужебный календарь нашего правленного Типика, с одной стороны, и наша богослужебная практика, с другой – ограничивают пение *Аллилуиа* лишь временем постным, но некоторые признаки даже в нашем Типике указывают, что *Аллилуиа* и поклоны должны употребляться и вне постов. В самой 9-й главе не говорится, что *Аллилуиа* «может петься лишь в постные дни, – напротив, она представляет дело так, что *Аллилуиа* и *Бог Господь* употребляются одинаково равноправно в течение всего богослужебного лета. В 12–13 своих главах наш Типик излагает устав о субботней службе: в первой – при условии, егда поем *Бог Господь*, во второй – «аще прилучится и изволит настоятель в субботу пети *Аллилуиа*». Таким образом, употребление *Аллилуиа* в субботу не ограничивается одним только постным временем и предоставляется даже просто на усмотрение предстоятеля.

Между тем по классификации типов богослужения в нашем Уставе субботнее богослужение, по сравнению с простодневным, представляется более важным, более торжественным, по своему строю занимающим середину между богослужением воскресным и простодневным. Если относительно субботнего богослужения наш Типик сохранил возможность пения *Аллилуиа* в течение всего года, то и ограничение его в употреблении *Аллилуиа* за простодневыми богослужениями лишь постами представляется сомнительным; можно предполагать, что и в будничном богослужении *Аллилуиа* может употребляться круглый год. Справка с уставами даже не особенно большой древности вполне подтверждает это предположение. Если мы возьмем, например, наши старопечатные издания Типика при Патриархе Филарете, то найдем в них, прежде всего, несколько иное надписание главы о простодневном богослужении, соответствующей нашей 9-й. В то время как наш Типик дает в ней устав о богослужении дней

седмичных, «и в них же поем *Аллилуиа*», то есть очевидно, различая просто будничные дни от богослужения с *Аллилуиа*, филаретовский Типик озаглавливает просто: «здесь же о вечерни, и о утрени, днем седмичным, в них же поем *Аллилуиа*», то есть по смыслу этого заглавия, седмичные, то есть будничные, дни и суть именно дни с *Аллилуиа*. Наш Типик, применительно к своему надписанию 9-й главы, в календаре (месяцесловной части Типикона. – *Ред.*) действительно *Аллилуиа* отмечает памяти, приходящиеся на периоды наших основных 4 постов; в прочие числа, правда, он не указывает всюду обязательного пения *Бог Господь*, но зато всегда полагает тропарь, что почти одно и то же.

Между тем в календаре филаретовского издания Типика сохранились ясные следы употребления *Аллилуиа* и вне рамок постов: например, там *Аллилуиа* полагается 23 июля на память святых мучеников Трофима и Феофила и иже с ними. Но в основе Филаретовского издания лежит сравнительно поздняя редакция Устава – XV века, когда употребление *Аллилуиа* за пределами постов стало уже значительно сокращаться. Если мы обратимся к более древним памятникам Устава, то по мере углубления в древность мы чаще и чаще будем встречать в их месяцесловах пометки *Аллилуиа* для чисел и памятей, приходящихся на внепостное время. И в то же время эти древние Уставы не содержат нарочитых ограничений относительно употребления лишь одними постными днями. Таким образом, в старину *Аллилуиа* и связанные с ним поклоны употреблялись гораздо чаще, чем в нашем богослужении: можно даже сказать, что сравнительное употребление *Аллилуиа* и *Бог Господь* в более отдаленное время стояло, по сравнению с нашей практикой, в обратном отношении. Более старые редакции Иерусалимского Устава в монашеском его изложении в сущности знают лишь два вида богослужебных дней: праздничные с *Бог Господь*, или так называемые с тропарем; и будничные – с *Аллилуиа*.

Со стороны порядка и особенностей богослужения последние значительно разнились от первых. Так как во дни с *Аллилуиа* не полагается на вечерне входа в алтарь, то, быть может, применительно к этому в старину в такие дни священнослужители не облачались даже в священные одеяния, а отправляли службу в обычных своих одеждах. *Аллилуиа* непременно соединялось для монахов с обязательным количеством поклонов в храме, за исключением субботного богослужения, а также с физическим трудом в виде монастырских работ или рукоделия во внебогослужебные часы и, наконец, с ограничением в трапезе. Напротив, простая отметка в Типике *Бог Господь* или тропарь влекла за собой и отмену поклонов (они сохранялись лишь для произволяющих в домашнем или келейном правиле) и часто свободу от работ, а по некоторым Типикам, например по Студийскому, – даже уменьшение богослужения в виде отмены или сокращения целых служб – часов и повечерия. Освобождение от обязательных поклонов в храме в старину для монахов было немалой льготой, так как все указываемые Уставом на службе с *Аллилуиа* поклоны были земными. Здесь мы встречаемся со второй ошибкой в нашем традиционном понимании уставных предписаний о поклонах, которое считает земными лишь так называемые великие поклоны (как это проводится в нашем «Церковном законоположении»). <...> Выше было уже отмечено, что даже наш Типик говорит вообще о 300 обязательных поклонах в Четырдесятницу, не разбивая их по способу исполнения ни на какие группы. При тождестве Устава о поклонах в Четырдесятницу с предписаниями об этом для всех богослужебных дней с *Аллилуиа*, очевидно, указанное число распространяется на все такие дни.

Преподобный Никон Черногорец в своих писаниях ясно и решительно свидетельствует, что все эти поклоны должны считаться земными: «и просто по чину», – пишет он в своем Типике, – да бывают коленопреклонения вся, якоже подобно есть, потонку,

и якоже Иерусалимский Типик сказует и яже посреде собраний, реше на *Святый Боже*, на *Приидите*, *поклонимся*, и на прочее тонкочастне: вся же должны есмы до земля творити, по образу святых отец» (Тактикон, Слово 1). И в другом месте: «после перечисления количества поклонов и моментов богослужебных, когда они творятся, – «всегда до земля та сотворяют» (Пандекты, Слово 57). Принятое в нашем Типике исчисление поклонов и распределение их по отдельным моментам служб, кажется, иерусалимское: кроме большой группы поклонов в количестве 15, стоящих в конце каждой службы, большую часть остального количества поклонов это распределение соединяет по 3 с некоторыми наиболее употребляющимися на службах молитвословиями, – *Приидите*, *поклонимся*, *Трисвятым* (за исключением начала утрени и *Трисвятого* на повечерии после *Пресвятой Владычице Богородице*). А с заключением стихословия псалмов и каждым *Аллилуиа* – 3, *Слава Тебе, Боже* (исключение – середина шестопсалмия), затем с тропарем и Богородичным часом, далее с некоторыми особенными песнопениями, например *Достойно есть* по окончании канона, а также вечерни в Четыредесятницу, с припевом *Хвалим, благословим* и великим славословием на утрени, *Сподоби, Господи* и отпустительными тропарями на вечерни (*Богородице Дево, Крестителю...*, *Молите за ны...*), с группой молений на повечерии *Пресвятая Владычице* и, наконец, просто при входе в храм пред каждой службой.

Несколько отличный от иерусалимского счет и распределение поклонов были приняты в Студийском и древнем Святогорском Уставах. По древнейшим памятникам Студийского Типика, количество малых или легких поклонов, сопровождавших великие, было не 15, а 25; затем эта группа поклонов выполнялась с молитвой Ефрема Сирина, а с многократным повторением *Господи, помилуй* (сменявшихся у студитян вариантом *Христе, помилуй*) – в конце каждой службы. Эти старые студийские памятники не указывают обычно подробно распределения поклонов по отдельным моментам службы, а назначают круглые цифры для каждого последования: для часов – по 20, на вечерни – 30, на утрени – 40 и для повечерия – 50. В общем должно составиться для всего суточного круга около 350 поклонов. В Четыредесятницу это количество значительно увеличивалось: на вечерн и часах прибавлялось по 10 поклонов, а на утрени с повечерием число их увеличивалось вдвое против обычного времени, так что общая суточная норма их должна повыситься до 500 (490). Древнейшие Святогорские Уставы также указывают общие цифры поклонов для отдельных служб: суточная норма их несколько ниже студийской, в обычное время она почти равняется иерусалимской, в Четыредесятницу же несколько превышает 400.

Более поздние памятники Студийского и Святогорского Типика дают и подробные расписания поклонов по отдельным моментам служб: в основном они приближаются к иерусалимскому распределению, но в подробностях уклоняются: например, в них не указывается поклонов после Богородичных на часах, на *Хвалим, благословим* и др. <...> Но зато в названных памятниках сохранилось еще много указаний и отметок, что все рассматриваемые нами поклоны должны быть земными: весьма нередко, указывая ту или иную группу поклонов, они прибавляют *великие*. Затем в этих памятниках можно найти немало разъяснений и относительно возбуждающего множества недоумений вопроса, чем различаются так называемые *великие* поклоны от *малых*, или *легких*. Оказывается, это различие состоит не в способе совершения поклонов, т. е. не в телодвижении, а просто в темпе, или в большей или меньшей скорости их выполнения. В студийских памятниках об этом читаем: «По окончании службы говорим *Господи, помилуй, Христе, помилуй* – 20 раз прежде всего 3 поклона все равночинно, следуя за предстоятелем, причем немного задерживаемся при падении ниц и затем,

поднявшись, воздвигаем руки к Богу. А потом творим и другие 12 поклонов, как скоро каждый может» (другими словами, опять следуя предстоятелю).

Другой памятник описывает поклоны подробнее: «По молитве *Иже на всякое время...* творим обычные коленопреклонения: могущие – прямо на голом полу, а немощные – на <...> низенькие подставки или подстилки. Из этих поклонов три совершаются медленнее настолько, чтобы на них, стоя с распростертыми руками, можно было произнести трижды – *Боже, милостив буди мне, грешному*, а затем при преклонении колен и головы до земли: *Созреших Тебе, Господи, прости ми* – также трижды. Остальные 12 поклонов совершаются быстрее, так, чтобы на каждом поклоне и стоянии произносить приведенные молитвенные слова однажды, но тем не менее следует исполнять эти поклоны наравне и с подобающим благочинием: не так, чтобы одни упреждали, а другие отставали, но пользуясь в качестве общего руководителя еклисиархом или чередным священником, которые стоят вблизи алтарной преграды и указывают порядок»¹⁸⁷.

В иерусалимской практике для трех великих, или, точнее, медленных, поклонов принята одна более продолжительная сравнительно с упоминаемыми выше молитвами святого Ефрема, причем старейшие памятники Иерусалимского Устава, по-видимому, предписывают, чтобы не с разделением на три части, а полностью при каждом отдельном поклоне, то есть всего три раза в начале поклонов и затем еще раз на заключительном из 12-ти, или по общему счету, на 15-м поклоне. Как видно из приведенного выше отрывка, иные 12, или так называемые малые (легкие) поклоны, совершались не особенно быстро, если за каждым из них можно было прочесть две кратких покаянных молитвы: за это время сравнительно нетрудно по иерусалимскому обычаю прочесть на 15-м поклоне полностью молитву святого Ефрема.

И древнерусская, и позднейшая греческая практика¹⁸⁸, отклонились от старинного правила о поклонах. Уклонение первой состоит главным образом в исчислении поклонов. Еще филаретовские издания Типика указывают общую сумму их правильно, но несколько более поздние издания (например, иоасафовское 1641 года – оригинал единоверческого издания), вероятно, вслед за установившейся практикой вместо 15 указывают 17 поклонов, заявляя: «А еже написано 15 поклонов, и то написано от неведения» (л. 260 об.). Увеличение произошло вследствие того, что к основным 15, прежде всего, присоединен был земной поклон, творимый на предшествующей молитве святого Ефрема – *Честнейшую*, а затем первоначальное предписание о чтении *Господи и Владыко* целиком на 15-м поклоне разъяснили в смысле необходимости класть при этом особый 13-й, сверх 12-ти, поклон; таким образом и получилось 17 поклонов. Но тот же иоасафовский Устав в отдельных местах сбивается в нумерации и счете поклонов: в одних местах он говорит о трех великих поклонах, в других – о четырех; «иных» поклонов он также указывает то 12, то 13. Но, внося ошибку в счет поклонов, старая русская практика сохранила правильное их исполнение. Поздняя греческая практика погрешила и в том, и в другом: она тоже прибавила один лишний заключительный поклон, а затем обратила 12 «иных» поклонов из земных в поясные.

Текст предписаний о великих поклонах в нашем Типике содержит несколько искажений, перенесенных в него из старопечатных и совершенно извращающих смысл: «творим, – читаем там (понедельник 1 седмицы, утренняя), – и прочих 12, излегка, утомления ради». <...> Подлинный смысл данного места почти совершенно противоположен тому, который дается нашим Типиком и который действительно представляет материал и повод считать 12 «иных» поклонов легкими, малыми, поясными, назначенными для отдохновения от предшествующих земных поклонов.

Наряду с неисправностью нашего Типика в предписаниях о поклонах следует отметить и другую его неисправность – относительно коленопреклонений на Преждеосвященной Литургии. Об этом Типик повелевает: «Чтец: *Да исправится молитва моя*. Тогда правого и левого лика и предстоящий народ обе страны во всей церкви стоят на коленах, дондеже пропоют», и далее опять несколько раз повторяется «стоят на коленах». Любопытно, что современные греки, не сохранившие великих поклонов, на *Да исправится* Преждеосвященной Литургии не стоят на коленах, но кладут земные поклоны. Хотя даже новопечатные греческие Триоды об этом заповедают: «Когда доместик поет, мы молясь лежим (на коленах)», то есть как раз то, что соблюдается нашими старообрядцами и единоверцами. Наш Типик в данном случае содержит не просто ошибочный перевод, а по-видимому, совершенно сознательную и намеренную поправку, перенесенную в него из никоновской правленной Триоды 1656 года, служившей для него источником, а в никоновскую Триодь эта поправка, нужно думать, попала, в свою очередь, из киевской правленной Триоды, служившей для никоновского издания источником славянского текста. Совершенно так же, как и на Преждеосвященной Литургии, следует творить коленопреклонение и на вечерне Пятидесятницы: о нем современный наш Типик говорит просто – «нам же преклоншым колена и непокровенным сущим». Старые Типики, кроме того, отмечают, что иерей читает молитвы «преклонив главу»¹⁸⁹, а Студийский Типик Патриарха Алексия решительно пишет: «На слусе всем из алтаря, всем на колену лежащим», то есть как читаются эти молитвы (15) и доселе у старообрядцев и единоверцев.

Из сказанного ясно, что в настоящее время устав об обязательных поклонах на церковном богослужении в точности не выполняется ни у нас, ни у старообрядцев, но у последних он хранится все-таки значительно лучше, чем у нас. Требовать ныне полного и точного соблюдения этого устава в первоначальном его смысле и значении для всех верующих без исключения невозможно: во-первых, практически эта невозможность доказывается многовековым богослужбным опытом, свидетельствующим о давнишних и постоянных попытках ослабить строгость предписаний данного устава даже в монашеском быту. Несомненно, такие попытки будут продолжаться и в будущем, если устав будет возобновлен. Во-вторых, – и это самое главное – устав о поклонах есть законоположение из области монашеской дисциплины, неудобноносимое для мирян.

Миряне в древности в данном <отношении> подчинялись Уставу: они обязаны были на повседневном и постном богослужении творить не столько земные поклоны, сколько коленопреклонения, какие понимаются нашим Уставом при пении *Да исправится...* и на вечерне Пятидесятницы; такие коленопреклонения совершались мирянами на ектениях и сопровождающих их молитвах. Вот почему в древних рукописях греческих в некоторых службах тексты ектений имеют прибавку – «преклонше колена». Конечно, в общем счете за круглосуточное богослужение подобные коленопреклонения составят немалый труд и подвиг, но все-таки, думается, более легкий и выполнимый, чем 300 земных поклонов. Ввиду всего этого и распространять устав о поклонах в полном его виде на всех мирян можно только в виде пожелания, совета, но отнюдь не принуждения.

ГЛАВА VI. ПРОБЛЕМЫ КАНОНИЗАЦИИ

Осуществленное при Патриархе Никоне исправление богослужебных книг привело к резкому сокращению числа праздников, посвященных русским святым. Потребность в восстановлении почитания русских святых особенно остро стала ощущаться в конце XIX – начале XX веков. Характерно, что из 10 общецерковных канонизаций, осуществленных между 1721 и 1917 годами, пять приходится на царствование Николая II¹⁹⁰. Эта тема проникает в церковную печать. Так, созданная епископом Привислинским Иеронимом (Экземплярским) Комиссия по разработке вопросов, подлежащих обсуждению Поместного Собора, полагала, «что празднование памяти русских святых угодников повсеместно весьма назидательно и благотворно для оживления самосознания народа русского, следовало бы издать распоряжение, чтобы по всем церквам праздновали памяти русских святых в те числа, в которые они положены по *Верному месяцеслову русских святых*, изданному Святейшим Синодом в 1904 году»¹⁹¹.

1. Доклад профессора М. Н. Скабаллановича на Предсоборном Совете «О национализации богослужебного Месяцеслова»

Вопрос о русских памятях встает и во время работы Предсоборного Совета. Приведем прежде не публиковавшийся доклад М. Н. Скабаллановича, посвященный этой проблеме¹⁹².

Богослужебный Месяцеслов Православной Церкви упрекают иногда в национально-греческой окраске, разумея под этим то, что он дает службы преимущественно греческим святым. Упрек этот не совсем справедлив: наряду с греческими святыми по нашему Уставу положены службы важнейшим святым всех национальностей всего мира: римским (даже таким поздним, как преподобный Бенедикт), сирийским, армянским, персидским, грузинским, скифским, славянским, индийским и т. д. Только доля правды есть в этом упреке. Например, странно не видеть службы таким святым, как священномученик Киприан Карфагенский, святые Иларий и Ириней Лионский. Создаваясь и окончательно формируясь в Греции, богослужебный Месяцеслов, естественно, должен был хотя бы в малой степени получить туземную <греческую> окраску.

Дело Русской Церкви, принявшей его, было умерить эту окраску и сообщить Месяцеслову свой колорит. Это и не могло не случиться, раз Русская Церковь имела столько своих святынь. Они и вносились, и продолжают вноситься в Месяцеслов. Но как они вносятся? Кто заглядывал в Типикон и Минеи, тот не мог не болеть душою о том печальном положении, в котором там находятся русские святые. Многим из них положены там службы и даже <...> службы праздничного, бденного строя. Но эти службы помещаются после служб древним святым, очевидно, только в качестве местных служб «идеже храм или мощи святаго». На практике действительно эти службы совершенно не поются, за исключением некоторых наиболее чтимых святых, например, Преподобного Сергия Радонежского, «святого благоверного князя» Александра Невского. Но выбор таких святых предоставляется усмотрению (произволу) каждого причта. При этом раз поется служба русскому святому, то уж непременно в полиелейном строе, и служба древнему святому совсем устраняется или (в монастырях) переносится на повечерие.

Но это уже крайность. Полиелейев в Уставе и так очень размножилось (только во второй половине XVIII века службы каждому из 12 апостолов переделаны нашим Уставом из великославословных в полиелейные). Нехорошо и опускать службы древним святым или переносить их на повечерие.

Ввиду этого настоятельно необходимо соединить службы русским святым со службами древним святым, не нарушая будничного строя службы, и так и печатать в будущих изданиях Минеи и Типикона. Так и сделано уже, но только со службою святой равноапостольной Ольге после юбилейного празднования, святому <равноапостольному князю> Владимиру (коему вполне справедливо введена бденная служба с перенесением службы мученикам Кирику и Иулитте на 14 июля, но не на повечерие). При этом службы некоторым русским святым придется еще составить (например, преподобным Сергию и Герману Валаамским), а многие исправить в музыкальном отношении (светильны, стихиры и седальны положить на подобны, метрически уравнивать тропари канонов с ирмосами).

Так будет достигнута национализация богослужебного Месяцеслова Православной Русской Церкви.

2. Патриарх Тихон о местных канонизациях

Первоначально работы Собора в этом направлении должны были идти по схеме канонизаций конца XIX – начале XX веков. Отдел готовил материалы к прославлению <святителя> Софрония Иркутского¹⁹³. На 18-м заседании (16 ноября 1917 года) была образована Комиссия по прославлению новых угодников. Результатом работы этой Комиссии стал подготовленный Отделом доклад о прославлении святителя Иркутского Софрония. По поводу этого доклада Патриарх Тихон писал¹⁹⁴.

«Отделом о Богослужении внесен доклад о прославлении святителя Иркутского Софрония.

Присоединяясь к такому постановлению Отдела, я бы полагал, не следует ли при этом восстановить прежний, до синодальный порядок, когда иные из святых признавались общецерковными всероссийскими, а другие – лишь местными¹⁹⁵. Конечно, и эти последние суть настоящие святые, но только меньшие по сравнению с первыми: тем празднуется по всей Церкви, а этим лишь в некоторых местах. При таком порядке, во-первых, не было бы места пререканиям (кои иногда слышались за последние годы) на то, что Церковь прославляет святых мало известных всей России; во-вторых, не задерживало бы сим последним обстоятельством прославления тех довольно многих праведных мужей, кои в известных местах давно уже почитаются.

Право местной канонизации в древности принадлежало епархиальным архиереям с благословения Всероссийских Митрополитов или Патриархов, а для общего прославления требовалось постановление Собора».

*Патриарх Тихон
12/25 февраля 1918 г. Москва*

Это письмо было зачитано на 25-м заседании Отдела, которое состоялось 9/22 февраля 1918 года. В качестве введения в тему епископ Смоленский Феодосий (Феодосиев) прочитал реферат по книге Е. Е. Голубинского. Приводить здесь это выступление нет необходимости. После краткого обсуждения Отдел постановил: поставить на обсуждение Отдела вопрос об установлении на будущее

время порядка канонизации святых угодников для местного их почитания и вопрос о порядке почитания общецерковных святых¹⁹⁶.

Более подробно этот вопрос обсуждался Отделом на 30-м заседании, которое состоялось 2/15 марта 1918 года. Основой стал доклад профессора И. М. Покровского, текст которого мы приводим полностью¹⁹⁷.

3. Доклад профессора И. М. Покровского «О местночтимых святых»

1. Прославление святых в Восточной Греческой Церкви

Православная Церковь имеет великий сонм угодников Божиих. Она верует в силу ходатайства их пред Богом за грешный мир. Эта вера побуждает христиан обращаться к ним с горячими молитвами и просьбами о скором заступлении. Молитвенное общение со святыми служит продолжением того общения, которое создавалось между обществом и угодниками Божиими при их жизни. Так было в первенствующей Церкви, так остается и в настоящее время в Православной Церкви. Вселенская Православная Церковь первых веков причла к лику святых честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим Богородицу Матерь Божию, Заступницу рода христианского, святого Предтечу Иоанна Крестителя, святых апостолов, мучеников и других из сонма новозаветных молитвенников за род человеческий. Ветхозаветные угодники и святые мужи – праотцы, патриархи, пророки – также вошли в сонм святых Православной Церкви, который постепенно увеличился причтением к лику святых иерархов, преподобных отцов и учителей Церкви, православных царей и цариц и подвижников. Поименованные святые почитаются во всей Православной Церкви. Их принято именовать общецерковными святыми, то есть прославляемыми и почитаемыми во всех Православных Церквях. В то же время каждая Поместная Церковь имела и имеет своих угодников Божиих, которых в разное время причислила к лику святых как мучеников за веру, или как прославленных от Бога знаменами и чудесами, или как известных благочестивою жизнью. В отношении общецерковных святых, иными словами – в отношении святых древнегреческой Церкви, святые Поместных Церквей являются местными святыми. Они прославлены для почитания одной Церкви, например, Русской, Сербской, Черногорской и других Православных Поместных Церквей. Но и в каждой отдельной Церкви святые были и могут быть общепочитаемыми и местночтимыми. Первые почитаются во всей Поместной Церкви, вторые – в отдельных ее частях, областях, епархиях и местностях, в отдельных городах, монастырях и храмах. Таким образом, общепочитаемый святой Поместной Церкви является местночтимым во Вселенской Православной Церкви. Следовательно, понятие *местночтимый святой* – понятие относительное. И оно не должно умалять достоинства угодников Божиих, чтимых местно. Местное почитание святых на первых порах всюду преобладало над общецерковным. Оно особо может быть отмечено в Русской Церкви, которая всех святых сначала прославляла только к местному почитанию. Впрочем в древневосточной Церкви первоначально также преобладало местное почитание святых. Святые апостолы сначала были прославлены теми Церквями, основателями которых они были. То же нужно сказать о мучениках, прославленных прежде всего на местах мучения. Преобладание местного почитания святых над общецерковным объясняется тем, что начальное почитание святых было не только местным, но возникало в народе и было не церковным. Тела мучеников тотчас после мучений брались родственниками

и близкими из амфитеатров и с мест мучений, их даже покупали за деньги, затем погребали. Гробницы мучеников украшались зеленью, над ними зажигались лампы и таким образом начиналось подготовительное местное народное почитание мучеников с пением панихид. То же нужно сказать о почитании угодников Божиих. Почитание их в Древней Церкви было первоначально народным, оно начиналось тотчас по кончине праведников. Верующие в святость усопшего подвижника толпами шли на его могилу, чтобы здесь просить его ходатайства и помощи. Такое почитание, естественно, происходило на местах блаженной кончины угодников Божиих и создавалось верующей массой. Народное почитание готовило церковное почитание.

Но так как прославление угодников и причтение их к лику святых, а также призывание их в молитвах относится к догматам веры, то прославление святого в подлинном смысле этого слова не могло быть усвоено народу, хотя бы народное почитание святого выражалось церковным образом в служении панихид, молитве и т. д. Мирянам и ближним принадлежал почин в прославлении того или другого святого, но причтение его к лику святых принадлежало церковной власти. Оно – дело Церкви и высших ее представителей на земле.

Бесспорно, что народное почитание святого не было надежным и требовало проверки. Религиозно настроенные массы, уважая жизнь святого, нередко действовали по влечению сердца. В таких случаях естественные явления легко принять за чудеса и, более того, признать за святого такое лицо, которое таковым признано быть не может.

Право причтения к лику святых как в Восточной, так и в Западной Церкви до половины XII века принадлежало епископам тех Церквей, к которым святые и мученики принадлежали. Каждый епископ в своей Церкви или епархии мог устанавливать церковное празднование в честь того или другого святого или мученика. Но празднование ограничивалось только одной епархией и не простиралось на другие. Впрочем, добровольно и необязательно святые одной епархии чествовались и праздновались в других епархиях. Но это зависело не от епископов, а от славы самого святого и помощи его притекающим с молитвами к нему.

В Западной Церкви по отделении ее от Восточной скоро усилилась централизация церковной власти, поэтому уже при Папе Александре III (1159–1181) такое великое дело, как прославление святых, перешло исключительно к папам.

В Восточной Церкви не существовало такого сосредоточения духовной власти, какое видим в Западной Церкви в лице папы; поэтому право причисления к лику святых здесь и после XII века осталось за епископами и местными церковными властями. Епископы <проверяли>¹⁹⁸ мученические акты. Только после этой проверки акты получали богослужебное значение. Ввиду важности мученических актов для прославления святых такие меры предосторожности были необходимы для того, чтобы недостойные не попали в святые. В греческой Церкви от местного епископа зависело не только церковное прославление святого с внесением в Диптих, но также и исключение из Диптиха лица, неосмотрительно почитаемого как святого. Каждый епископ в своей епархии мог устанавливать празднование местнотимому угоднику Божию. Но такой праздник в честь того или другого мученика за Христову веру или святого праздновался только в одной епархии.

Местная церковная власть в лице епископа, устанавливая церковное празднование святому с внесением его в сонм местнотимых святых, чаще всего только подтверждала народное почитание святого. Церковное празднование местному святому на первых порах выражалось в установлении епископом местной Церкви воспоминания дня кончины святого. Такое празднование обычно называлось днем памяти

святого. День смерти считался блаженнейшим как день перехода в новую жизнь, он даже назвался *dies notolis*¹⁹⁹. В день памяти святого при установлении празднования обыкновенно совершалась Евхаристия.

Местом празднования и совершения Евхаристии были могилы и гробницы святых, строились храмы в честь них. При установлении церковного празднования святому писалась его икона с нимбом и выставлялись мощи святого для поклонения, если таковые сохранились.

Установление церковного празднования требовало составления жития и канона святому, которые могли бы читаться и петься в церкви в день празднования. С этой целью почитатели святого еще до его церковного прославления записывали все относящееся к страданиям мучеников и покупали записи у нотариусов. Это и были так называемые мученические акты. Что касается подвижников, то для составления их житий в целях прославления записывали все касающееся их благочестивой жизни и относящееся до их блаженной кончины. В этих записях заключался материал не только для составления жития и богослужебных синаксарей, но также для канонов и молитв святому.

Все это было необходимо для прославления местночтимого святого, также как внесения его в диптихи местной Церкви. Внесение в диптихи и составление богослужения и совершения самого богослужения с Евхаристией было окончательным актом причисления угодника Божия к сонму святых.

Все Церкви имели свои диптихи святых, читаемые при богослужении. Эти диптихи получили название календарей и месяцесловов. Например, Церковь Эфиопская имела свои диптихи. То же можно сказать про отдельные епархии, не только отстоящие далеко друг от друга, но и про соседние. Даже такие маленькие соседние епархии, как Газская и Маюмская, делали особые собрания в память мучеников и своих святых и, конечно, имели особые диптихи, по которым за богослужением поминались местночтимые святые. диптихи до IX века существовали рядом с календарями. диптихи представляли собой каталоги или реестры святых той или другой местной Церкви. В то время как в календари или Месяцесловы вносились только более чтимые святые и самое внесение их в календари служило выражением общецерковного прославления, главным условием причтения к лику святых было проявление ими дара чудотворений. Со второй четверти XI века это требование дара чудотворения в греческой Церкви стало прилагаться даже к патриархам и епископам, чтобы причислить их к лику святых. До этого времени очень немногие из лика святителей чтились всей Церковью. В XI веке все местночтимые святители стали причисляться к общецерковным святым, но зато требовалось проявление ими дара чудес. Нетления мощей было недостаточно. Недостаточно было также народного почитания угодника Божия... Те же требования предъявлялись при прославлении царей и цариц с причтением их к лику святых.

2. Прославление святых в Русской Церкви

Прославление угодников Божиих и причтение их к лику святых в Русской Церкви совершалось по примеру греческой Церкви. В истории прославления русских святых различаются два главных периода: первый, древнейший, – с XI века до Макарьевских Соборов 1547 и 1549 годов; второй период – со времени Макарьевских Соборов.

Прославление русских святых в первый период носило, главным образом, местный характер и так же точно, как в греческой Церкви, начиналось с народного почитания угодников Божиих. В этом отношении Русская Церковь, как замечено раньше, даже преуспевала пред греческой и другими Церквями.

Русские подвижники не были такими аскетами, как восточные отшельники. При жизни они поддерживали тесную связь с миром; все окрестные жители знали своих подвижников, их мудрость и авторитет имели силу в глазах местной власти и всего населения ближайших городов и селений. Кончиной угодника не порывалась эта связь. Угодники Божии и подвижники являлись покровителями своей местности и всех сельников ее. Отсюда естественно, что почитание подвижника начиналось тотчас после его кончины. Особенно это нужно сказать об основателях монастырей, отчасти об иерархах.

В русских монастырях тотчас по кончине их основателей создавались сказания и передавались друг другу. Почитание, начавшееся в монастыре среди братии и богомольцев, скоро выходило за пределы монастырей. Почитатели подвижника шли в монастырь, служили там панихиду. Над могилой угодника, особенно погребенного под храмом, ставилась рака, покрытая покровом, над ней устраивалась лампада; иногда над ракой помещалось изображение подвижника и пред ней зажигалась неугасимая лампада. Так начиналось народное почитание святого. По молитвам верующих в святость почитаемого угодника при гробе начинали проявляться чудеса. Панихида заменялась молебном. Народное чествование принимало, таким образом, характер церковного. Местное народное почитание и проявление чудес служили побуждением для обитателей монастырей или почитателей угодников Божиих обработать отрывочные сказания о благочестивой жизни подвижника в житие с исчислением чудес. Одновременно с обработкой жития составлялись тропари, кондаки, стихиры и каноны. Словом, составлялась церковная служба святому и его житие. Все это было ясным признаком, что местное народное почитание святого переходило в церковное, и таким образом подготовлялось прославление святого местной церковной властью с причтением его к лику местночтимых святых.

Переход народного почитания святого в местное церковное почитание было самым обычным явлением в древнем периоде истории прославления русских святых. Почти все наши святые первого периода долго чтились местно – только в том монастыре или городе и вообще местности, где они жили, подвизались и где покоились их мощи. Даже такие святые, как преподобный Феодосий Печерский, святитель Алексий, митрополит Московский, Преподобный Сергей Радонежский, преподобный Кирилл Белозерский – не сразу сделались общецерковными русскими святыми, некоторое время им праздновалось местно. Местное почитание преподобного Варлаама Хутынского, Никиты Переяславского, благоверного князя Михаила Черниговского продолжалось целые столетия.

Число общерусских святых вплоть до XVI века не превосходило десяти.

Рассматривая историю прославления русских местных святых, можно видеть, что прославление их для местного почитания принадлежало местному епископу. По благословению последнего устанавливалось церковное празднование, составлялось житие и церковная служба, то есть тропарь, кондак, канон и т. д. Все это необходимо было для самого прославления святого. Иоанн, епископ Ростовский, установил празднование святителю Леонтию, епископу Ростовскому. Тем же порядком местными епископами были причтены к лику местных святых второй Ростовский епископ Исаия, преподобный Стефан Пермский, преподобный Савва Вишерский, преподобный Антоний Печерский, благоверный князь Михаил Черниговский и другие.

Бывали случаи, что в прославлении святого для местного почитания принимал участие князь. Так было при прославлении преподобного Феодосия Печерского. По просьбе игумена Феогноста князь Святополк в 1108 году вписал преподобного Феодосия в Синодик. Это не было особенностью в истории канонизации местных русских

святых. В греческой Церкви цари также имели влияние на прославление святых. Однако это было скорее исключением в Греции и у нас. Право причтения к лику местночтимых святых и установления празднования принадлежало местному епископу. Бывали случаи, что жития и службы составлялись еще до прославления святого, например житие преподобного Иосифа Волоцкого было составлено ранее его прославления. Тогда на обязанности местного епископа лежало проверить житие и самую службу, составление которых должно предварительно быть разрешено епархиальным архиереем. Особенное внимание обращалось на чудеса в житиях святых: чудеса требовали серьезной проверки. Дело в том, что долго не было определенных правил, которыми руководствовались при прославлении местных святых. Так, при прославлении митрополита Петра Московского были записаны чудеса, о которых было сообщено всенародно в храме. При открытии мощей Ярославских чудотворцев впервые встречаются сведения об освидетельствовании мощей; при прославлении митрополита Московского Алексия имела место проверка высшей церковной властью житий и канонов. Подобное разнообразие объясняется тем, что правила, которыми следовало руководствоваться при прославлении святых, <отсутствовали>²⁰⁰. Но главным правилом, в конце концов принятым Русской Церковью при прославлении святых, <было> то, чтобы останки или мощи их прославлялись чудотворениями. Эти чудеса могли проявляться не только при мощах, а при могилах или даже в иных местах.

В Древней Руси при прославлении святых главным правилом было требование: «Да сотворят три чуда: глух да прослышит, нем проглаголет, слеп да прозрит и аще сотворят чудеса, то от Бога и от святых апостолов, аще ли не сотворят тех чудес, то не примите их».

; В Русской Церкви требование чудес было самым главным и самым древним правилом при прославлении святых. Поэтому на чудеса при прославлении святых обращалось особенное внимание. Если же иметь в виду, что для прославления святого требовалось непременно три чуда известного рода, то здесь и проверка чудес являлась настоятельной необходимостью. Святой равноапостольный князь Владимир, креститель Руси, долго не был прославлен, потому что от него не творились чудеса. Равным образом обретенные мощи только тогда почитались останками святого, когда от них и при них проявлялись чудеса. Что касается самих мощей святых угодников, то нетление их сравнительно недавно стало считаться необходимым условием прославления местных святых. В древнейший период для прославления святого нетление мощей было необязательным. Митрополит Московский Петр, преподобный Кирилл Белозерский, преподобный Варлаам Хутынский были причтены к лику святых задолго до открытия их мощей, другие, например святитель Игнатий Ростовский, Преподобный Сергей Радонежский, святитель Алексий, митрополит Московский, святой князь Феодор Ярославский и чада его Давид и Константин были прославлены уже после обретения мощей. Освидетельствования мощей до прославления святых у нас почти не было.

Исключительным случаем является свидетельствование мощей Ярославских чудотворцев. Проверка или обыски (розыски) чудес при прославлении святых считались необходимыми и после Макарьевских Соборов. В связи с проверкой чудес стояло рассмотрение высшей властью (митрополитом и соборами) самих житий и служб, если они были написаны до прославления святого. Разногласие житий с летописными сказаниями или с повествованиями современников служило если не полным препятствием к прославлению святого, то задержкой для прославления.

Точно и документально установить порядок прославления русских святых к местному и общецерковному почитанию не только за древний, но и за новый период не

представляется возможности. Актов о причтении угодников Божиих к лику местночтимых русских святых не встречается за древний период. Встречаются только случайные заметки в летописях и житиях. Только в самое позднейшее время стали составляться такие акты с описанием прославления святых. Таковы акты 1831 года по случаю открытия мощей и прославления святителя Митрофана Воронежского и 1861 года по случаю прославления святителя Тихона Задонского. Из древнейшего периода известен акт прославления святителя Петра, митрополита Московского (1339). Из этого акта видно, что при его прославлении читались в храме записанные чудеса, и прославление его было утверждено даже Константинопольским Патриархом. Этот случай сношения с Вселенским Патриархом при прославлении святителя Петра является исключительным. Известно, что не только при прославлении местных святых, но при прославлении их к общерусскому почитанию сношений с Константинопольским Патриархом не было.

Не имея документальных сведений о порядке прославления местных русских святых, все же можно наметить некоторый порядок в прославлении святых за древний период. Дело можно представить так, как это отчасти уже представлено.

Умирает подвижник, известный святой жизнью. Почитатели идут на его могилу, молятся здесь и т. д. Спустя некоторое время составляется житие святого и служба ему, чаще всего теми еще почитателями, особенно в монастырях; писались даже иконы... Почитатели угодника Божия возбуждали ходатайство о церковном прославлении святого. Часто эта мысль принадлежала местной церковной власти в лице епископа. Церковное почитание непосредственно примыкало к народному. С установлением церковного почитания, обусловливаемого впоследствии проверкой житий, чудес и составленной службой, начиналась постройка храмов в честь святого. Святой вносился в местный диптих, затем в святцы, где имя его ставилось под днем установленного святому празднования. Прославление святого к местному церковному празднованию всецело зависело от епархиального архиерея.

Но были случаи, что местная церковная власть не знала о прославлении местно святого. Например, в 1458 году помимо ее был даже церковно прославлен блаженный Прокопий Устюжский, или в 1539 году – благоверный князь Андрей Смоленский²⁰¹. Но такое церковное прославление нельзя назвать вполне церковным, его скорее следует назвать народным прославлением.

Развитию местного прославления святых в Русской Церкви много способствовало разделение Русского государства на уделы. Удельный период весьма заметно сказался на обособленности и разобщенности народных масс в церковном отношении. Известно, что чужие святые не только не признавались в отдельных уделах или епархиях, но даже презирались. Объединение уделов в одно государство, законченное при царе Иоанне Грозном, способствовало тому, что и прославление святых начало принимать общецерковный характер. Это падает на Соборы 1547 и 1549 годов. Поэтому неудивительно, что до этих соборов общепрославленных и общепочитаемых святых было не более десяти. В истории прославления русских святых, как замечено выше, довольно резко отличаются два периода: первый период с XI века до половины XVII века, отличающийся характером местного прославления святых, причем право церковного прославления святого принадлежало местному епископу; и второй период – со времени Макарьевских Соборов 1541 и 1549 годов. В этом периоде прославление русских святых принимает более однообразный характер, и многие святые прославлены к общецерковному почитанию, при этом право прославления, или причтения к лику святых, переходит к митрополиту с соборами и затем к Патриарху и

вообще к высшей церковной власти в Русской Церкви. Порядок и правила, установленные Макарьевскими Соборами, действовали до Святейшего Синода, когда строже стали относиться к прославлению святых в Русской Церкви. Ведь за Синодальный период в XVIII веке был прославлен только один святой – святитель Димитрий Ростовский, в XIX веке – не больше пяти лиц, и только в XX веке участились случаи прославления святых в Русской Церкви к общецерковному почитанию, начиная с прославления преподобного Серафима Саровского.

Между тем как в ранний период, так и после до настоящего времени местно почитаются святыми угодниками Божиими много лиц во всех без исключения епархиях, но не прославленных Церковью.

4. Обсуждение доклада профессора И. М. Покровского «О местночтимых святых»

Завершив доклад, И. М. Покровский обратился к членам Отдела со следующими словами²⁰²: «Местное почитание святых – исконное историческое явление. В последнее время в истории Русской Церкви его не было. Это объясняется течением русской исторической жизни, наступившей после императора Петра Великого. За целое столетие непосредственно после императора Петра Великого прославлен был Церковью только один святой. Немного более прославлено святых в XIX столетии. Если так ослабло в истории Русской Церкви прославление святых вообще, то прославление их местное и совсем заглохло. Ввиду тяжких современных обстоятельств русской жизни возврат к прошлому порядку прославления местночтимых святых является делом святым. Но делать это необходимо с большою осторожностью. Вопрос в том, какие угодники Божии должны быть причислены к местночтимым святым, – вопрос очень сложный. В каждой епархии есть угодники, относительно которых многие православные христиане пожелали бы, чтобы они были прославлены. И следует Церкви идти навстречу этому благочестивому желанию, но делать это нужно, повторяю, осторожно.

В прошлой истории прославления святых нашей Церковью бывали примеры, когда Церковь уже прославленных святых исключала из лика святых. Я не буду говорить о недавнем восстановлении прославления Анны Кашинской, бывали другие подобные примеры. И вот чтобы таких случаев не было, поскольку они могут ослаблять религиозное рвение верующей массы, дискредитировать права церковной власти, необходимо выработать особые для сего положения». <...>

Епископ Феодосий (Феодосиев), председатель Комиссии по канонизации, сказал следующее: «Я пожелал бы поручить это дело существующей уже при Отделе Комиссии по канонизации святых под моим председательством».

Было решено включить в состав этой Комиссии И. М. Покровского и Б. А. Тураева. «Святейший Патриарх, – сказал *епископ Феодосий (Феодосиев)*, – предлагает принципиальное рассмотрение нами вопроса, и мы должны поставить его в первую очередь. Может быть, рассмотрением частных случаев прославления должно будет заняться после того, как Священный Собор примет новый порядок прославления и тогда может оказаться, что имеются у нас частные случаи»²⁰³.

5. Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* «О порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию»

На 33-м заседании, состоявшемся 20 марта 1918 года, были обсуждены и утверждены тезисы, текст которых мы приводим здесь полностью²⁰⁴:

Его Святейшеством, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Тихоном 12/25 февраля 1918 года Отделу <Священного Собора> *О богослужении, проповедничестве и храме*. При внесении оным на рассмотрение Священного Собора доклада о причислении к лику святых святителя Софрония, третьего епископа Иркутского, было предложено войти в обсуждение вопроса о том, не следует ли восстановить прежний, до синодальный порядок, прославления святых угодников Божиих, когда иные из святых признавались общецерковными и всероссийскими, а другие – местными.

Мотивом к такому восстановлению, по мнению Его Святейшества, могло бы служить то, что при таком порядке, во-первых, не было бы места нареканиям (кои иногда слышатся за последние годы) на то, что Церковь прославляет святых, мало известных всей России; во-вторых, не задерживалось бы сим последним обстоятельством прославление тех довольно многих праведных мужей, кои в известных местах уже почитаются.

После подробного обсуждения вопроса о прославлении святых угодников Божиих Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме* были выработаны следующие общие положения о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию:

1) В Русской Православной Церкви угодники Божии могут быть прославляемы к местному празднованию.

2) Право прославления святого к местному почитанию принадлежит Собору митрополичьего округа с благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода, преподаваемого через особую грамоту.

3) Почин возбуждения ходатайства о прославлении угодника Божия к местному почитанию принадлежит местному православному населению с благословения епархиального преемника.

4) Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по смерти его и народным почитанием.

5) Для церковного прославления святого чудеса его, записанные чтущими его память и священнослужителями, проверяются особой Комиссией, назначенной епархиальным архиереем с благословения митрополита.

6) При поверке или обыске <розыске> чудес заявители о них и свидетели дают показания под присягой о действительности записанных чудесных знамений.

7) Освидетельствование и открытие мошей для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необязательно. В случае необходимости освидетельствование мошей угодника Божия совершается с благословения Святейшего Патриарха и в присутствии его представителя.

8) С благословения епархиального архиерея составляется или просматривается ранее составленное житие святого и определяется соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям. Затем житие святого сокращается в виде пролога или синаксаря для богослужебного употребления.

9) С благословения епархиального архиерея составляется церковная служба святому (тропарь, кондак, стихиры и канон), а до составления таковой служба правится по Общей Минее. Вновь составленные богослужебные песнопения и молитвы печатаются с благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.

10) С благословения окружного собора устанавливается время празднования святому.

11) Имя святого вносится в общецерковный Месяцеслов с указанием местного празднования ему.

12) По получении благословения на прославление угодника Божия о предстоящем торжестве возвещается ко всеобщему сведению через напечатание в «Церковных ведомостях» Патриаршей грамоты, краткого жития прославляемого святого, тропаря и кондака ему, если таковые будут к этому времени составлены.

13) Чин прославления святого вырабатывается местной епархиальной властью и утверждается Святейшим Патриархом и Священным Синодом.

14) Местночтимые святые могут быть прославляемы к общецерковному празднованию в Русской Церкви.

15) Право причтения местночтимого святого к лику общецерковных святых принадлежит Священному Собору Российской Церкви, если таковой заседает во время возбуждения дела о сем причтении. В междусоборное время это право принадлежит Святейшему Патриарху с Священным Синодом по сношении со всеми епархиальными архиереями.

16) Имя святого, прославленного к общецерковному празднованию, вносится в общецерковный русский Месяцеслов уже без значения местного празднования святому.

17) О прославлении святых, причисленных к общецерковному прославлению, Святейший Патриарх особым посланием доводит до сведения Вселенского Патриарха и предстоятелей других Автокефальных Церквей.

Изложенное общее положение о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию ныне представляется Священному Собору.

Во вторую сессию этот доклад не был рассмотрен. К нему вернулись в третью сессию. В связи с тем, что епископ Феодосий (Феодосиев) и Н. И. Знамировский на Собор не прибыли, докладчиками были назначены Б. А. Тураев и иеромонах Афанасий (Сахаров)²⁰⁵.

Текст этого доклада обсуждался на 144-м заседании Собора, которое состоялось 2/15 августа 1918 года. В текст было внесено некоторое число исправлений. В результате на 155-м заседании Собора (21 августа/3 сентября 1918 года) Собор утвердил следующую редакцию определения²⁰⁶.

6. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о порядке прославления святых к местному почитанию

1. Прославление угодника Божия к местному почитанию в Русской Православной Церкви совершается Собором митрополичьего округа с преподаваемого через особую грамоту благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.

Примечание. Впредь до надлежащей организации митрополичьих округов и окружных Соборов прославление совершается Святейшим Патриархом со Священным Синодом.

2. Ходатайство о прославлении угодника Божия к местному почитанию исходит от местного православного населения с благословения епархиального архиерея.

3. Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его.

4. Прежде прославления святого чудеса его, записанные чтущими его память и священнослужителями, проверяются особой комиссией, назначенной епархиальным архиереем, с благословения митрополита или высшей церковной власти.

5. При проверке чудес заявители о них и свидетели дают показания под присягой о действительности записанных чудесных знамений.

6. Освидетельствование и открытие мощей для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необязательно. Если свидетельствование мощей угодника Божия производится, то оно совершается с благословения Святейшего Патриарха и в присутствии его представителя.

7. С благословения епархиального архиерея составляется или просматривается ранее составленное житие святого и определяется соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям. Из жития святого составляется пролог или синаксарь для богослужебного употребления.

8. С благословения епархиального архиерея составляется церковная служба святому (тропарь, кондак, стихиры, канон), а до составления таковой служба правится по Общей Минее. Вновь составленные богослужебные песнопения и молитвы допускаются к богослужебному употреблению с благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.

9. День празднования святому устанавливается с благословения Окружного собора или высшей церковной власти.

10. Имя святого вносится в общецерковный Месяцеслов с указанием о местном праздновании святому.

11. По получении благословения на прославление угодника Божия о предстоящем торжестве возвещается ко всеобщему сведению через напечатание в «Церковных ведомостях» Патриаршей грамоты, краткого жития прославляемого святого, тропаря и кондака ему, каковые к данному времени должны быть составлены.

12. Чин прославления святого составляется местною епархиальною властью и утверждается Святейшим Патриархом со Священным Синодом.

13. Причтение местночтимого святого к лику общецерковных святых принадлежит Священному Собору Российской Церкви. Но до такого прославления служба ему как святому может быть совершаема по желанию чтущих его лиц повсеместно.

14. Имя святого, прославленного к общецерковному празднованию, печатается в общецерковном русском Месяцеслове уже без обозначения местного празднования святому.

15. О прославлении к общецерковному почитанию Святейший Патриарх особым посланием доводит до сведения Вселенского Патриарха и предстоятелей других Автокефальных Церквей.

26 августа/8 сентября это Определение было утверждено Совещением Епископов, получив статус Соборного *Деяния*.

7. Доклад иеромонаха Афанасия (Сахарова) «О внесении в церковный Месяцеслов всех русских памятей»

Принятие «Определения о порядке прославления святых» было лишь первым шагом в осуществлении программы восстановления почитания русских святых. Следующей проблемой, которую предстояло решить Собору, был вопрос о составлении полного Месяцеслова с внесением в него имен всех святых, почитаемых Русской Церковью.

На 35-м заседании Отдела, которое состоялось 28 марта/9 апреля 1918 года, среди прочих обсуждался вопрос о русских памятях. На этом заседании иеромонахом Афанасием (Сахаровым) был прочитан доклад, текст которого мы публикуем полностью²⁰⁷.

«В святцах, Месяцесловах при богослужебных книгах большей частью помещаются имена святых греческой Церкви и только в редких случаях можно встретить имя отечественного святого, а между тем святых в нашей Русской Церкви так много, что память их может совершаться едва ли не каждый день в течение всего года. И многие из отечественных святых так высоки по своей истинно благочестивой христианской жизни, так обширна и плодотворна была деятельность некоторых из них при жизни, что не чтить их памяти, не знать дня их кончины для истинно русского человека по меньшей мере стыдно... Если люди, прославившие себя на военном или гражданском поприще деятельностью, достойны уважения, благодарной памяти для потомства, то тем более заслуживают сего подвижники благочестия, святые угодники Божии, наши молитвенники пред Богом, патроны земли Русской... Непочитание отечественных святых свидетельствует о равнодушии и холодности к своей Церкви, показывает недостаток любви к своему Отечеству, которое трудами и молитвами святых мужей в пределах своих расширялось, возвышалось и крепло».

Так писал Преосвященный Димитрий (Самбикин) еще в 1878 году в предисловии к первому изданию своего *Месяцеслова святых, всей Русской Церкви и местно чтимых*, справедливо полагая, что собрать в одно <место> хотя краткие сказания о жизни святых, составить по возможности полный на всякий день Месяцеслов святых Русской Церкви – дело далеко не излишнее. Но и ныне, спустя 40 лет, те же сетования о забвении и как бы пренебрежении родных русских угодников Божиих могут быть повторены в полной мере. До сих пор нет точного списка *всех святых* угодников Божиих, в России просиявших и причтенных к лику святых, нет Месяцеслова с *точным* указанием всех памятей их. В последних изданиях наших богослужебных Миней и в Месяцесловах при богослужебных книгах имеется всего 72 памяти русских святых. В последнее время Месяцеслов при Службнике пополняется именами преподобных Печерских. Но дальше дело не идет. И о днях памяти около 300 русских святых не знают, а иногда не подозревают не только миряне, но очень часто и духовенство. Правда, в 1903 году издан по благословению Святейшего Синода *Верный Месяцеслов всех русских святых*, составленный на основании донесений с мест епархиальных Преосвященных. Этот Месяцеслов, кажется, был разослан во все приходы, но в церковный обиход он так и не вошел. В большинстве церквей он лежит на полках церковных библиотек без употребления. Месяцесловы при церковно-богослужебных книгах из *Верного Месяцеслова* не пополняются, а издатели календарей с ним вовсе не считаются, хотя в послесловии к *Верному Месяцеслову* сказано, что только внесенные в этот Месяцеслов, авторизованный Святейшим Синодом, угодники Божии должны быть почитаемы за причисленных к лику святых, коим должны быть совершаемы молебны, а не панихиды, и что отныне все составители и издатели календарей в вопросе о внесении в них памятей русских святых должны руководствоваться только *Верным Месяцесловом* и никаким другим. <Не> говоря уже о календарях частных издателей, даже составители Месяцеслова в «Православном календаре» – издании Издательского Совета при Святейшем Синоде – совершенно игнорируют *Верный Месяцеслов* и не только опускают памяти некоторых русских святых, указанных в *Верном Месяцеслове* (например, <преподобного> Макария Писемского – 10 января, <преподобного> Афанасия Наволоцкого – 18 января, <святителя> Феофиста Новгородского – 23 января, <священномученика> Герасима Великопермского – 24 января, <игумена> Ксенофонта Робейского – 26 января, <святителя> Афанасия, <Патриарха Цареградского,> Лубенского <чудотворца> – 2 мая, <святителя> Германа

Казанского – 23 июня и др.), но и вносят память таких праведников, которых нет в *Верном Месяцеслове*, которые не причислены к лику святых, о которых могут быть совершаемы только панихиды и которые, следовательно, не должны быть вносимы в Месяцеслов (например, Симеона Тверского – 3 февраля, Савватия и Евфросина, Саввы и Варсонофия Тверских – 2 марта, Вассы Псковской – 19 марта, Василия Мангазейского – 23 марта, Герасима Болдинского – 1 марта, Серапиона Владимирского – 12 июля и др.).

Равным образом в изданных Московской Синодальной типографией *Житиях святых на русском языке*, с одной стороны, не достает некоторых житий русских святых, с другой стороны, внесено несколько житий неканонизованных святых (в 1-й дополнительной книге: Амвросия Мирожского – 24 сентября, Афанасия Высоцкого – 12 сентября, Иоанна Псковского – 24 октября, Сергия Малопин<еж>ского – 16 ноября; и во 2-й дополнительной книге: Василия Мирожского – 4 марта).

Даже в книгу, предназначенную для богослужебного употребления, сборник, озаглавленный «Молитвы Господу Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам Божиим, чтимым на молебнах и иных последованиях», изданную по благословению Святейшего Правительствующего Синода (Петроград, 1915 г.), внесены молитвы неканонизованным святым: Герасиму Болдинскому – 1 мая, Григорию Шалочскому – 15 ноября и Симону Юрьевецкому – 4 ноября и 10 мая. Имя последнего, преподобного Симона Юрьевецкого, было внесено в *Верный Месяцеслов*, но определением Святейшего Синода от 30 июня – 21 июля 1904 года²⁰⁸ <оно> было исключено из числа имен канонизованных святых. Таким образом, даже в богослужебных книгах до сих пор не проведено строгого различия, с одной стороны, между подвижниками благочестия, причисленными с благословения церковной власти к лику святых, чествуемых молебнами и подлежащими внесению в церковный Месяцеслов, и, с другой стороны, между подвижниками благочестия, не причисленными к лику святых, которым должны быть совершаемы только панихиды и имена которых внесению в церковный Месяцеслов не подлежат. Это обстоятельство вводит в большое сомнение и смущение тех православных русских людей, которые ревнуют о чествовании всех святых русских в дни их памяти, может ставить в большое затруднение священнослужителей, когда их будут просить совершать молебны тому или иному угоднику Божию, не внесенному в Месяцеслов при богослужебных книгах. Таким образом и доньше не устранены те причины, которые вызвали составление *Верного Месяцеслова*, и доньше не исправлены те ошибки, когда могут быть чествуемы молебнами такие праведники, относительно которых или нет прямого определения церковной власти о причтении их к лику святых, или даже есть прямое запрещение служить им молебны вместо панихид. Священному Собору, всей Русской Церкви следует наконец разрешить этот вопрос.

Разрешен же он может быть только внесением в Месяцесловы при всех богослужебных книгах памяти всех русских святых – как общецерковных, так и местночтимых. Только тогда священнослужители и все православные русские люди будут знать ясно и определенно, кто из почивших праведников причислен к лику святых и в какие дни совершается их память. То обстоятельство, что некоторые праведники, прежде чествовавшиеся молебнами, в настоящее время стали чтиться только панихидами, думается, в значительной мере объясняется тем, что имена их после их канонизации не были внесены в общецерковные Месяцесловы. Кроме того, внесение в Месяцесловы при всех церковно-богослужебных книгах имен всех, даже местночтимых, святых важно и потому, что только тогда может быть устранено то ненормальное явление, что в

одном месте данному угоднику Божию служат молебны, а в другом – панихиды. В нашем Отделе уже было докладываемо, что святителю Феодору, архиепископу Ростовскому, в Ростове на месте его погребения служатся молебны и торжественно справляется его память, имеется особая служба и акафист. А в основанном им Московском Симоновом монастыре в день памяти его правится заукойная служба. Подобным ненормальным явлениям не должно быть места в такой важной области церковной жизни как богослужение.

Нашим Отделом в правилах о канонизации святых уже принят пункт о том, что имя святых, канонизируемых к местному празднованию, вносится в общецерковный Месяцеслов. Но в него должны быть вносимы не только вновь канонизованные угодники Божии, но должны быть внесены и имена всех ранее канонизованных святых. Конечно, в Месяцесловах должно быть отмечено, какие из угодников Божиих чувствуются всей Русской Церковью и какие – только местно. Памяти святых, чтимых общецерковно, должны быть отмечены тем или иным праздничным знаком; памяти же местночтимых святых такого знака не должны иметь или даже должно быть оговариваемо, что «совершается собор его, идеже лежат мощи его» или «в граде таком-то».

Наряду с пополнением церковного Месяцеслова памятями всех русских святых в нем, конечно, должны быть отмечены дни, в которые совершаются празднования в честь святых икон Божией Матери, прославленных в нашем Отечестве.

Но прежде внесения в церковный Месяцеслов имен всех русских святых, должен быть тщательно проверен и исправлен *Верный Месяцеслов*, который в существе не может быть назван *верным*. Составитель его, в Бозе почивший архиепископ Владимирский Сергей (Спасский), кажется, имел не совсем точные донесения с мест или некоторые указания последних исправлен<ы> на основании памятников агиологии, следствием чего было расхождение указаний *Верного Месяцеслова* с практикой на местах, где почивают мощи угодника Божия. Например, днем памяти преподобного Михея Радонежского в *Верном Месяцеслове* указывается 5 мая, днем памяти преподобного Авраамия Чухломского – 20 июля. Между тем в Троицкой Лавре память преподобного Михея у его гробницы торжественно справляется 6 мая, а в Чухломской обители память преподобного Авраамия совершается 19 июля. Или днями памяти святого Василия Рязанского *Верный Месяцеслов* называет 12 апреля, 21 мая и 10 июля. Между тем в Рязани память святого Василия совершается 10 июня и 3 июля. На мой запрос по этому поводу настоятель рязанского кафедрального собора протоиерей П. Н. Добромыслов писал мне, что указания на 12 апреля, 21 мая и 10 июня как на дни памяти святителя Василия для него «всегда составляли предмет недоумения и загадки».

✠ Затем в *Верном Месяцеслове* недостает некоторых памятней, торжественно совершаемых на местах почивания святых мощей угодников Божиих. Например, не указаны следующие памяти: святителя Ионы, митрополита Московского – 15 июня, преподобного Макария Переяславского – 13 мая, святителя Митрофана Воронежского – 7 августа, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких – 8 августа, святителей Феодора и Иоанна Суздальских – 20 августа, преподобного Космы Яхромского – 14 октября, преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских – 5 июня.

Нашему Богослужбному отделу следует взять на себя дело проверки и исправления *Верного Месяцеслова*, дело составления полного и действительно *верного* Месяцеслова. Должно затребовать из Священного Синода дело о составлении *Верного Месяцеслова* и одновременно через «Церковные ведомости» разослать особые опросные листы с просьбой по возможности прислать немедленные ответы о том, где какие канонизованные угодники Божии почивают, когда они причислены к лику святых и когда совершается им празднование, и где какие находятся иконы Божией Матери и когда совершаются празднования в честь их.

В связи с вопросом о внесении в церковный Месяцеслов памяти всех русских святых стоит вопрос об издании служб им. В Церкви Сербской есть особый сборник «Сербляк», содержащий в себе «богослужбные молебные правила святым сербского рода», причем в предисловии к 3-му изданию (Белград, 1801 год) «Сербляка» отмечается, что оно сравнительно с предшествующими изданиями приумножено «новыми правилами неким сербским святым, имже совершается собор идеже почивают мощи их», в этот сборник внесены службы не только всей Сербской Церковью <прославленными>, но и местночтимым святым. И в Российской Церкви настоятельная нужда в составлении и издании подобного сборника или сборников. Нередки случаи, когда желают совершить службу тому или иному местночтимому святому в храме, посвященном ему, а особую службу, даже только тропарь и кондак, трудно или почти невозможно достать. Нередки случаи, когда на месте имеется всего один рукописный экземпляр службы, который ничем не застрахован от утраты, и случаи утраты единственного экземпляра службы бывали. На мой запрос о службе святому благоверному князю Довмонту Псковскому настоятель псковского собора ответил, что «старинная рукописная служба давно утеряна». Равным образом настоятель Новгородского Юрьева монастыря сообщил мне, «что особой службы святителю Феоктисту не имеется». Между тем еще в 90-х годах прошлого столетия Преосвященный Димитрий (Самбикин) в своем Месяцеслове писал: «служба и житие святого Феоктиста в библиотеке Юрьева монастыря».

Кроме того, имеющиеся в обиходе рукописные службы иногда очень неисправны, безграмотны. Например, в одном из тропарей канона рукописной службы святому благоверному великому князю Андрею Боголюбскому говорилось, что убийцы святого князя совершили свое злое дело «поюще Единого Благословеннаго». Церковь не должна допускать, чтобы хотя в одном храме возносились безграмотные, иногда даже бессмысленные молитвословия. Поэтому необходимо собрать все имеющиеся как печатные, так и рукописные службы русским святым, а вместе и особые службы в честь икон Божией Матери, их исправить и издать в виде особых месячных Миней. В тех же Месяцесловах, где помещаются тропари и кондаки (например, в Церковном Уставе, Псалтири Следованной, Иерейском Молитвослове) впредь должны быть помещаемы тропари и кондаки всем русским святым и чудотворным иконам Божией Матери.

Указанный выше сборник служб святым сербского рода «Сербляк» имеет ту симпатичную особенность, что в нем почти во всех службах помещены по<сле> шестой песни канона Синаксаря. Думается, что внесение синаксарей в наши богослужбные Миней должно почитать делом весьма полезным и настоятельно необходимым. Надо сознаться, не только богомольцы – нередко и совершители служб не знают обстоятельств жизни святого, которому совершается служба. Особенно это надо сказать о тех святых русских местночтимых, жития которых в изданных Московской Синодальной типографией *Жития святых на русском языке* не вошли и жития которых иногда можно достать только в их обители или на месте почивания их святых мощей.

В церковно-богослужбной практике нередко бывают случаи, когда просят отслужить молебен тому или иному местночтимому в другой местности святому, поставить ему свечу.

Поэтому желательно было <бы> иметь в каждом храме изображения всех русских святых. Для этой цели следовало бы составить и издать особые лицевые святцы наподобие существующего издания «Лицевых святцев Московской Синодальной типографии», где наряду с изображениями греческих святых были бы изображения всех русских святых, и принять меры к распространению этих святцев по храмам.

Таким образом, наряду со сведениями, необходимыми для исправления *Верного Месяцеслова*, должны быть собраны с мест службы, жития и изображения русских святых, службы, изображения и сказания о чтимых в России иконах Божией Матери.

В заключение необходимо еще отметить то обстоятельство, что нередко у нас не чувствуют того или иного святого угодника Божия даже в местах, которым, казалось бы, должно быть близко и дорого имя этого святого. Например, Москва не чувствует дней памяти и редко вспоминает имена своих святителей: Фотия, Киприана и Феогноста, своего князя Даниила. Даже в Успенском соборе, как говорил мне один из соборных пресвитеров, не бывает особого торжества в дни памяти указанных святителей Московских. Или, например, городу Владимиру и Владимирскому Рождественскому монастырю должен быть близок и дорог преподобный Пахомий Нерехтский как уроженец города Владимира, как полагавший начало иноческой жизни во Владимирском Рождественском монастыре. Между тем во Владимире имя преподобного Пахомия совершенно неизвестно. Можно бы указать и еще немало подобных случаев забвения святых, имеющих то или иное отношение к данной местности. Поэтому желательно бы, чтобы в каждой епархии были составлены точные каталоги всех святых, близких данной епархии, не только почивающих в ее пределах, но и вообще имеющих к ней более и менее близкое отношение (например, по рождению, служению и т. д.). Имена всех сих святых угодников Божиих в особо установленном епархиальной властью порядке должны быть возносимы на литийном прошении *Спаси, Боже, люди Твоя!* и молитве *Владыко Многомилостиве...* епархиальной же властью должно быть определено, в какой местности каким местнотчимым святым должны быть торжественно совершаемы службы в дни их памяти.

8. Программа составления полного Месяцеслова

К 38-му заседанию, которое состоялось 3 апреля 1918 года, программа была готова. «Заслушав доложенный членом Отдела иеромонахом Афанасием (Сахаровым) доклад Комиссии в составе И. А. Карабинова, Б. А. Тураева и иеромонаха Афанасия (Сахарова), которой поручено было <...> выработать программу для собирания сведений, необходимых для составления точного церковного Месяцеслова и издания служб всем русским святым, а также и лицевых святцев, причем Отдел постановил: представить через Соборный Совет Священному Синоду на его благоусмотрение для дальнейших распоряжений <...> положения о внесении в церковный Месяцеслов русских памятней <...> и выработанную программу для собирания сведений, необходимых для составления означенного Месяцеслова». <...>²⁰⁹

В Соборный Совет Отдел направил следующий документ²¹⁰.

Заслушав в заседании 28 марта и 3 апреля представленный членом Собора иеромонахом Афанасием (Сахаровым) подробный доклад о внесении в церковный Месяцеслов всех русских памятней, Отдел постановил представить на благоусмотрение Соборного Совета следующие положения по сему вопросу:

1. Должен быть издан полный Месяцеслов с точным указанием всех празднеств в честь икон Божией Матери и всех памятней святых – как вселенских, так и русских общецерковно и местно чтимых, с тропарями и кондаками, с краткими сведениями о святых иконах и из житий святых, с указанием места их почитания. Означенный Месяцеслов должен быть разослан во все храмы.

2. Имена святых, почитаемых всею Русскою Церковью, вносятся в Месяцеслов при всех богослужбных книгах, где этот Месяцеслов печатается.

3. Должны быть собраны все имеющиеся службы русским святым и в честь икон Божией Матери, исправлены, пополнены синаксарями и впредь печатаемы службы в честь икон Божией Матери и святых общецерковно чтимых в Минеях месячных; службы же в честь святых икон и святых местно чтимых должны быть помещаемы в Минеях дополнительных.

4. Должны быть изданы полные лицевые святцы с изображением как вселенских, так и всех русских святых и с изображением икон Богоматери.

5. В каждой епархии должны быть составлены списки святых, близких данной епархии, и имена их в особо установленном епархиальной властью порядке должны быть возносимы на литийном прошении *Спаси, Боже, люди Твоя* и молитве *Владыко Многомилостиве*. Епархиально же властью должно быть определено, в какой местности и каким местночтимым святым должны быть торжественно совершаемы службы в дни их памяти.

6. Желательно, чтобы необходимые сведения были собраны к началу третьей сессии Собора, так чтобы по возможности во время 3-й сессии по крайней мере точный *Месяцеслов* был представлен на одобрение Богослужбного отдела и затем издан с благословения Священного Собора. Поэтому Отдел просит Священный Синод: <во-первых,> сделать распоряжение о препровождении в Отдел дела об издании в 1903 году *Верного Месяцеслова всех русских святых*, и во-вторых, предложить епархиальным преосвященным собрать на местах и представить в Священный Синод не позднее 1 августа сего 1918 года точные сведения: а) о всех чтимых в пределах епархии иконах Божией Матери с указанием времени и обстоятельство их явления, месте почитания и всех дней празднования и с присоединением (если имеются) печатных сказаний, служб, изображений и описаний тех обителей и храмов, где святые иконы пребывают; б) о всех чтимых в пределах епархии святых угодниках Божиих, чтимых молебнами, с указанием времени жизни и времени причтения их к лику святых, места почитания и всех дней празднования, и с присоединением (если имеются) печатных житий, служб и изображений и описаний тех обителей и храмов, где почивают святые угодники. Если служба имеется в рукописи, должна быть представлена копия ее. Если особой службы нет, а имеются только тропарь и кондак, должны быть присланы последние и указано, как и какая служба отправляется на месте почитания святой иконы или святого угодника Божия.

Кроме того, о собирании необходимых для Отдела материалов необходимо напечатать в ближайшем номере «Церковных ведомостей» с присоединением от имени Отдела просьбы к настоятелям монастырей и церквей оказать всяческое содействие в этом деле и поспешить представлением их через епархиальных преосвященных в Священный Синод, не дожидаясь распоряжений епархиальной власти.

9. Необходимость издания полного Месяцеслова

Это предложение было утверждено Соборным Советом, а затем и Собором (7/20 июля 1918 года). В этой связи Отдел направляет в Соборный Совет еще один документ²¹¹.

В заседании от 27 августа / <9> сентября VII Отдел Священного Собора *О богослужении, проповедничестве и храме*, между прочим, имел суждение о необходимости скорейшего издания точного православного Месяцеслова, служб всем святым и

лицевых святцев и *постановил*: а) представить на благоусмотрение Соборного Совета, что Отдел считает необходимым поручить означенное дело специально избранной им Комиссии из числа членов Собора (профессоров Б. А. Тураева, С. С. Глаголева, иеромонаха Афанасия (Сахарова), с включением в оную на правах председателя как проживающего в Москве личного секретаря Его Святейшества Святейшаго Тихона, Патриарха всея Руси – архимандрита Неофита, известного своими агиологическими познаниями, и вместе с тем: б) ходатайствовать перед Высшим Церковным Управлением об отпуске средств, необходимых как для работы вышеуказанной Комиссии, так и для издания Церковного календаря на 1919 год, составление которого и издание выразил готовность принять на себя член Собора профессор С. С. Глаголев.

Судя по рукописной пометке, этот документ был передан в Священный Синод. По всей вероятности, эта работа не была выполнена. В выпущенном Высшим Церковным Советом Православном календаре на 1919 год собственно месячная часть занимает всего две страницы. В примечании «От редакции» сообщается, что «ввиду вызванной нынешними обстоятельствами спешности редактирования и печатания Календаря не все помещаемые в нем сведения могли быть проверены заново, и он выходит в свет в значительно сокращенном объеме»²¹². Таким образом, идея издания Месяцеслова с включением в него всех русских памятей в 1919 году не была осуществлена.

10. Приложение

К теме данного раздела относится также составление «Службы Всем святым, в земле Русской просиявшим». Однако здесь мы не касаемся этой темы, так как материалы, связанные с этой Службой, изданы и доступны²¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственным крупным докладом *Отдела*, получившим статус Соборного Деяния, стало определение *О церковном проповедничестве* (Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений. Вып. II. – С. 9–12). Эта тема достаточно подробно обсуждалась на пленарных заседаниях Собора и материалы дискуссии были опубликованы (Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Вып. III. – С. 130–140; 149–176; 241–252). Материалы предварительного обсуждения вопросов проповедничества не содержат ничего, что не было бы отражено в стенограммах обсуждения этого вопроса на пленарном заседании, поэтому в настоящую публикацию материалы дискуссии по вопросам церковного проповедничества не включены. Библиографическое описание официальных изданий Собора см. с. 187 настоящего сборника. При ссылках на эти издания мы будем пользоваться сокращениями: *Деяния* и *Собрание Определений*.

² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1, № 464, л. 41.

³ Лисицын М., свящ. Обзор духовномузыкальной литературы. – СПб., 1901. – С. 12.

⁴ Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996. – С. 76.

⁵ Там же.

⁶ № 297.

⁷ Протокол Соединенного заседания членов Подотдела по церковному пению Поместного Собора Православной Русской Церкви и Наблюдательного Совета Московского Синодального училища церковного пения от 8 декабря 1917 г. // Церковные ведомости, 1918. № 15–16. – С. 88–94.

- ⁸ Новое Время. 1912, 3 января. (Прим. издателей Церковных ведомостей).
- ⁹ № 283, л. 372.
- ¹⁰ № 283, л. 383–384.
- ¹¹ № 283, л. 384.
- ¹² № 283, л. 385–386.
- ¹³ На 32-м заседании (19 марта 1918 г.) были утверждены докладчики Отдела, однако обсуждение текста было продолжено на 34-м заседании (26 марта), а отдельные дополнения внеслись и на 38-м заседании (6 апреля).
- ¹⁴ № 174, л. 222–226.
- ¹⁵ № 174, л. 222.
- ¹⁶ № 298, л. 25.
- ¹⁷ О русском иконописании нового времени см.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки истории икононого дела в императорской России. – М., 1995.
- ¹⁸ Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб. – Петроград, 1902. Вып. 1. – С. 88.
- ¹⁹ Иконописный сборник. Изд. Высочайше утвержденного Комитета попечительства о русской иконописи. – СПб. – С. 30.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. – СПб, 1907.
- ²² Печатается по: № 307, л. 2–3.
- ²³ Деяния. V. – С. 27–30.
- ²⁴ Печатается по: Деяния. V. – С. 27–30. Ср.: № 174, л. 208–212.
- ²⁵ На 52-м заседании Собора 25 ноября 1917 г.
- ²⁶ Деяния. V. – С. 30.
- ²⁷ № 308, л. 44–54.
- ²⁸ Деяния. III. – С. 85–90. Материалы этой комиссии см.: № 575.
- ²⁹ Деяния. III. – С. 123.
- ³⁰ Нестор (Анисимов), епископ Камчатский. Расстрел Московского Кремля. – М. 1917. (Переиздано в 1995).
- ³¹ № 283, л. 255–264.
- ³² № 283, л. 252.
- ³³ В рукописи пропуск. Восстановлено по смыслу.
- ³⁴ № 283, л. 269.
- ³⁵ № 174, л. 252–255.
- ³⁶ № 174, л. 252.
- ³⁷ № 283, л. 252.
- ³⁸ № 283, л. 287–291об.
- ³⁹ Текст рукописи испорчен.
- ⁴⁰ Тексты этих проектов приводятся ниже.
- ⁴¹ № 308, л. 63–66.
- ⁴² № 283, л. 291.
- ⁴³ № 283, л. 292–294.
- ⁴⁴ № 283, л. 292об. – 294об. А. Т. Георгиевский постоянно говорит о роли деятелей искусства в деле сохранения предметов церковной старины. «Если у нас что еще сохранено до настоящего времени из области церковной старины, – говорит он, – то этим мы обязаны по преимуществу художникам. Они первые стали кричать от боли памятников. Они наиболее чутки к вопросу об охране памятников. Археологи боятся громко говорить о гибели, художникам это непонятно. <... > Художники всегда были друзьями искусства, они с благоговением смотрят на памятники древнего церковного искусства» (№ 283, л. 255 об.).
- ⁴⁵ Благие намерения (лат.).
- ⁴⁶ № 283, л. 287–297 (с купюрами).
- ⁴⁷ № 283, л. 508–514.

⁴⁸ Неясно, о каком докладе идет речь. В материалах нет доклада, связанного с проблемами церковного искусства, автором которого значился бы архиепископ Евлогий. Не исключено, что имеется в виду один из докладов, подготовленных Отделом в то время, когда архиепископ Евлогий председательствовал на заседаниях.

⁴⁹ № 283, л. 506.

⁵⁰ Протокол см.: № 283, л. 601–604.

⁵¹ № 308, л. 153–157.

⁵² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. Т. 1–4.

⁵³ Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. 5. – С. 53.

⁵⁴ № 283, л. 527.

⁵⁵ № 283, л. 545–562.

⁵⁶ Во время чтения этого доклада архиепископ Евлогий уже не принимал участия в работе Собора.

⁵⁷ Благие пожелания (лат.).

⁵⁸ Отзывы епархиальных архиереев... т. I. – С. 40–41.

⁵⁹ Отзывы... т. I. – С. 100–101.

⁶⁰ Отзывы... т. I. – С. 335.

⁶¹ Отзывы... т. II. – С. 20.

⁶² Отзывы... т. II. – С. 116–117.

⁶³ Отзывы... т. II. – С. 454–455.

⁶⁴ Имеется в виду Комиссия по исправлению богослужебных книг, возглавляемая архиепископом Сергием (Страгородским). О деятельности этой Комиссии см.: Плетнева А. А. Исправление богослужебных книг в начале XX века // Славяноведение. 1994. № 2. – С. 100–116.

⁶⁵ Полностью высказывание епископа Гурия выглядит следующим образом: «Если по многим причинам нельзя говорить о переводе богослужебных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковнославянского перевода с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в предложениях или же немедленно приступить к новому переводу их на новославянский язык, всем понятный и вразумительный». (Отзывы... II. – С. 245).

⁶⁶ Отзывы... IV. – С. 257.

⁶⁷ Отзывы... II. – С. 245.

⁶⁸ Отзывы... III. – С. 443.

⁶⁹ В рукописи текст испорчен.

⁷⁰ Об опытах епископа Августина см.: Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. 5. – С. 38–40.

⁷¹ Мимоходом сделано замечание, что сам народ мало жалуется на непонятность богослужебного языка, – об этом больше говорят интеллигенты. (Прим. А. В. Новосельского).

⁷² В источнике: «родительный».

⁷³ В источнике текст испорчен.

⁷⁴ Мефодий (Герасимов), епископ Оренбургский. О богослужебном языке Церкви в связи с другими вопросами церковной реформы // Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. № 19–36.

⁷⁵ Замечание: «Мысли выражаю словами Пресвященного почти буквально, – очень жалею, что не имею его брошюры под руками». (Примечание А. В. Новосельского).

⁷⁶ Непонятность он объясняет содержанием, а не способом выражения. <...> (Примечание А. В. Новосельского).

⁷⁷ Оратор рассказывал, что епископ Самарский был в этом селе, слышал в церкви русский язык за богослужением и не запретил. (Прим. А. В. Новосельского).

⁷⁸ В источнике ошибочно: *кондак Рождества Христова*.

⁷⁹ Неясно, о каком именно Богородичном акафисте идет речь.

⁸⁰ В. Д. Прилуцкий приводил примеры неудачных исправлений. После его доклада об исправлении Триоди в Киеве говорили: «Нужно скорее кончить старую». (Прим. А. В. Новосельского).

⁸¹ А. В. Новосельский некорректно воспроизводит мысль Феофана Затворника. Святитель Феофан писал, что необходим «новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужбных книг». (Мнение Преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужбных книг // Душеполезное чтение. 1896. – С. 463). Несомненно, речь здесь идет о новом славянском, а не русском переводе. «Перевод их <богослужбных книг>, – пишет святитель Феофан С. А. Первухину, – следует улучшить или снова перевести не на русский, а на славянский же, только чтобы изложение было понятно». (Корольков И. Н. Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке // Труды КДА. 1915. – С. 301).

⁸² № 283, л. 564–567.

⁸³ Печатается по: № 296, л. 1; № 174, л. 213.

⁸⁴ № 296, л. 2.

⁸⁵ № 192, л. 189.

⁸⁶ № 296, л. 7.

⁸⁷ О дальнейшей судьбе этого доклада см.: Кравецкий А. Г. Проблема богослужбного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. № 2. – С. 71–72 и 79–82.

⁸⁸ Русское Астрономическое общество. Постановления Комиссии по вопросу о реформе календаря в России. – СПб., 1900. – С. 3.

⁸⁹ Журнал (первого – восьмого) заседания Комиссии о реформе календаря при Русском Астрономическом обществе. <СПб., 1900>. Неясно, чем являются имеющие хождение экземпляры журналов и постановлений Комиссии, – собственно публикацией или же корректурными оттисками. (Журналы. I–VIII)

⁹⁰ Климишин И. А. Календарь и хронология. – М., 1985. – С. 219.

⁹¹ Нам не удалось обнаружить каких-либо следов этого рассмотрения.

⁹² Деяния. VI. – С. 132.

⁹³ № 283, л. 348–349. Необходимость срочного принятия этого решения связана с тем, что новый стиль должен был быть введен через два дня.

⁹⁴ № 283, л. 430–432.

⁹⁵ № 283, л. 350.

⁹⁶ № 283, л. 430–432.

⁹⁷ В источнике ошибочно: *григорианском*.

⁹⁸ В источнике: *не*.

⁹⁹ № 283, л. 422–429.

¹⁰⁰ Текст рукописи испорчен.

¹⁰¹ В источнике: *познания*.

¹⁰² Текст оригинала испорчен. На месте пропуска читается: «а с другой стороны, желательное ввести в счисление правильное, приняв во внимание религиозную и экономическую часть календаря».

¹⁰³ № 283, л. 406.

¹⁰⁴ Деяния. VI. – С. 186–188.

¹⁰⁵ № 283, л. 10.

¹⁰⁶ № 283, л. 25.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, л. 27.

¹⁰⁹ Там же, л. 27–28.

¹¹⁰ Там же, л. 105.

¹¹¹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. – Пг., 1917. Т. 3.

¹¹² № 286, л. 101–108. Текст этого доклада публиковался в статье: Кравецкий А. Г. Проблема Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Российского Православного Университета. М., 1995. № 1. – С. 60–69.

- ¹¹³ В рукописи опечатка: *применившим*.
- ¹¹⁴ В рукописи на: *монах*.
- ¹¹⁵ В рукописи: 1862.
- ¹¹⁶ № 286, л. 113–119. Текст этого доклада публиковался в статье: Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона... – С. 70–78.
- ¹¹⁷ В рукописи: *мешало*.
- ¹¹⁸ В рукописи пропуск.
- ¹¹⁹ В рукописи пропущено слово.
- ¹²⁰ В рукописи пропущено слово.
- ¹²¹ № 286, л. 109–112. Текст этого доклада публиковался в статье: Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона... – С. 78–83.
- ¹²² Этот пассаж вызвал возражения И. А. Карабинова: «Мне кажется неудобным в обоснование необходимости послабления Типика для приходских храмов сослаться на пример святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, якобы сокращавших чин Литургии, так как содержащее данное известие Слово о предании Божественной литургии, приписываемое патриарху Проклу, в действительности этому автору не принадлежит и совершенно не подтверждается древними греческими рукописями наших литургий. Эти списки говорят лишь о том, что названные святые отцы не составили полного чина Литургии, а написали для нее лишь несколько главных молитв. Лучше в данном случае сослаться на пример преподобного Феодора Студита, который допустил значительные послабления в строгом Палестинском уставе для своей обители, где условия монашеской жизни приблизились к мирской жизни, так как ее братия занята была многими довольно тяжелыми физическими работами». (№ 283, л. 183).
- ¹²³ См.: Приходское чтение. 1913, № 38. – С. 1054–1089; 1914, № 50. – С. 1493–1497; 1914, № 3. – С. 81–86; 1912, № 33. – С. 885.
- ¹²⁴ № 283, л. 123–124.
- ¹²⁵ И, – добавляет В. Д. Прилуцкий, – при теперешних материалах.
- ¹²⁶ № 283, л. 124.
- ¹²⁷ № 283, л. 124–130.
- ¹²⁸ У протоиерея К. Т. Никольского в книге «Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви» только в более поздних изданиях читаем немного: «Пред Литургией благовестят в один колокол, и пред раннею ударяют в него редко, а пред позднюю – часто». (Никольский К. Т. прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. 5-е издание. – СПб., 1894. – С. 39). (*Прим. В. К. Лебедева*).
- ¹²⁹ Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. – СПб, 1896.
- ¹³⁰ Худонов М. О значении колокольного звона в Русской Церкви // Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 23–24.
- ¹³¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I (1-я половина тома, изд. 2-е. М., 1901. – С. 59).
- ¹³² Никольский К., прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. 5-е издание. – СПб., 1874. – С. 39.
- ¹³³ Там же. – С. 48.
- ¹³⁴ Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. – СПб, 1896. – С. 33.
- ¹³⁵ Акты исторические... , V, СПб., 1842. – С. 213; Никольский К. Т., прот. Пособие к изучению Устава богослужения... 5-е издание. – СПб., 1894. – С. 35.
- ¹³⁶ В. К. Лебедев имеет в виду сочинение Афанасия Холмогорского «Щит веры», которое долгое время приписывалось Патриарху Иоакиму. Опубликовано в.: Сменцовский М. Братья Лихуды. – СПб., 1899.
- ¹³⁷ Новая Скрижаль, или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина <Румовского-Краснопевкова>, архиепископа Новгородского и Арзамасского. – СПб., 1899. (Репринт: М., 1882). – С. 233; Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских выражений). Составил магистр Григорий Дьяченко. М., 1899. (Репринт: М., 1993). – С. 197.
- ¹³⁸ № 283, л. 136.

- 139 Там же, л. 139.
- 140 № 283, л. 138.
- 141 № 283, л. 153–154.
- 142 В источнике: *служителей*.
- 143 В источнике: *мотивов*.
- 144 № 283, л. 158–161.
- 145 Там же, л. 166.
- 146 Там же, л. 173.
- 147 № 283, л. 198.
- 148 Печатается по: Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. № 2. – С. 74–78
- 149 № 283, л. 346.
- 150 № 192, л. 157. Председательствовал на заседании Святейший Патриарх Тихон. Присутствовало 26 архиереев.
- 151 Кравецкий А. Г. Календарно-богослужебная комиссия // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. – М., 1996. – С. 196.
- 152 № 283, л. 359.
- 153 См.: Кравецкий А. Г. и Плетнева А. А. Патриарх Сергей как литургист // ЖМП. 1994. № 5. – С. 46–47.
- 154 Поводом для обсуждения послужил письменный доклад епископа Мефодия (Герасимова). Нам не удалось обнаружить текста этого доклада.
- 155 № 283, л. 576–581.
- 156 В источнике оставлено место. Восстановлено по: Карабинов И. А. Св. Чаша на Литургии Преждеосвященных Даров // Христианское чтение. 1915. Ч. 1. – С. 956.
- 157 В источнике: *знать*.
- 158 Из I книги «Против ересей». (Прим. И. А. Карабинова).
- 159 В источнике имеется сноска на публикации греческого текста этого рассказа, расшифровать которые нам не удалось.
- 160 № 283, л. 571–574.
- 161 № 283, л. 603.
- 162 № 192, л. 189.
- 163 Новоселов М. А. Письма к друзьям. – М., 1994. – С. 25.
- 164 Там же. – С. 30.
- 165 Там же. – С. 24–33.
- 166 № 283, л. 238.
- 167 № 174, л. 198–199.
- 168 Деяния. III. – С. 147.
- 169 № 283, л. 356.
- 170 № 174, л. 228.
- 171 Об этом свидетельствует приписка на л. 238.
- 172 Протокол обсуждения см.: № 283, л. 337–341.
- 173 № 174, л. 229–230.
- 174 В источнике: *Стефан*.
- 175 № 283, л. 564.
- 176 Печатается по: № 174, л. 231.
- 177 № 284, л. 82.
- 178 Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома // Церковные ведомости. 1917. № 9–15. Бесплатное приложение.
- 179 № 286, л. 43.
- 180 № 174, л. 249.
- 181 О дальнейшей эволюции формул поминовения властей см.: Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка... – С. 73.
- 182 № 625, л. 2.

- ¹⁸³ № 625, л. 5–7.
- ¹⁸⁴ В этот день был убит митрополит Владимир (Богоявленский).
- ¹⁸⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание Определений и Постановлений. Вып. 1–4. – М., 1918. (Репринт: М., 1994). Вып. I. – С. 45.
- ¹⁸⁶ № 283, л. 395–401.
- ¹⁸⁷ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. I. – С. 617.
- ¹⁸⁸ Небольшая древность этой греческой практики подтверждается свидетельством митрополита Ефесского Марка Евгеника, который знает еще пятнадцать коленопреклонений, совершаемых в пост между молитвами. (*Изъяснение Церковных Последований*).
- ¹⁸⁹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей... Т. I. – С. 890.
- ¹⁹⁰ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки истории иконного дела в императорской России. – М., 1995. – С. 240–241.
- ¹⁹¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. Т. 2. – С. 287; см. также: Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. 5. – С. 65–66.
- ¹⁹² № 581, л. 24–26.
- ¹⁹³ См.: 300, 301, 302, 303, 304.
- ¹⁹⁴ № 319.
- ¹⁹⁵ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. – М., 1903. (*Прим. Патриарха Тихона*).
- ¹⁹⁶ № 283, л. 352.
- ¹⁹⁷ № 283, л. 414–419.
- ¹⁹⁸ В рукописи: *повторяли*.
- ¹⁹⁹ День рождения (*лат.*).
- ²⁰⁰ Текст испорчен. Восстановлено по смыслу.
- ²⁰¹ Подробнее см.: Васильев В. История канонизации русских святых // ЧОИДР. 1893. Кн. 3. – С. 154–155.
- ²⁰² № 283, л. 409.
- ²⁰³ № 283, л. 411.
- ²⁰⁴ № 174, л. 196–197.
- ²⁰⁵ № 283, л. 571.
- ²⁰⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание Определений и Постановлений. – М., 1918. Вып. I. – С. 25–26. (Репринт: М., 1994).
- ²⁰⁷ № 283, л. 486–490.
- ²⁰⁸ Церковные ведомости. 1904. – № 31. В источнике исправлен.
- ²⁰⁹ № 283, л. 519.
- ²¹⁰ № 174, л. 234–236.
- ²¹¹ № 174, л. 233.
- ²¹² Православный календарь на 1919 год. Издание Высшего Церковного Совета, с. 24. На этой же странице также имеется весьма характерное сообщение: «Православный календарь» набран по новой орфографии. Так потребовал Отдел по делам печати; только под этим условием им разрешено печатание календаря». Часть материалов этого календаря перепечатана в настоящем выпуске «Богословских трудов».
- ²¹³ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. IV. – С. 27. (Репринт: М., 1994).; Афанасий (Сахаров), епископ. О празднике Всех святых, в земле Русской просиявших, и о службе на сей праздник. – Служба Всем святым в земле Русской просиявшим. М., 1995. – С. 6–18.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель не включены библейские персонажи и имена собственные при библиографических отсылках. О членах Собора приводятся более подробные сведения. Для участников Собора епископская кафедра, профессия и место работы, как правило, указывается на 1917–1918 годы. Для краткости в биографических статьях используются следующие сокращения:

АПТ – Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом достоинстве высшей церковной власти. Составитель М. Е. Губоннин. М., 1994.

Деяния I.1 – Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. Петроград 1918. (Репринт: М., 1994).

Гонения – За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Кн. I. М., 1997.

ИС 1917 – Именной список ректорам и инспекторам Императорских Духовных академий, Духовных семинарий, преподавателям Императорских Духовных академий, смотрителям Духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям Духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам зарубежных Духовных миссий на 1917 год. Пг., 1917.

Каталог РГБ – Сведения уточнены по каталогу Российской государственной библиотеки.

ЛАФ I–III – Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Вып. 1–3. М., 1962–1980.

Мануил I–VI – Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemeševskij). Teil I–VI. Erlangen 1979–1989.

МЭ I–VI – Музыкальная энциклопедия. Т. 1–6. М., 1973–1982.

Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки истории икононого дела в императорской России. М., 1995.

Христианство I–III. – Христианство. Энциклопедический словарь. Т. I–III. М., 1993–1995.

Личные имена, которые встречаются только в примечаниях, в указатель не включены.

Августин (Гуляницкий) (1837–1892) – епископ Екатеринославский 264

Авраамий Чухломской (†1375) – преподобный 359

Агафодор (Преображенский) (1837–1928) – член Собора, архиепископ Кавказский и Ставропольский; 1860 – окончил семинарию и был рукоположен в священника. До 1888 – на приходском служении. 1888 – принял монашество, архимандрит, епископ Балахнинский. 1891 – епископ Сухумский; 1893 – епископ Ставропольский и Кавказский; 1907 – архиепископ. Активно занимался миссионерской деятельностью. Место смерти неизвестно. (Деяния I.1, с. 60; Мануил I, с. 42–47) 257, 274

Адриан (1627–1700) – Патриарх Московский (1690–1700) 325

Александр II (1818–1881) – российский император 230

Александр III (XII в.) – Римский Папа 348

Александр Невский (1220–1263) – (в схиме Алексей) святой благоверный князь 345

Алексий (XI в.) – Константинопольский Патриарх 329, 344

Алексий Московский (90-е годы XIII в. – †1378) – святитель и всея Руси Митрополит 264, 350, 351

Аллеманов Дмитрий Васильевич (1867 – дата смерти неизвестна) – духовный композитор, автор многих церковных песнопений. (Христианство I, с. 57; МЭ I, с. 107) 208, 209

Амвросий Мирожский – преподобный 358

Андреев – и. д. прокурора Синодальной канторы 229

Андрей (Ухтомский) (1872–1937) – член Собора, епископ. В 1895 окончил МДА и принял монашество. 1907 – хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии; 1911 – епископ Сухумский; 1913 – Уфимский и Мензелинский; 1917 – член Синода; 1918–1919 – руководил духовенством 3-й армии Колчака. 1920 – арестован (освобожден после заявления о лояльности). 1925 – перешел в старообрядчество (запрещен в священнослужении митрополитом Петром (Полянским). 1929–1937 – тюрьмы и ссылки. Расстрелян 4 января 1937 года в Ярославской тюрьме. (*Деяния* I.1, с. 61; Мануил I, с. 250–253; АПТ, с. 903–904, Гонения; с. 84–86)¹ 260, 261

Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174) – святой благоверный великий князь владими́ро-суздальский 360

Андрей Смоленский (XIV в.) – благоверный князь 352

Андроник (Никольский) (1870–1918) – член Собора. 1895 окончил МДА. Во время учебы принял монашество. 1895 – иеромонах; 1897–1899 – член Миссии в Японии, архимандрит. 1906 – епископ Киотосский, помощник начальника Миссии в Японии. 1908 – епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии; 1913 – епископ Омский; 1914 – епископ Пермский. 1918 – отлучил от Церкви посягающих на храмы Божии. 20 июня 1918 года закопан живым в землю. (*Деяния* I.1, с. 61; Мануил I, с. 256–258; АПТ с. 839; Гонения, с. 87–88)² 260–262, 264, 265, 267, 289, 313

Анна Кашинская (XIII–XIV вв.) – благоверная княгиня 353

Антоний (Храповицкий) (1863–1936) – член Собора. 1885 – окончил СПбДА, пострижен в монашество, иеромонах. 1866 – преподаватель Холмской Духовной семинарии; 1887–1889 – и.о.доцента, доцент, ректор СПбДА; 1890 – ректор МДА; 1895 – ректор Казанской Духовной академии; 1897–1899 – епископ Чебоксарский; 1899–1890 – епископ Чистопольский; 1900–1902 – епископ Уфимский и Мензелинский; 1902–1914 – епископ (с 1906 – архиепископ) Житомирский и Волынский; 1914–1917 – архиепископ Харьковский и Ахтырский; 1917 – митрополит; 1918 – митрополит Киевский; 1919 – временно управлял Краснодарской епархией; 1920–1936 – в эмиграции в Сербии; 1922 – председатель Зарубежного Синода, председатель всех зарубежных соборов; 1936 – скончался в г. Сремские Карловцы (Югославия), перед смертью принял схиму. (*Деяния* I.1, с. 62; АПТ, с. 840–841; Мануил I, с. 313–330)³ 209, 289

Антоний Печерский (983–1073) – преподобный, основатель Киево-Печерского монастыря 305, 350

Анфим VI (XIX в.) – Константинопольский Патриарх в 1845–1848 годах 280

Апраксин Петр Николаевич (1876 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Граф, гофмейстер двора императрицы Александры Федоровны. Окончил Пажеский корпус и Археологический институт в Петрограде. Житель Москвы. (*Деяния* I.1, с. 62; ЛАФ I, с. 37) 227, 228

Арсений (Брянцев) (1839–1914) – архиепископ Харьковский и Ахтырский. (Мануил I, с. 363–364) 257, 258

Арсений (Стадницкий) (1862–1936) – член Собора, митрополит Новгородский и Старорусский, один из кандидатов на Патриарший престол, председательствовал на

¹ См.: Зеленогорский М.Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991; Амвросий (фон Сиверс), монах. «Не хороните меня заживо...». Судьба Владыки Андрея, архиепископа Уфимского (князя Александра Алексеевича Ухтомского) // Русская мысль. 1994. № 4031 (26 мая–1 июня). С. 17.

² См.: О Церкви в России. Слова, свидетельства священномученика Андроника (Никольского), архиепископа Пермского и Кунгурского. 1898–1918 / Сост. Виктор Королев. Фрязино, 1997.

³ См.: Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–10. Нью-Йорк. 1956–1963.

большей части заседаний. 1885 – окончил КДА; 1895 – магистр богословия, пострижен в мантию; 1896 – иеромонах, инспектор (позже ректор) Новгородской Духовной семинарии, архимандрит, настоятель монастыря преподобного Антония Римлянина. 1897 – инспектор МДА (1898 – ректор); 1899 – епископ Волоколамский, викарий Московской епархии; 1903–1910 – епископ Псковский и Порховский; 1907 – архиепископ, член Государственно-го Совета; 1910–1933 – архиепископ Новгородский и Старорусский; 1917 – митрополит; 1922 – осужден, отбывал ссылку в Средней Азии; 1933–1936 митрополит Ташкентский. (*Деяния* I.1, с. 62; АПТ, с. 842–843; Мануил I, с. 363–364) 276

Арсений Великий (354–ок. 450) – преподобный 306

Арсений – архимандрит, хранитель Патриаршей ризницы 230

Арсений (Суханов) (кон. XVI – 1668) – иеромонах, автор ряда книг, интересовался, в частности, различиями обрядов Русской и греческой Церкви 329

Артамонов Леонид Константинович (1859 – 1932) – член Собора. 1876 – студент 2-го Константиновского военного училища; 1878 – переведен в Михайловское артиллерийское военное училище; 1879 – подпоручик; 1882–1885 окончил Николаевскую инженерную академию; 1885–1888 – оканчивает Академию Генштаба; 1888 – служба в Кавказском (1890 – в Закаспийском) военном округе. Участвует в ряде географических экспедиций; 1882 – член Русского географического общества; 1897–1898 – входит в состав российской экспедиции в Абиссинию (в этой экспедиции также участвовал А. К. Булатович, в будущем – иеромонах Антоний, лидер афонских имяславцев). 1900 – служит в Квантунской области; 1901 – генерал-майор; участвовал в русско-японской войне; был комендантом Кронштадтской крепости; 1914 – командовал корпусом в армии генерала Самсонова, однако здесь его преследовали неудачи. 1917 – отставка; 1918–1924 – работал в советских учреждениях в Москве; 1927–1930 – на пенсии в Новгороде. Скончался и похоронен в Ленинграде. (*Деяния* I.1, с. 62)¹ 270, 273, 308, 331, 332

Артоблевский Иоанн Алексеевич (1872–1938) – член Собора, священник. 1895 – окончил МДА. 1896 – помощник секретаря Совета и Правления МДА; преподаватель Вифанской Духовной семинарии. 1899 – магистр богословия. 1907 – священник храма при Усачевском училище в Москве. 1911 – настоятель храма при Московском сельскохозяйственном институте (Петровское-Разумовское). 1922 – арестован, проходил по второму этапу Московского процесса об изъятии церковных ценностей. 1924 – включен в состав членов Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне. С 1927 – клирик одной из московских церквей. 1938 – арестован. 17 февраля 1938 г. расстрелян в пос. Бутово (Московская обл.). (*Деяния* I.1, с. 62; Гонения, с. 111) 330–332

Архангельский Александр Андреевич (1846–1924) – хоровой дирижер и композитор; с 1862 – регент хоров в Пензе и С. Петербурге. Одним из первых ввел в церковное пение женские голоса. 1921 – заслуженный артист республики. Умер в Праге. (МЭ I, с. 233) 207

Астров Павел Иванович (ок. 1856–дата смерти неизвестна) – член Собора, кандидат юридических наук, член Московского окружного суда. В начале века организовал религиозно-философский кружок, в работе которого участвовали А. Белый, Эллис, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун и др. (*Деяния* I.1, с. 62)² 276

Афанасий (кон. XVIII в.) – Антиохийский Патриарх 281

Афанасий (Сахаров) (1887–1962) – иеромонах – член Собора. 1912 – окончил МДА, пострижен в монашество, иеродиакон, иеромонах; 1913–1918 – преподаватель Владимирской Духовной семинарии; 1920–1921 – архимандрит, наместник Владимирского Рождественского монастыря; 1921 – настоятель Боголюбовского монастыря, тогда же – епископ Ковровский; 1922–1954 – лагерь и ссылки. В последние годы, живя на покое в г. Петушки,

¹ См.: Качнельсон И. С. Леонид Константинович Артамонов и его путешествие к Белому Нилу // Л. К. Артамонов. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979. С. 3–24.

² См.: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1971. С. 119.

работал над исправлением богослужебных книг и нормализации Типикона. (*Деяния* I.1, с. 62; АПТ, с. 843–845; Мануил I, с. 415–424; Гонения, с. 120–122)¹ 255, 323, 330, 332, 337, 355–357, 361, 363

Афанасий Высоцкий – преподобный 296, 358

Афанасий Лубенский – святитель, Патриарх Цареградский, Лубенский чудотворец 357

Афанасий Наволоцкий – преподобный 357

Балакирев Милый Алексеевич (1836–1910) – композитор 203

Безкровный Никита Васильевич (ок. 1882 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Псаломщик 15-го Кубанского пластунского батальона. Окончил Саратовскую консерваторию. (*Деяния* I.1, с. 63) 206

Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) – экономист, публицист. (Тарасов 1995, с. 474) 217

Беляев Василий Алексеевич (ок. 1878-дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Николаевской церкви села Уруги (Калужская епархия) (*Деяния* I, с. 64). 289

Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1943) – член Собора, историк канонического права, византинист. (*Деяния* I.1, с. 63)² 225

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник. С 1926 жил во Франции 217

Богданович Вячеслав Васильевич (1878 – † после 1939) – член Собора. 1903 – окончил КДА, кандидат богословия; преподавал в Витебской семинарии; с 1907 – инспектор Литовской Духовной семинарии. 1915 – вместе с Семинарией эвакуирован в Рязань; 1919 – вернулся в Вильно, ректор Семинарии, редактор «Литовских епархиальных ведомостей», сенатор Речи Посполитой. Сохраняя верность Патриарху, отказывается принять автокефалию Польской Церкви. 1922 – арестован польскими властями (вместе с митрополитом Елевферием); 1922 – сенатор II Речи Посполитой, активный борец за права русских и белоруссов; противник польской автокефалии. После присоединения Литвы к СССР арестован. Место и дата смерти неизвестны. (*Деяния* I.1, с. 63; ИС 1917, с. 84)³ 330

Боголюбов Дмитрий Иванович (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Окончил МДА, кандидат богословия, миссионер в Тамбовской, Харьковской и Петроградской епархиях; 1913 – инспектор Ставропольской семинарии; 1914 – инспектор Воронежской Духовной семинарии. (*Деяния* I.1, с. 63; ИС 1917, с. 52) 260–262

Болотов Василий Васильевич (1853–1900) – историк Церкви 276

Бонакер – фабрикант 217, 248

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – композитор 206

Брянцев Николай Васильевич (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей церкви Рождества Богородицы в г. Ельце Орловской епархии, благочинный. (*Деяния* I.1, с. 64) 272, 273

Булгаков Георгий Ильич (ок. 1883 – † после 1926) – член Собора, преподаватель Курской Духовной семинарии, кандидат богословия. После революции был ученым секретарем Курского общества краеведения. (*Деяния* I.1, с. 64)⁴ 235, 255, 318

Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог и искусствовед 263

Бычков Афанасий Феодорович (1818–1899) – член Общества любителей древней письменности 239

¹ Список литературы см.: Афанасий (Сахаров), епископ. О празднике Всех святых, в земле Русской просиявших, и о Службе на сей праздник // Ученые записки Российского Православного Университета. Вып. 1. С. 92.

² Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 67.

³ См.: Лабынцев Ю. А. Литературное наследие В.В.Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997. № 3. С. 39–49.

⁴ Из книги «Курское общество краеведения. Программы и инструкции исследовательских работ. Ред. Г. И. Булгаков и А. А. Вирский. Вып. 1–3. Курск. 1925–1926» следует, что в 1926 году Г. И. Булгаков еще был жив.

- Варлаам Хутынский** (XII в.) – преподобный 225, 350, 351
- Варсонофий Тверской** (†ок. 1459) – преподобный 358
- Василий Великий** (329–379) – святитель и вселенский учитель Церкви 303, 304, 322, 335
- Василий Мангазейский** (†1602) – праведный 358
- Василий Мирожский** (†1299) – местночтимый святой 358
- Василий Рязанский** (†1295) – святитель 359
- Васильев Афанасий Васильевич** (1851 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1889 – член Совета Управления главного общества российских железных дорог; 1890–1893 – редактор журнала «Благовест», председатель общества «Соборная Россия»; 1893–1896 – генеральный контролер Департамента железнодорожной отчетности; 1896–1904 – член Совета Государственного контроля; 1919 – приговорен к расстрелу, но приговор не был приведен в исполнение. (*Деяния* I.1, с. 64, 87; ЛАФ I, с. 125)¹ 330–332, 336
- Васнецов Аполлинарий Михайлович** (1856–1933) – художник, археолог 241
- Васнецов Виктор Михайлович** (1848–1926) – художник 226
- Васса Псковская** (†1473) – преподобная 358
- Вассиан Пертоминский** (†1561) – преподобный, чудотворец 359
- Вениамин (Казанский)** (ок. 1873–1922) – член Собора. 1896 – иеромонах. 1887 – окончил СПбДА, преподаватель Рижской Духовной семинарии. 1899 – инспектор СПб. Духовной семинарии. 1902 – ректор Самарской Духовной семинарии. 1905 – ректор СПб. Духовной семинарии. 1910 – епископ Гдовский. 1917 – архиепископ. 1917 – избран Петроградским архиереем. 1917 – митрополит. 1922 – арестован по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В ночь с 12 на 13 августа 1922 расстрелян. 1992 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 65; АПТ с. 849–850; Мануил II, с. 142–145; Гонения с. 238–239) 229
- Виноградов** – член Собора² 330
- Витошинский Емилиан Михайлович** (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Варшавской мужской гимназии, окончил Духовную академию и университет, духовный композитор. (*Деяния* I.1, с. 65) 206, 208, 209
- Владимир** (†1015) – равноапостольный, великий князь. 346, 351
- Владимир (Богоявленский)** (1848–1918) – почетный председатель Собора, митрополит Киевский и Галицкий, священномученик. 1874 – окончил КДА, преподаватель Тамбовской Духовной семинарии. 1882 – священник в г. Козлове (совр. Мичуринск). 1886 – после смерти жены пострижен в мантию, архимандрит. 1888 – епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии; 1891–1892 – епископ Самарский и Ставропольский; с 1892 – архиепископ; 1892–1898 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии; 1898–1912 – митрополит Московский; 1912–1915 – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; 1915–1918 – митрополит Киевский и Галицкий. 25 января 1918 года убит в Киеве. 1992 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 66; Мануил II, с. 197–209; АПТ, с. 852–853; Гонения, с. 260–261) 337
- Вонифатий Тарсийский** (†290) – мученик 285
- Гедeon Балабан** (конец XVI в.) – епископ Львовский 318
- Георгиевский Василий Тимофеевич** (1861–1923) – член канцелярии Собора³, историк искусства, уполномоченный Комитета попечительства о русской иконописи. (*Деяния* I.1, с. 1422; Тарасов 1995, с. 476) 228, 246
- Георгий (Орлов)** (1843–1912) – епископ Астраханский и Енотаевский. (Мануил II, с. 303–304) 258
- Георгий Михайлович Романов** (1863–1919) – великий князь. (ЛАФ I, с. 177) 241

¹ См.: Крыленко Н. В. За пять лет (1918–1922). Обвинительные речи. М–Пг., 1922. С. 87.

² В протоколе не указаны инициалы, поэтому невозможно определить, о ком идет речь.

³ № 288, л. 252 – назван делопроизводителем Подотдела о храме.

- Герасим Болдинский* (†1554) – игумен, преподобный 358
- Герасим Иорданский* (†475) – преподобный 290
- Герасим Пермский (Великопермский)* (†1441) – епископ, священномученик 357
- Герман Валаамский* (ок. †1353) – преподобный, чудотворец 346
- Герман Казанский* (†1567) – святитель 357, 358
- Гермоген (Ермоген)* (ок. 1530–1612) – Патриарх Московский, святитель 330
- ГлазOLEV Сергей Сергеевич* (1865–1937) – член Собора. 1889 – окончил МДА, кандидат богословия, оставлен при академии. 1889 – преподаватель Вологодской семинарии. 1892 – доцент МДА. 1900 – вице-президент Всемирного конгресса религий в Париже. 1902 – ординарный профессор. В 1920-е годы после закрытия МДА жил в московских монастырях, заведовал Институтом народного образования (Сергиев Посад), преподавал математику, был преподавателем Московских Богословских академических курсов. 1928 – арестован и сослан в г. Пензу, а затем в Саранск. 1929 – досрочно освобожден, проживал в г. Вологде. 1937 – аресован. Расстрелян 10 октября 1937 г. в тюрьме г. Вологды. (*Деяния* I.1, с. 67; ИС 1917, с. 21; Гонения, с. 317)¹ 286, 363
- Голубинский Евгений Евстигнеевич* (1834–1912) – историк. 346
- Голунов Михаил Фокиевич* (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Священник, настоятель Иоанно-Предтеченской церкви г. Уральска (*Деяния* I.1, с. 67). 330
- Гораин Анатолий Федорович* (ок. 1880 – дата смерти неизвестна) – член Собора, инспектор мужской гимназии в г. Городне Черниговской епархии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 67) 272
- Гречанинов Александр Тихонович* (1864–1956) – композитор. С 1925 года жил за границей 204–206, 208
- Григорий VI* (XIX в.) – Константинопольский Патриарх в 1835–1840 годах 280
- Григорий XIII* (1502–1585) – Папа Римский 278, 280, 287
- Григорий Шалочский* – кандидат к местной канонизации 358
- Гринякин Никита Михайлович* (ок. 1870 – дата смерти неизвестна) – член канцелярии Собора, страховой инспектор Страхового отделения Духовного ведомства. (*Деяния* I.1, с. 140) 260, 262
- Громозласов Илья Михайлович* (1869–1937) – член Собора, профессор МДА. Окончил МДА и Московский университет. 1894 – доцент МДА. 1909 – магистр богословия. 1911 – уволен из академии «за прогрессивные взгляды». 1909–1916 – инспектор Мариинского Женского Училища. С 1916 приват-доцент Московского университета. 1917 – восстановлен в МДА. 1922 – рукоположен во иерея. 1922 – арестован по делу «Совета объединенных приходов». 1923 – освобожден. 1924 – арестован. 1925–1928 – в ссылке в г. Сургут. 1928 – в больнице Бутырской тюрьмы. После освобождения жил в Твери. 1937 – арестован. 4 декабря 1937 г. расстрелян. (*Деяния* I.1, с. 68; Гонения, с. 345–346)
- Гурий (Буртасовский)* (1845–1907) – епископ Симбирский и Сызранский. (Мануил II, с. 396–401) 257, 258
- Давид* (XII в.) – сын благоверного князя Феодора Ярославского, благоверный князь, чудотворец 351
- Дамиан (в миру Димитрий Косоти)* (нач. XX в.) – Иерусалимский Патриарх 282
- Даниил Московский* (†1303) – святой благоверный князь 361
- Данилин Николай Михайлович* (1878–1945) – закончил Синодальное, а затем Музыкально-драматическое училище; 1897–1918 – преподаватель Синодального училища; с 1904 – регент Синодального хора; руководил хором Большого театра (1919–1923), Ленинградской хоровой академической капеллой (1936–1937), Государственным хором СССР (1937–1939). (МЭ II, с. 143) 209
- Державин Гавриил Романович* (1743–1816) – поэт 263

¹ См.: Сергей Волков. Последние у Троицы. М.–СПб., 1995. С. 139–154.

Димитрий (Абашидзе) (1868–1943) – член Собора. 1891 – окончил Новороссийский университет, монах, иеродиакон; 1896 – окончил КДА, иеромонах; 1900 – ректор Александровской Миссионерской Духовной семинарии, архимандрит; 1902 – епископ Алавердский. 1903 – епископ Гурийско-Мингрельский. 1906 – епископ Туркестанский и Ташкентский; 1912 – епископ Таврический и Симферопольский; 1915 – архиепископ Симферопольский и Таврический; 1919 – участвовал во Временном церковном управлении Юго-Востока России; конец 20-х годов жил в Киеве, принял схиму, старчествовал и пророчествовал, пребывал в затворе. (*Деяния* I.1, с. 68; Мануил III, с. 27–28; АПТ, с. 857–858) 289, 309

Димитрий (Самбикин) (1839–1908) – архиепископ 357, 360

Димитрий Ростовский (Туптало) (1651–1709) – святитель 353

Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) – литургист, профессор КДА и СПбДА, духовный писатель 290

Добромыслов Павел Николаевич (†1939) – протоиерей, настоятель кафедрального Собора г. Рязани. В 1918–1937 неоднократно арестовывался. Умер в заключении в Казахстане (Карлаг). (Гонения, с. 383) 359

Довмонт (в крещении Тимофей) Псковский (†1299) – святой благоверный князь 360

Дьяченко Григорий Михайлович (1850–1903) – протоиерей, духовный писатель 269

Евлогий (Георгиевский) (1868–1946) – член Собора, архиепископ Волынский и Житомирский. 1888 – окончил Тульскую Духовную семинарию; 1892 – окончил МДА; 1895 – монах, иеромонах; 1896–1902 – архимандрит, ректор Холмской духовной семинарии; 1903–1905 – епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии; 1905 – епископ Холмский и Люблинский; 1912 – архиепископ; 1914 – архиепископ Волынский и Житомирский; 1920 – эмигрировал в Польшу; 1921 – временно управлял Западноевропейскими русскими епархиями; 1922 – митрополит; 1930 – уволен митрополитом Сергием от управления Русской Церковью в Западной Европе, запрещен в священнослужении. Перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии; 1945 – воссоединился с Московской Патриархией, Экзарх Восточной Европы. Скончался в Париже. (*Деяния* I.1, с. 69; АПТ, с. 861; Мануил III, с. 119–129) 227, 228, 230, 231, 235, 236, 239–241, 255, 256, 260, 261, 267, 269, 272, 274, 289, 307, 309, 313, 317, 319

Евсевий (Никольский) (1861–1922) – член Собора, архиепископ Приморский и Владивостокский. 1885 – окончил МДА; 1893 – монах, иеромонах; 1897 – епископ Киренский, викарий Иркутской епархии. 1899 – епископ Владивостокский; 1920 – митрополит Крутицкий; 1920–1922 – временно управлял Московской Патриаршей областью. (*Деяния* I.1, с. 69; АПТ, с. 862–863; Мануил III, с. 135–136) 258

Евстратий – иеромонах, помощник хранителя Патриаршей ризницы 230

Евфимий Великий (†473) – преподобный 290

Евфимий (†1705) – келарь Чудова монастыря, писатель, переводчик и книжный справщик 296, 325

Евфимий (Лапин) (1873 – дата смерти неизвестна) – епископ Якутский и Вилюйский, член Собора. 1899 – окончил МДА, кандидат богословия, преподаватель Тобольского епархиального женского училища; 1902 – преподаватель Тобольской семинарии; 1908 – монах, иеромонах; 1909 – ректор Томской Духовной семинарии; 1909 – архимандрит; 1912 – епископ Барнаульский; 1916 – епископ Якутский и Вилюйский; 1920 – епископ Олонецкий и Петрозаводский; 1924/25 – арестован и сослан в Нарымский край. С 1929 в ссылке около г. Томска. (*Деяния* I.1, с. 69; Мануил III, с. 143–144, 173, 177; Гонения, с. 409) 313, 314, 317

Евфимия Антиохийская (†304) – мученица 306

Евфросин Тверской († ок. 1460) – местночтимый святой 358

Елабужский Михаил Стефанович (ок. 1870 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Николаевской церкви с. Вавожа Малмыжского уезда (Вятская епархия). (*Деяния* I.1, с. 70) 265–267, 272

Епифаний Славинецкий (нач. XVII в. – 1675) – переводчик, богослов, книжный справщик 271, 296

Ефрем Сирий (IV в.) – святой преподобный, учитель Церкви 294, 300, 339, 343

Жако – фабрикант 217, 248

Жукович Платон Николаевич (1857–1919) – член Собора. Историк, профессор СПбДА (1894–1911), доктор церковной истории. (*Деяния* I.1, с. 70; Христианство III, с. 325; ИС 1917, с. 5) 235, 236, 248

Зайц Кирилл Иоаннович (1866–1948) – член Собора. Протоиерей, окончил Рижскую Духовную семинарию и Миссионерскую школу. Настоятель храма Рождества Христова в Риге, преподаватель сектоведения в Рижской Духовной семинарии, законоучитель рижских гимназий, участник рижского Студенческого Православного Единения. С 1924 – митрофорный протоиерей. С 1941 – начальник Православной миссии во Пскове. Арестован в 1944 году. Приговорен военным трибуналом Ленинградского округа к 20 годам лагерей. Отбывал срок и похоронен в пос. Долинка (Карлаг). (*Деяния* I.1, с. 70)¹ 335, 336

Захаров А. А. – представитель Московского археологического общества 248, 249

Зибарев Феодор Герасимович (ок. 1851 – дата смерти неизвестна) – член Собора, земледелец станицы Михайловской Петропавловского уезда Акмолинской губернии (Тобольская епархия). (*Деяния* I.1, с.70) 270

Зиновий (Дроздов) (1875–1941) – епископ Тамбовский, член Собора. 1897 – окончил Костромскую семинарию. Рукоположен. Овдовел. 1903 – монах, иеромонах; 1904 – окончил СПбДА, кандидат богословия; 1904 – иеромонах на госпитальном корабле; 1905 – преподаватель Вятской семинарии; 1906 – смотритель Кутаисского Духовного училища; 1907 – архимандрит; 1908 – смотритель Екатеринбургского Духовного училища; 1909 – ректор Кишиневской семинарии; 1911 – епископ Измайловский; 1913 – епископ Козловский, викарий Тамбовский; 1918 – епископ Тамбовский и Шацкий; 1922 – отстранен от управления епархией обновленцами и арестован. 1924 – выслан в Москву. 1926 – выслан в Арзамас, проживал в Серафимо-Дивеевском монастыре. 1927 – неоднократно арестовывался, после выхода Декларации перешел в оппозицию митрополиту Сергию (Страгородскому). Около 1940 – арестован во Владимирской области. (Мануил III, с. 167–168; Гонения, с. 459) 256

Знамировский Николай Иванович (ок. 1879 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1904 – окончил Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия; 1904–1916 – преподаватель, инспектор Пермской Духовной семинарии. Пострижен с именем Стефан. 1924 – епископ Шадринский, викарий Свердловской епархии; 1926–1927 – временно управлял Свердловской епархией; 1927 – назначен епископом Калужским, но отказался от управления (отделился от митрополита Сергия); 1928 – уволен на покой; 1933 – епископ Ульяновский, затем Вологодский. 1934 – архиепископ; 1936 – арестован. (*Деяния* I.1, с. 71; Мануил VI, с. 242–243; ИС 1917, с. 109) 266, 267, 271, 273, 289, 355

Зосима Соловецкий (†1478) – игумен, преподобный 359

Наков (Пятницкий) (1844–1922) – архиепископ Казанский и Свяяжский, член Собора. 1870 – окончил МДА, кандидат богословия; 1886 – монах, иеромонах, архимандрит, ректор Вифанской семинарии; 1891 – епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; 1892 – епископ Уманский; 1893 – епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; 1898 – епископ Кишиневский и Хотинский; 1904 – архиепископ Ярославский и Ростовский; 1907 – архиепископ Симбирский и Сызранский; 1910 – архиепископ Казанский и Свяяжский. 1917 – митрополит. 1918 – переехал в Иркутск. Около 1919 – митрополит Иркутский. Около 1920 – митрополит Томский. 1921 – уволен на покой, назначен настоятелем Московского Симонова монастыря. 1922 – арестован в Москве; Около 1923 – скончался в Томске. (*Деяния* I.1, с. 72; Мануил III, с. 179–181; Гонения, с. 475) 257, 258

Ива (V в.) – епископ Эдесский 327

¹ Б.В.Плюханов. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж, 1991. С. 300.

- Иван Грозный** (1530–1584) – русский царь 264, 352
- Иваницкий Леонид Евгеньевич** (ок. 1888 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Николаевской церкви в г. Курске, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 71). 205, 206, 209
- Иванов З. И.** – член Московского археологического общества 233
- Иванов М.** – музыковед 205
- Игнатий Ростовский** (†1288) – святитель 351
- Иеремия II** (кон. XVI в.) – Константинопольский Патриарх 280, 287
- Иероним (Экземплярский)** (1852–1905) – архиепископ Варшавский и Привислинский 257, 345
- Израилев** (XIX в.) – протонерей 311
- Иларий** – святой, мученик 345
- Илия** (VI в.) – Иерусалимский Патриарх 291
- Ильин Иоанн Александрович** (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, настоятель Свято-Троицкого собора в г. Троицке Оренбургской епархии, законоучитель женской гимназии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 71) 271
- Ильинский Павел Матвеевич** (ок. 1856 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник церкви при ст. Исакогорка Северных железных дорог (Архангельская епархия). Сложил полномочия члена Собора. (*Деяния* I.1, с. 71) 264
- Иннокентий (Борисов)** (1800–1857) – архиепископ Херсонский 259
- Иоаким (Савелов)** (1621–1690) – Патриарх Московский 296, 325
- Иоаким II** – в 1884–1886 годах Константинопольский Патриарх 284
- Иоаким III** (1834–1912) – Константинопольский Патриарх 281–285
- Иоанн (Смирнов)** (1844–1919) – член Собора, архиепископ Рязанский. 1863 – окончил Владимирскую семинарию; 1867 – окончил СПбДА; 1868 – преподаватель Рязанской семинарии; 1883–1901 – ректор Рязанской семинарии; 1902 – епископ Чебоксарский; 1904 – епископ Полтавский и Переяславский; 1910 – епископ Рижский и Митавский; 1912 – архиепископ; 1917 – архиепископ Рязанский. (*Деяния* I.1, с. 72; Мануил III, с. 325–326) 258
- Иоанн Дамаскин** (VIII в.) – преподобный 266, 290, 295
- Иоанн Златоуст** (347–407) – святитель, вселенский учитель Церкви 304
- Иоанн Кронштадтский** (Иоанн Ильич Сергиев) (1829–1909) – святой, праведный 267
- Иоанн Псковский** (†1616) – местночтимый святой, затворник 358
- Иоанн Ростовский** (†1213) – святитель 350
- Иоанн Суздальский** (†1373) – святитель 359
- Иоанникий (Казанский)** (1839 – †после 1917) – епископ Архангельский и Холмогорский. (Мануил III, с. 353–354) 257, 258
- Иона Пертоминский** (†1561) – преподобный, чудотворец 359
- Иона** (†1461) – митрополит Московский, святитель 359
- Иосиф Волоцкий** (1439/40–1515) – игумен, преподобный, основатель Иосифо-Волоколамского монастыря 351
- Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович** (1859–1935) (наст. фамилия Иванов) – композитор 209
- Иринеи Лионский** (II в.) – святой, отец Церкви 326, 328, 345
- Исаия Ростовский** (†1090) – святитель 350
- Иулитта (Тарсийская)** (†ок. 305) – мученица 346
- Иудин Александр Иванович** (ок. 1865 – дата смерти неизвестна) – член Собора, хлебопашец и кожевник деревни Савиной Вытегорского уезда (Олонецкая епархия). (*Деяния* I.1, с. 72) 229–231, 235
- Калинин** – участник заседаний Подотдела «О богослужебном пении» 209
- Каллиник II** (кон. XVIII в.) – Константинопольский Патриарх 281

Карабинов Иван Алексеевич (1878 – †30-е годы) – после семинарии учился у Д.П. Миртова в СПб. Духовной Академии, которую закончил в 1902 году. Профессор СПбДА. С научными целями путешествовал по Святым местам: посетил Иерусалим, Голгофу, Синай, Вифлеем, Рим. И. д. доцента СПбДА, 1910 – доцент; 1911 – экстраординарный профессор СПбДА. С 1907 – член Комиссии по исправлению богослужебных книг. После закрытия СПбДА работал архивариусом на Балтийском Судостроительном заводе. 1922 – обвиняемый на Петроградском процессе об изъятии церковных ценностей (процесс митрополита Вениамина), но был оправдан. Вероятно, арестован в 30-х годах. Архив и библиотека погибли. (*Деяния* I.1, с. 72; ИС 1917, с. 8)¹. 256, 290, 304, 307, 313, 315, 317, 323, 324, 330–332, 337, 361

Кассиан Римлянин (V в.) – преподобный 294

Кастальский Александр Дмитриевич (1856–1926) – композитор, автор ряда церковных песнопений. После революции – профессор Московской консерватории 204, 205, 208, 209, 335

Киприан Карфагенский (III в.) – священномученик 345

Киприан (†1406) – митрополит Московский, святитель 361

Кириак Палестинский (†556) – преподобный 290

Кирик Тарсийский (†ок. 305) – мученик 346

Кирик Новгородец (XII в.) – domestик Антониева монастыря в Новгороде 329

Кирилл V (XVIII в.) – Константинопольский Патриарх в 1748–1751 годах 280

Кирилл Белоозерский (ок. 1337–1427) – преподобный 350, 351

Кирилл Лукарис (1572–1638) – Константинопольский Патриарх 280

Кирилл (ок. 827–869) – равноапостольный, учитель Словенский 271

Кладинов Павел Трофимович (1856 – дата смерти неизвестна) – член Собора, регент архиерейского хора, мирянин. Представитель от Варшавской епархии, но житель Москвы. Окончил Придворную капеллу. (*Деяния* I.1, с. 73) 205

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк искусства, византист, управляющий Комитета попечительства о русской иконописи 217, 220, 242

Константин Александрович Романов – великий князь 217

Константин (Бульчев) (1858 – год смерти неизвестен) – член Собора. 1891 – окончил СПб университет. 1892 – монах. 1893 – иеромонах. 1894 – окончил СПб Духовную академию. 1896 – ректор Витебской Духовной семинарии. 1900 – ректор Киевской Духовной семинарии. 1901 – епископ Гдовский. 1904 – епископ Самарский и Ставропольский. 1911 – епископ Могилевский и Мстиславский. 1915 – архиепископ. 1922 – несколько раз переходил в обновленчество, а затем стал одним из основоположников Григорианского раскола. (*Деяния* I.1, с. 73; Мануил IV, с. 137–138) 257

Константин Копроним († 775) – византийский император 204

Константин Ярославский (†ок. 1321) – святой 351

Корнилий (XVII в.) – митрополит Новгородский 312

Корчинский Иоанн Владимирович (ок. 1864 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, настоятель собора в Гродно. (*Деяния* I.1, с. 74) 312

Косма Майумский (†ок. 787) – византийский гимнограф, преподобный 266

Косма Яхромский – преподобный 359

Котельников Михаил Николаевич (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Уфимской Духовной семинарии, директор Уфимского училища глухонемых, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 74) 273, 274

¹ См. также: Кравецкий А.Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Московского Православного Университета. № 1. М., 1995. С. 60–61; Сове Б. И. Русский Голгофар и его школа // Богословские труды. 1968. Сб. 4; Карабинова О. И. Жизнь И. А. Карабинова. Пярну, 1977. (Рукопись библиотеки СПбДА № 124892).

- Ксенофонт Робейский** (†1262) – преподобный 357
- Кудряцев Михаил Рафаилович** (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, житель Нижнего Новгорода. Окончил Духовную академию. (*Деяния* I.1, с. 74). 330, 332
- Кудряцев Петр Павлович** (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора; 1892 – окончил КДА, кандидат богословия, профессорский стипендиат; 1893 – преподаватель Подольской семинарии; 1897 – и. д. доцента КДА; 1908 – магистр богословия, доцент; 1909 – экстраординарный профессор по кафедре истории философии. Член Соборного Совета, на Соборе избран заместителем члена Высшего Церковного Совета. В начале 1930-х арестован в Киеве, приговорен к заключению в ИТЛ. Освобожден через три года в связи с болезнью сердца. Похоронен в Киеве. (*Деяния* I.1, с. 74; ИС 1917, с. 16; Гонения, с. 657–658) 258–261, 267, 271, 272, 274, 312
- Курбатов Иван Васильевич** (ок. 1852 – дата смерти неизвестна) – член Собора, крестьянин, приемщик на Омутнинском заводе Глазовского уезда (Вятская епархия). (*Деяния* I.1, с. 75) 264
- Курбский Андрей** (1528–1583) – князь 264, 265
- Лебедев Василий Константинович** (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1885 – кандидат богословия, преподаватель в Тотемском Духовном училище; 1886 – преподаватель Вологодской семинарии; 1890 – магистр богословия; 1905 – смотритель Вологодского Духовного училища. (*Деяния* I.1, с. 76; ИС 1917, с. 46) 265, 267, 269, 310
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814–1841) – поэт 263
- Лесков Николай Семенович** (1831–1895) – писатель 269
- Леонтий Ростовский** (†1073) – святитель 350
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711–1765) – ученый, поэт 263
- Лукьянов С. М.** – обер-прокурор Синода в 1909–1911 годах 246, 247
- Львов Аполлинарий Николаевич** (нач. XX в.) – историк 239
- Любимов Николай Александрович** (ок. 1858 – † после 1922) – член Собора, протопресвитер Большого Успенского собора в Москве, присутствующий в Святейшем Синоде, товарищ председателя Собора, член Соборного Совета, избран в члены Священного Синода. (*Деяния* I.1, с. 76; АПТ, с. 166, 215) 229, 230
- Маеровский Николай Николаевич** (ок. 1888 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Белгородской Духовной семинарии (Курская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 77) 239
- Майков Леонид Николаевич** (кон. XIX в.) – филолог, литератор, председатель этнографического отделения Географического общества. (Тарасов 1995, с. 480) 217
- Макарий** (1482–1563) – святитель, митрополит Московский 222
- Макарий (Глухарев)** (1792–1847) – архимандрит, миссионер и переводчик Библии на русский язык 267
- Макарий Переяславский** (XVII в.) – священномученик 359
- Макарий Писемский** (XIV в.) – преподобный 357
- Мальгин Николай Григорьевич** (ок. 1864 – дата смерти неизвестна) – член Собора, крестьянин, представитель Ярославской епархии 330
- Мальцев Алексей Петрович** (1854–1915) – протоиерей, магистр СПбДА, настоятель посольской церкви в Берлине, переводчик православного богослужения на немецкий язык 266
- Марин Михаил Федорович** (ок. 1877 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник, законоучитель реального училища в гор. Петровске (Саратовская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 77) 240, 271, 309
- Марк** (II в.) – еретик, упоминаемый святым Иринеем Лионским 328
- Мелетий** (нач. XX в.) – Антиохийский Патриарх 281
- Мельницкий Сергей Антонович** (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, настоятель Успенской церкви м-рестечка Песчанки Ольгопольского уезда (Подольская епархия), окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 78) 272
- Менделеев Дмитрий Иванович** (1834–1907) – химик 276

Методий (Герасимов) (1856–1930) – епископ Оренбургский, член Собора. 1878–1882 – студент Казанской Духовной Академии; 1885 – монах, иеромонах, заведующий Алтайским Миссионерским катехизаторским училищем; 1892 – кандидат богословия; 1893 – архимандрит, начальник Алтайской миссии; 1894 – епископ Бийский, викарий Томской епархии; 1898 – епископ Забайкальский и Нерчинский; 1912 – епископ Томский и Алтайский; 1914 – епископ Оренбургский и Тургайский; 1918 – архиепископ; 1919 – иммигрирует; 1920 – архиепископ Харбинский; 1929 – митрополит. (*Деяния* I.1, с. 78; Мануил IV, с. 338–339) 256, 259, 262, 267, 268, 273, 274

Методий (ок. 815–885) – святой равноапостольный, учитель Словенский 271

Миклашевский Николай Федорович (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, член Череповецкого окружного суда (Новгородская епархия). (*Деяния* I.1, с. 78). 269, 270

Мироносицкий Порфирий Петрович (1867– дата смерти неизвестна) – писатель, выпускник Казанской Духовной Академии, магистр богословия, редактор журнала «Народное образование» и «Приходской листок». (Христианство II, с. 114) 306

Митрофан – митрополит Черногорский 284

Митрофан Воронежский (1623–1703) – святой 359

Михаил (†1898) – митрополит Белградский 284

Михаил (Ермаков) (1862–1929) – архиепископ Гродненский, член Собора. 1887 – окончил КДА, иеромонах, преподаватель Киевской семинарии; 1888 – инспектор Орловской семинарии; 1890 – исправляющий должность инспектора СПбДА; 1891 – архимандрит; 1893 – ректор Могилевской, затем – Волынской семинарии; 1899 – епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии; 1899–1903 – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; 1903–1905 – епископ Семипалатинский; 1905–1921 – епископ Гродненский и Брестский (с 1912 – архиепископ); 1921–1929 – митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх Украины. (*Деяния* I.1, с. 78; Мануил IV, с. 385–388; АПТ, с. 874) 229

Михаил (Темнорусов) (1854–1912) – архиепископ Минский и Туровский. (Мануил IV, с. 415–416) 257

Михаил Черниговский (†1245) – благоверный князь, мученик 350

Михей Радонежский (†1385) – преподобный 359

Мстислав Владимирович (†1036) – великий князь Киевский 225

Надин-Уваров В. В. – музыкальный критик 205, 206

Назарий (Кириллов) (1850–1928) – член Собора. 1874 – рукоположен в священника. 1880 – окончил КДА. 1880–1883 – законоучитель в различных учебных заведениях. 1892 – иеромонах, ректор Ставропольской Духовной семинарии, архимандрит. 1893 – епископ Кирилловский, затем Гдовский. 1897 – епископ Олонецкий и Петрозаводский. 1901 – епископ Нижегородский и Арзамасский. Участвовал в освидетельствовании мощей преп. Серафима Саровского. 1909 – архиепископ. 1910 – архиепископ Полтавский и Переяславский. 1913 – архиепископ Херсонский и Одесский. 1917 – на покое. 1919–1923 – управлял Курской епархией. 1923 – на покое. 1925–1928 – управлял Курской епархией. (*Деяния* I.1, с. 79; Мануил V, 15–17) 257–258

Недельский Владимир Климентович (1869–1942) – член Собора. 1894– окончил КДА; кандидат богословия; преподаватель Литовской Духовной семинарии; 1927–1929 – преподавал славянский язык и гомиетику в Православном Богословском институте в Париже. Скончался в Ковно. (*Деяния* I.1, с. 79)¹ 216, 271, 274, 313

Неофит – архимандрит 363

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – художник 226

Нестор (Анисимов) (1864–1962) – член Собора, епископ Камчатский. После реального училища окончил миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии; 1907 –

¹ Личный состав Православного Богословского института в Париже за 25 лет // Церковный вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1950, № 4 (25). Париж. С. 20.

иеромонах, по благословению Иоанна Кронштадтского уезжает в Камчатскую епархию; автор переводов богослужебной и катехизической литературы на тунгусский и корякский языки; 1913 – игумен; 1915 – архимандрит; 1914–1915 – служил в Действующей армии; 1916 – епископ Камчатский и Петропавловский; 1919–1920 – пробирается на Камчатку через Европу, Африку и Азию; 1921 – основывает Камчатское подворье в Харбине; 1933 – архиепископ; 1938 посещает Индию; 1945 – Патриархом Алексием I назначен управляющим Харбинской епархией. Возвращается в Россию; 1948–1956 – ссылка в Мордовии; 1956–1958 – митрополит Енисейский и Барнаульский; 1959 – временно управлял Кировоградской епархией. (*Деяния* I.1, с. 79; Мануил V, с. 36–49) 227

Никита Переяславский (XII в.) – преподобный 350

Никодим Сербский (XIV в.) – архиепископ, святитель 296

Николай (Касаткин) (1857–1911) – святитель, японский миссионер 271

Николай I (1796–1855) – российский император 276

Николай II (1868–1918) – российский император 218, 336, 345

Никольский Константин Тимофеевич (1824–1910) – протоиерей, литургист, магистр СПбДА. (Христианство II, с. 214) 311

Никон (1605–1681) – Патриарх Московский 207, 229, 264, 294, 339

Никон Черногорец (XI в.) – монах, духовный писатель 295

Нифонт (XII в.) – епископ Новгородский, святитель 329

Новоселов Михаил Александрович (1864 – ок. 1938) – духовный писатель, издатель «Религиозно-философской библиотеки». Автор «Писем к друзьям» – одного из первых текстов религиозного самиздата, член «Братства ревнителей Православия (1917–1922). Умер в лагерях¹. 333

Новосельский Андрей Васильевич (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1884 – окончил Казанскую Духовную Академию, учитель II Тамбовского училища; 1886–1895 учитель Тамбовских Духовных училищ; 1895 – помощник смотрителя Серафимовского Духовного училища г. Тамбова. Кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 80; ИС 1917, с. 141) 256, 271, 274

Олсуфьев Димитрий Адамович (1862 – дата смерти неизвестна) – член Собора, граф, член Государственного Совета. Окончил университет, житель С. Петербурга. (*Деяния* I.1, с. 81; ЛАФ III, с. 291) 230, 234

Ольга (+969) – святая, равноапостольная княгиня 306

Ольга Константиновна (1851–1926) – великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича, жена короля Греции Георга I 266

Ольховский Григорий Александрович (ок. 1862 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Холмской Духовной семинарии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 81) 204

Остроумов Михаил Андреевич (1847–1920) – член Собора, писатель. Окончил СПб. университет и МДА, доктор церковного права, профессор Харьковского университета. (*Деяния* I.1, с. 82; Христианство II, с. 259–260) 330

Пасий II (XVIII в.) – Константинопольский Патриарх в 1726–1733 годах 280

Палладий (Добронравов) (1865–1922) – член Собора, епископ Саратовский. 1887 – окончил Московскую семинарию; 1888 – иеродиакон; 1890 – иеромонах; 1891 – окончил МДА; 1892–1896 – преподаватель семинарий; 1899 – магистр богословия; 1901 – синодальный ризничий; 1903 – епископ Вольский; 1908 – епископ Пермский и Соликамский; 1914 – епископ Саратовский и Царицынский; 1918 – епископ Сарapulьский и Елабужский; 1919 – на покое, настоятель Новоспасского монастыря. (Мануил V, с. 334–335) 330

¹ Полищук Е.С. М.А.Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. V–LIII.

Пантин Николай Иванович (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – член Собора, управляющий Петроградской таможенной при Финляндской ж.д. Окончил реальное училище. (*Деяния* I.1, с. 82) 264

Парфений I – в 1639–1644 годах Константинопольский Патриарх 280

Парфений (Краснопевцев) (1790–1855) – иеросхимонах Киево-Печерской Лавры, старец, преподобный 267

Пахомий (Жедров) (1876–1937) – епископ Черниговский, член Собора. 1898 – монах; 1900 – окончил Казанскую Духовную Академию; 1905 – архимандрит; 1911 – епископ Новгород-Северский; 1916 – епископ Стародубский, викарий Черниговской епархии; 1917 – епископ Черниговский; 1925 – арестован; 1927 – сослан на Соловки; в том же году, по возвращении, возведен в сан архиепископа. (*Деяния* I.1, с. 82; АПТ, с. 877–878; Мануил V, с. 369–372) 334, 337

Пахомий Нерехтский (†1384) – преподобный 361

Петр I (1672–1725) – российский император 239, 336, 353

Петр Могила (1596/97–1647) – киевский митрополит 318, 325, 326, 328

Петр (†1329) – святитель, митрополит Московский 222, 351, 352

Пилипчук Михаил Лаврентьевич (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – член Собора, хлебопашец м. Красилова Старокиевского уезда (Волинская епархия). Окончил начальное училище. (*Деяния* I.1, с. 82) 270

Пионтеквич Алексей Фомич (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – председатель съезда мировых судей, окончил университет, житель Овруча (Волинская епархия). (*Деяния* I.1, с. 83) 289

Пипин Короткий (714–768) – франкский король 204

Платон (Рождественский) (1866–1934) – митрополит Тифлиссский и Бакинский, член Собора. 1886 – окончил Курскую семинарию; 1894 – иеромонах; 1895 – окончил КДА; 1902 – ректор КДА; 1902 – епископ Черниговский; 1907 – архиепископ Алеутский и Североамериканский, член II Думы; 1915–1917 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии (после провозглашения автокефалии лишен права распоряжаться грузинскими епархиями); 1917 – митрополит Тифлиссский и Бакинский, Экзарх Кавказский; 1918 – митрополит Одесский; 1920 – эмигрировал в США, настоятель православных приходов в Америке; 1922 – объявил Американскую Церковь автономной; 1924 – Патриархом Тихоном отстранен от управления Североамериканской епархией. (*Деяния* I.1, с. 83; Мануил IV, АПТ, с. 887; с. 469–473) 260, 324

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – обер-прокурор Синода 203

Покровский Иван Михайлович (1865– дата смерти неизвестна) – член Собора. 1886 – окончил Тамбовскую семинарию; 1887 – псаломщик и надзиратель I Тамбовского училища; 1889–1891 – надзиратель II Тамбовского Духовного училища; 1895 – окончил Казанскую Духовную Академию, оставлен при Академии профессорским стипендиатом; 1896 – и. д. доцента; 1898 – магистр и доцент; 1907 – доктор церковной истории; 1908 – экстраординарный профессор; 1909 – профессор. (*Деяния* I.1, с. 83; ИС 1917, с. 29; Каталог РГБ) 220, 347, 353

Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – археолог, историк искусства. (Тарасов 1995, с. 480; Христианство II, с. 360) 246, 247

Пономарев Аристарх Рафаилович (ок. 1881 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник церкви штаба Владивостокской крепости, студент Духовной семинарии. (*Деяния* I.1, с. 83) 270, 271

Попов Н. П. – библиотекарь 229

Попович И. В. – участник заседаний Подотдела «О церковно-богослужебном языке», кандидат права 265

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – писатель 269

Прилуцкий Василий Дмитриевич (ок.1882 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник. В 1907 году закончил КДА. 1906/1907 – профессорский стипендиат. В 1907 защищает магистерскую диссертацию. С 1907 года участвует в работе Комиссии по исправлению богослужебных книг. В 1908 году занимает кафедру археологии. Рукоположен 31 октября 1910 года. В 1913 году – экстраординарный профессор КДА, в том же году занимает кафедру литургики. 1920 – один из немногих профессоров, продолжавших преподавание в КДА. (*Деяния* I.1, с. 84)¹ 204, 270, 273, 297, 307–309, 313–315, 318, 335

Прокл (IV в.) – Константинопольский Патриарх, святитель 303

Прокопий (Титов) (1877–1937) – епископ Елисаветградский, член Собора. Окончил Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия, иеромонах; 1909 – архимандрит, помощник начальника училища пастырства в Житомире; 1914 – епископ Елисаветградский, vicарий Херсонской епархии; 1923–1925 – находился в Соловецком лагере; 1924–1925 – епископ Херсонский; с 1925 епархией не управлял; 1927 – архиепископ Херсонский; 1927 – послан в г. Турткуль. Расстрелян в 1937 году. (*Деяния* I.1, с. 84; Мануил V, с. 488–489; АПТ, с. 902) 219, 222, 232, 236, 239, 255

Прокопий Устюжский (†1313) – Христа ради юродивый, чудотворец 352

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт 259, 263, 273

Ратьковский Петр Матвеевич (ок. 1878 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник г. Самарканда (Туркестанская епархия), студент Духовной семинарии. (*Деяния* I.1, с. 85) 267–269

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) – композитор 203

Рождественский Александр Петрович (1865–1931) – член Собора, протонерей Мариинского дворца, доктор богословия, профессор Петроградской Духовной Академии, присутствующий в Святейшем Синоде, член Предсоборного Совета. В эмиграции – профессор Богословского факультета Софийского университета. Умер в Моравской Тшебове. (*Деяния* I.1, с. 85)² 260, 261

Роман Сладкопевец (IV–V в.) – церковный гимнограф, святой 304, 306

Рункевич Степан Григорьевич (1867–† после 1922) – член Собора, председатель Редакционного отдела. 1891 – окончил СПбДА; 1894 – магистр; 1901 – доктор церковной истории; 1900–1911 – обер-секретарь Синода; 1900–1907 – приват-доцент СПб университета; 1911–1917 – помощник управляющего Синодальной канцелярией; 1903–1912 – член Учебного комитета Синода; 1912–1917 – непреременный член Медицинского совета МВД; 1920 – сотрудник Главархива. (*Деяния* I.1, с. 87)³ 239, 240, 247

Рыбаков С.Г. (кон. XIX в.) – автор книги о церковном звоне 311

Сабинин Стефан Александрович (ок. 1879 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Троицкой церкви слободы Подворной (Воронежская епархия). Окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 86) 272

Савва Вишерский (†1461) – преподобный 350

Савва Освященный (†532) – преподобный 290, 291, 295

Савва Тверской (†1467) – местночтимый святой 358

Савватий Соловецкий (†1435) – преподобный 359

Савватий Тверской (†ок. 1434) – местночтимый святой 358

Савинов А. И. – участник соборных дискуссий об охране памятников 226

Самбурский Константин Иванович (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора, псаломщик Преображенской церкви села Гужовки Борзенского уезда (Черниговская епархия). Окончил Духовное училище. (*Деяния* I.1, с. 87) 233, 270, 272

¹ Кравецкий А.Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Московского Православного Университета. № 1. М., 1995. С. 70; Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. // Богословские труды. 1968. Сб. 4.

² Некрологи: Последние новости 4/1.1931, № 3574; Руль (Берлин), 24. I. 1931, № 3089.

³ См. с. 189 настоящего издания о С. Г. Рункевиче в статье К. К. Тарасова.

- Сапин Роман Емилианович** (ок. 1876 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1902 – окончил КДА, преподаватель Киевоподольского Духовного училища и Киевского епархиального женского училища; 1916 – помощник смотрителя Севского Духовного училища (Орловская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 87; ИС 1917, с. 106) 330
- Святополк Изяславич** (1050–1113) – князь Киевский 350
- Селезневы** – купцы, учредители стипендии 223
- Серапий Владимирский** (†1275) – местночтимый святой 358
- Серафим Саровский** (†1833) – преподобный 353
- Сергей Александрович Романов** – великий князь 217
- Сергий (Спасский)** (1830–1904) – архиепископ Владимирский 359
- Сергий (Страгородский)** (1867–1944) – митрополит Владимирский, член Собора. 1890 – окончил СПбДА, иеромонах, член Японской Духовной миссии; 1893 – доцент СПбДА, инспектор МДА; 1894 – настоятель посольской церкви в Афинах, архимандрит; 1895 – магистр богословия; 1897 – помощник начальника Японской миссии; 1899 – инспектор СПбДА (1901 – ректор); 1901 – епископ Ямбургский; 1905–1917 – епископ Финляндский и Выборгский; 1905 – архиепископ; 1917 – митрополит Владимирский; 1922–1924 – в обновленческом расколе; 1924–1934 – митрополит Нижегородский и Арзамасский; 1926 – в заключении; 1925–1936 – заместитель Патриаршего Местоблюстителя; 1937–1943 – Патриарший Местоблюститель; 1934–1943 – митрополит Московский и Коломенский; 1943–1944 – Патриарх Московский и всея Руси. (*Деяния* I.1, с. 87; АПТ, с. 895; Мануил VI, с. 168–191) 257, 258, 260–262, 336
- Сергий Валаамский** (†1353) – преподобный, чудотворец 346
- Сергий Малопинежский** (†1585) – местночтимый святой 358
- Сергий Радонежский** (†1392) – преподобный 296, 305, 345, 350, 351
- Сильвестр** (кон. XVI в.) – Александрийский Патриарх 280, 281
- Сильвестр (Ольшевский)** (1860–1920) – епископ Омский, член Собора. 1883 – окончил Киевскую семинарию; 1887 – окончил КДА; 1889 – епархиальный киевский миссионер; 1890 – полтавский миссионер, преподаватель семинарии; 1892 – иерей (целибат); 1910 – иеромонах, архимандрит; 1911 – епископ Прилуцкий; 1914 – епископ Челябинский; 1915–1920 – епископ Омский и Павлодарский; 1918 – архиепископ. Скончался в заключении в Омске. (*Деяния* I.1, с. 88; АПТ, с. 896; Мануил VI, с. 203–204) 262–265, 267–269
- Симеон Солунский** (XV в.) – митрополит, святитель 292
- Симеон Тверской** – местночтимый святой 358
- Симеон** (X в.) – болгарский царь 264
- Симон (Шлеев)** (ок. 1863–1921) – епископ, член Собора. 1899 – окончил Казанскую Духовную Академию; настоятель единоверческого собора в С.Петербурге; член Предсоборного Совета. Полномочия по избранию сложил. 1918 – пострижен в рясофор, архимандрит, епископ Охтенский (единоверческий); 1920 – епископ Уфимский. Убит в Уфе. (*Деяния* I.1, с. 94; Мануил VI, с. 223; Зеленогорский 1991, с. 299) 260, 330, 331
- Симон Юрьевецкий** (XVI в.) – Христа ради юродивый, святой 358
- Симон** – митрополит Московский в 1496–1511 годах 222
- Сироткин Николай Михайлович** (ок. 1875 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Крестовоздвиженской церкви села Юсупова Подольского уезда (Московская епархия), благочинный. Окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 88) 255
- Скабалланович Михаил Николаевич** (1871–1931) – профессор Киевской Духовной академии, член Предсоборного Совета, в работе Собора не участвовал¹ 345

¹ Лозинский Р. Р., прот. М. Н. Скабалланович и его литургические труды. Загорск, 1960. (Машинопись, хранящаяся в библиотеке МДА).

Скородумов Евгений Васильевич (ок. 1886 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Тихвинского Духовного училища (Новгородская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 88) 233

Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) – историк русского языка, академик 235, 241, 245, 247

Соколов Иван Иванович (ок. 1865 – дата смерти неизвестна) – член Собора, магистр КДА, профессор СПбДА. (*Деяния* I.1, с. 89; Христианство II, с. 603) 279, 286

Софроний (VII в.) – Патриарх Иерусалимский, святитель 290, 295

Софроний Иркутский (†1771) – святитель 346

Степанов Клавдий – художник и педагог 223

Стефан (Архангельский) (1861–1914) – епископ Могилевский 257, 258

Стефан Пермский (ок. 1340–1396) – епископ, святитель 350

Стефан Яворский (1658–1722) – Местоблюститель Патриаршего Престола 336

Теодорович Терентий Павлович (1867–1939) – протоиерей, член Собора. 1881 – студент Волинской Духовной семинарии; 1887 – студент МДА; 1895 – диакон, священник. Переезжает в Варшаву, служит в кафедральном соборе; 1910 – настоятель Успенской церкви; духовный писатель. (*Деяния* I.1, с. 91)¹ 272

Терпкович Максим (XIX–XX вв.) – участник дискуссии о календаре в Сербии 284

Тихон (Беллавин) (1865–1925) – Святейший Патриарх Московский и всея России 275, 324, 346, 354, 363

Тихон Задонский (1724–1783) – святитель 352

Тихон (Троицкий-Донебин) (1831–1911) – архиепископ Иркутский и Верхотурский 258

Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – писатель 259

Толстой Иван Иванович (1858–1916) – граф, археолог, вице-президент Академии художеств. (Тарасов 1995, с. 485; ЛАФ II, с. 291) 217

Троицкий Николай Иванович (ок. 1841 – дата смерти неизвестна) – член Собора, заведующий Тульской палатой древностей, магистр богословия. (*Деяния* I.1, с. 91) 264, 265

Трофим Ликийский (†303) – мученик 341

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – член Собора, член Предсоборного Совета, товарищ председателя Собора, член Соборного Совета, избран в члены Высшего Церковного Совета. Философ и правовед. (*Деяния* I.1, с. 91) 256

Тураев Борис Александрович (1868–1920) – член Собора, египтолог, историк Коптской и Эфиопской Церкви. Основатель российской школы изучения древних цивилизаций Ближнего Востока, академик Российской Академии наук (1918), член Предсоборного Совета. (*Деяния* I.1, с. 91)² 260, 261, 266, 269, 303, 307, 313, 315, 333, 337, 353, 355, 361, 363

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель 259, 273

Туркевич Венедикт Иеронимович (ок. 1873 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, законоучитель Морского кадетского корпуса, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 91–92) 272

Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) – графиня, археолог, председатель Московского археологического общества. (ЛАФ II, с. 244) 226

Успенский Александр Иванович (1873–1938) – историк, директор Московского археологического института. (Тарасов 1995, с. 485; ЛАФ II, с. 248) 226

Успенский Владимир Васильевич (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, член Предсоборного Совета, инспектор Исидоровского епархиального женского училища. (*Деяния* I.1, с. 92) 310

¹ Лабынцев Ю. А. Всеум православному миру. М., 1995, С. 24–36; Лабынцев Ю. А. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // Славяноведение. 1995. № 4.

² Древний Восток. Сборник 2. Памяти академика Б. А.Тураева. М., 1980.

Уткин Павел Иванович (ок. 1873 – дата смерти неизвестна) – член Собора, крестьянин Рождественской волости Кургурского уезда (Пермская епархия). Окончил начальное училище. (*Деяния* I.1, с. 92) 229, 230

Феогност (†1353) – митрополит Киевский и Московский, святитель 350

Феогност – святой 361

Феодор Студит (†826) – преподобный, отец Церкви, исповедник 266

Феодор Ростовский (†1394) – святитель 359

Феодосий (Яновский) († 1726) – архиепископ Новгородский, сотрудник Петра I 336

Феодосий (Феодосиев) (1864–1942) – епископ Смоленский и Дорогобужский, член Собора. 1890 – окончил СПбДА, учитель Черниговского Духовного училища; 1897 – монах, иеромонах; 1898 – инспектор Минской Духовной семинарии; 1899 – ректор Тульской семинарии, архимандрит; 1903 – епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии; 1908 – епископ Смоленский и Дорогобужский; 1919 – арестован; 1922–1939 – архиепископ Виленьский и Лидский (Польская Автокефальная Церковь); 1939–1942 – на покое в Вильнюсе. (*Деяния* I.1, с. 95; Мануил VI, с. 368–370) 346, 353, 355

Феодосий Великий (ок. 424–529) – преподобный, основатель общежительного монашества 290

Феодосий Печерский (ок. 1036–1089) – преподобный, игумен Киево-Печерского монастыря 305, 350

Феофан Новгородский (†1310) – святитель 357, 360

Феофан, Затворник Вышенский (Говоров) (1815–1894) – святитель 271, 272

Феофан Прокопович (1681–1736) – епископ Псковский, составитель «Духовного регламента» 336

Феофил Ликийский (†303) – мученик 341

Фигуровский Иван Васильевич (ок. 1879 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Красноярской Духовной семинарии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 92) 272

Филарет (Дроздов) (1783–1867) – святитель, митрополит Московский и Коломенский. 1994 – причислен к лику святых 259, 268

Филарет (Романов) (1554/55–1633) – Патриарх Московский и всея Руси 340

Филоненко Федор Дмитриевич (1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Родился в Воронежской губернии. Окончил семинарию и служил священником в провинции. Протоиерей. 1917 – присутствующий в Святейшем Синоде, член Предсоборного Совета. 1919 – настоятель церкви Милующей иконы Божией Матери в Гавани (Гавань – район СПб. – *Ред.*). 1924 – арестован по делу православных братств, получил три года Соловков. (*Деяния* I.1, с. 92)¹ 260, 261, 330, 331

Филофей (XIV в.) – Константинопольский Патриарх 329

Флавиан (Городецкий) (1840–1915) – митрополит Киевский и Галицкий. (Мануил VI, с. 448–453) 257, 258

Харитон Исповедник (†ок. 350) – епископ Иконийский 290

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, писатель, поэт 259, 263

Хотовицкий Александр Александрович (1872– ок.1937) – член Собора. Окончил СПбДА, кандидат богословия. 1895–1914 – миссионер в Америке; 1903 – настоятель кафедрального собора в Нью-Йорке; 1917 – протопресвитер и ключарь храма Христа Спасителя; 1922 – арест. Осужден на 10 лет тюремного заключения; 1923 – освобожден; 1924 – ссылка в Туруханский край; 1930 – служил в московской церкви Ризоположения; 1937 – арестован и, по всей вероятности, расстрелян. 1994 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 92; АПТ, с. 902; Гонения, с. 48–49)² 266, 267, 324

¹ <Антонов В.> Аннотированный список упоминаемых лиц // Минувшее. Вып.15. М.– СПб., 1994. С. 616.

² Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября–2 декабря 1994 года. Документы и доклады. М., 1995. С. 164–170.

Худонос – священник 311

Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – композитор 203

Чельцов Петр Алексеевич (ок. 1888 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник, инспектор классов и законоучитель Смоленского епархиального женского училища, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 93) 312, 317

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог 263

Шеин Василий Павлович (1866–1922) – член Собора. 1893 – окончил училище правоведения; сенатор, член IV Думы, секретарь Собора, член Соборного Совета; 1920 – принял монашество с именем Сергей, настоятель Троицкого подворья в Петрограде; 1922 – осужден по Петроградскому делу об изъятии церковных ценностей, расстрелян. 1992 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 93; АПТ, с. 395–396) 225

Шергин Виктор Прокопиевич (ок. 1892 – дата смерти неизвестна) – член Собора, псаломщик Михаило-Архангельской церкви села Шарapultь Нижнеудинского уезда (Иркутская епархия). Окончил Духовную семинарию. Признан выбывшим из состава Собора. (*Деяния* I.1, с. 94) 270

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, историк, председатель Общества любителей древней письменности и Комитета попечительства о русской иконописи. (Тарасов 1995, с. 487) 217, 220, 239

Шлеев Симеон Иоаннович – см. Симон (Шлеев), епископ.

Шукин Иоанн Федорович (ок. 1872 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Христорождественской церкви поселка Крохино Белозерского уезда (Новгородская епархия). Окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 94) 269, 330

Щусев Алексей Васильевич (1873–1949) – архитектор. Проекты Марфо-Мариинской обители, храмов на Куликовом поле, в Бари (Италия), а также Мавзолея и здания НКВД на Лубянке 225, 226, 232

Языков Николай Михайлович (1803–1846/47) – поэт 259

Работа осуществлена при поддержке Центрально-Европейского Университета (Фонд Сороса). Грант RSS/НЕСР № 162/1995.

Подписано в печать 26.01.98. Заказ № 246

Отпечатано в типографии
Патриаршего издательско-полиграфического центра.